

Эмилий Миндлин
ГОСТИНИЦА
ДЛЯ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ
В ПРОШЛОЕ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

Leo
2021

Эмилий Миндлин

ГОСТИНИЦА ДЛЯ
ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ
В ПРОШЛОЕ

Фантастические и почти
фантастические произведения
20-30-х годов

Рассказы
из журналов

ГОСТИНИЦА ДЛЯ ПУТЕШЕСТВУЮЩИХ В ПРОШЛОМ.

... Тамбов на карте генеральной
Кружком означен но всегда...

Мрачная, крохотная личность, до сих пор молча и внимательно смотревшая на меня, спросила:

— Может быть вы хотите развлечься?

Вопрос был задан в момент, когда я серьезнейшим образом разрабатывал план самоубийства, на которое усиленно толкала меня невероятная скука. Я попал в этот проклятый городишко по своей же вине. Меня утомила шумливая и тесная жизнь в Москве. Получив от редакции командировку в провинцию на предмет писания «провинциальных очерков», я поехал по дебрям великолепной РСФСР. Чёрт дернул меня заехать в ужасный городишко N. В первый же час своего приезда я понял, что ничего интересного здесь нет. Городок — по трафарету переживший все неизбежности гражданских войн, в меру разрушенный, в меру напуганный как водится — имеющий своих «буржуев» своих «большевиков», ныне успокоенный в лоне «нэпа» и торжественно сияющий новой вывеской Уисполкома. По уехать отсюда немедленно невозможно было. Я попал в ловушку: поезд из этого N к ближайшей узловой станции отправлялся раз в неделю и мне пришлось в ожидании его пять пакостных, дождливых дней прожить в вонючей, насыщенной клопами и грязью гостинице. Я торчал в течение многих часов ежедневно в омерзительном гостиничном «буфете», попивая чай и весьма мрачно считая, сколько десятков часов оставалось до отхода поезда. Когда крохтконосая личность обратилась ко мне в вопросом — до поезда

оставалось еще два с половиной десятка часов. Меня удивил вопрос личности, и я ответил раздраженно:

— Я хочу только скорейшего отхода поезда, чтобы уехать из вашего скверного городка. Я думаю, вообще, что сон — это единственное развлечение, которое еще возможно в этой стране... Да и то клопы мешают!

Личность, явно обрадованная, что ей ответили, поспешила села со мной. — Вы несправедливы к нашему городу — сказала она. — Конечно, это не то, что Москва и здесь нет того, что есть в Москве. Но все-таки я вам должен заметить, что у нас имеется театр Народного и городской сад. Но я понимаю, вы, наверное, из Москвы? А? Ведь верно? Ну да, тогда, конечно, вас не может интересовать театр Народного! У вас очень утомленное лицо. Вы устали? Переживания! Да! Да! Эти годы... Война, большевики... Ужасно, ужасно! В нашем городе девятнадцать раз менялась власть. Мукомол Бобович, так тот с ума сошел... Ужасные годы... Теперь, конечно, лучше... Уже утихло... Но все-таки — что за жизнь! Собачья! Нет, лучше не говорите!.. Знаете, иногда приятно бывает развлечься, забыться, хе-хе старое вспомнить!..

— Хм, как же это вы старое вспоминаете? — спросил я. — Пьете, что ли? У вас тут запьешь!

Личность оглянулась, всадила свои губы в мое ухо и прошептала:

— Никак нет. И не то что пьют, а уже такое — что и в Москве у вас не придумают. К нам иной раз из других мест приезжают, забыться. Изумительно! Это, знаете, учитель Каликов придумал. Хе-хе! Прямо замечательно!

— Это что же такое, однако?

— Учреждение одно... Хе-хе. Не подумайте дурного только. Все благопристойно. Там даже духовного звания лица бывают.

Учитель Каликов называет это «Гостинца для путешествующих в прошлом» Вот как! Хе-хе.

— Как! — Воскликнул я, — что это за гостиница!

— А если хотите убедиться—можете. Вход два миллиона всего. На содержание, так сказать, собирают. И общество, знаете, самое лучшее. И Евтихий Кузмич, городской голова, увы, бывший наш — тоже бывает, и полковник Стародубровский, и даже настоятель собора отец Вениамин, — разные люди, но все — отборные. И я, знаете, тоже принят. Если желаете, могу порекомендовать. Пройдем-с.

— В эту гостиницу? Но зачем?

— А вот увидите. Переживания будут у вас замечательные. Если забыться желаете — ничего лучше не придумаете!

Мне было все равно, в конце концов. Впереди предстояло еще ожидание поезда в течении суток и скука. Чёрт с ним! Пойдем! Посмотрим, что это еще, такое.

***

Мы пошли по узким деревянным тротуарам, густо облепленным жирной блестевшей грязью.

— Да. — вспомнил я, — как вас зовут? Ведь мы почти незнакомы.

— Рядно — моя фамилия, — ответила личность. — Такая фамилия. Мой отец — с Украины. А зовут меня Вольдемар Данилович. Да-с. Уроки я давал раньше. А теперь, знаете, в Наробразе этом служу. Дикобраз, как говорят у нас.

Войдя в какой-то переулок, где даже деревянных тротуаров не было, мы подошли к одинокому, каменному двухэтажному дому.

— Здесь! — сказал мой спутник и остановился. Затем господин Рядно повел меня через двор, черным ходом во второй этаж по деревянной дрожавшей лестнице.

— Только, чур, молчите, — сказал он и постучал в дверь.

За дверью отзывался грубый мужской голос:

— Кто там!

— Открывай, Галка! Свои!

Дверь открылась и... я остановился изумленный. Передо мною стоял «он», — городовой, полицейский, выходец с того спата! Он был таким же точно, каким я видел его в последний раз лет пять тому назад — с жесткими усиками, вздернутым кверху носом, с шашкой у пояса, в рубахе серого цвета.

— Здорово, Галка! — сказал Рядно.

— Здравия желаю вашбродь! — браво ответил Галка. Мы всунули ему в руку каждый по два миллиона, после чего прошли в полуосвещенный коридор. Здесь к нам вышла грузногрудая женщина с бледно розовым расплывчатым лицом в старомодном кружевном капоте.

— Ах, господин Рядно, — произнесла женщина. — Прошу, очень приятно.

— Здравствуйте, Марья Кузьминишка! — расшаркался Рядно. — Как поживать изволите? Дома ли их превосходительство?

— Дома, дома, как же. Прошу вас в гостиную!

— Ах, вот еще, Марья Кузьминишка! — спохватился Рядно, указывая на меня. — позвольте представить вам — их сиятельство князь Рогачев!

Это было совершенно непонятно. Почему Рядно назвал меня князем Рогачевым? Не сумасшедший ли он? Но я вспомнил — он просил меня молчать — и, сохрания молчание, я поклонился.

— Очень приятно, ваше сиятельство. Прошу.

Нас повели с гостиную. Здесь было вновь чему удивляться. Гостиная оказалась просторной комнатой, уставленной давно вылинявшими и сильно потертymi красно-бархатными стульями и диванчиками. На стене, напротив двери, красовался большой портрет Николая II. Под портретом стоял, опираясь на палку, живой генерал с усами, в полном форменном облачении, с золотыми зигзагами на плечах, красными лампасами на брюках и двумя Георгиями на великолепной груди.

На диване важно сидел, поглаживая рыжую бородку, священник. Он слушал своего соседа — худого высокого мужчину с жиidenькой эспаньолкой и в золотых очках — учителя Каликова, душу этого общества, как пояснил Рядно! Еще и другие люди разных возрастов сидели и стояли в гостиной. На столике лежали газеты, но я — близорук и мне было трудно на расстоянии увидеть, что это за газеты.

— Господа, — сказала Марья Кузьминишина, вводя меня — позвольте представить вам — князь Рогачев!

Генерал с зигзагами сказал: «А, хм, хм!» и подошел ко мне.

— Очень рад, ваше сиятельство. Прошу садиться. А, хм, хм! Издалека ли, далеко ли?

Тут подоспел Рядно и ответил за меня:

— Их сиятельство в именье к себе едут-с!

— А, — сказал генерал, — хм, хм! — и снова стал на свое прежнее место.

— Как полагаете, ваше превосходительство, — спросил священник, — будет ли у нас война с немцами?

— Сказать этого нельзя, батюшка. — ответил генерал — но если и будет, то немцев разбить мы сумеем!

— Так, так, — покачал головой священник, — все от бога и от государя!

— Ну, будет вам про политику! — вмешалась хозяйка, — никакой войны не будет.

— Много вы, Марья Кузьминишка, в политике понимаете!

Дверь в это время распахнулась и вошло новое лицо: совершенно круглый человек, с лысинкой, вроде блестящего блюдечка на голове, в черном пиджаке. Через весь живот — цепочка золотая.

— Кого я вижу! — воскликнула Марья Кузьминишка: — Евтихий Кузмич! Вот гость!

— Уф! Здравствуйте, Марья Кузьминишка, здравствуйте ваше превосходительство!.. Уф! Здравствуйте, господа! — сказал Евтихий Кузмич. — Уф! Я устал безумно. На заседании управы, замучили они меня — гласные!

— Заботы о городе утомительны, — заметил учитель Каликов.

— А, хм, хм! Совершенно с вами согласен.

— Газет сегодня не читал я. Что новенького ваше превосходительство?

— Да ничего, знаете, Евтихий Кузмич. Вот поглядите-ка!

И к полному моему недоумению, генерал взял со стола номер... номер «Биржевых ведомостей» и передал газету Евтихию Кузмичу.

Рядом со мною стоял Рядно.

— Что это значит? — тихо спросил я: — кто из нас сумасшедший?

Эти люди, целое общество находились как бы во сне, в забытьи. Они играли.

Они делали вид, что ничего в мире не изменилось с того времени, которое было «их» временем. Они читали старые газеты. Они говорили на темы, которые были злободневны

приблизительно лет девять тому назад, накануне войны. Они утешались.

Это и была «Гостиница Для путешествующих в прошлом». Даже на стене висел календарь 1914 года, застывший на июне 15-го дня...

После Евтихий Кузмича пришли еще люди. Гости беседовали спокойно, великолепно разыгрывая свои роли. Так, один из вновь пришедших, какой-то фабрикант рассказывал, что он приехал вчера из Петера, где представлялся господину министру торговли и промышленности и господину министру внутренних дел.

Когда, очевидно, все оказались в сборе, Марья Кузьминишка пригласила гостей в столовую к столу, чай пить.

В столовой, как и в гостиной ничто не напоминало собой о современности, о днях пережитых, но, напротив, все как бы подчеркивало, что сейчас никак не позже, чем 1914 год, о чем снова свидетельствовал еще один календарь, висевший и здесь.

За столом мое место оказалось напротив места генерала с зигзагами. Генерал прихлебывал чай и говорил:

— А, хм, хм!

И вот, приглядываясь к нему, я заметил любопытнейшую подробность: у него были фальшивые усы. Это стало ясно только теперь, когда подмоченные горячим чаем, они начали слегка отставать.

Во мне появилось желание: вскочить, сорвать с фальшивого генерала его фальшивые усы, поднять их над столом и заявить:

— Господа! Граждане! Идиоты! Ваше положение так же должно и обманчиво, как и усы вашего свадебного генерала. Не обманывайтесь! Я утверждаю, что этот календарь лжет! Он отстал ровно на девять лет! Милостивые государи, сейчас тысяча девятьсот двадцать третий год! Я утверждаю это!..

Но что еще я мог сказать этим людям? Зачем я стал бы разбивать их смешную иллюзию, лишать их странной забавы — игры в прошлое, когда вся их жизнь была в этом прошлом? И я ничего не сказал. Воспользовавшись удобной минутой, я тихо поднялся и вышел из комнаты.

В кухне при моем появлении вскочил со стула городовой Галка.

— Здравожелавашбродь! — закричал он.

— Дурак, — сказал я, — Дурак, идиот, кретин!

Он разинул рот. Я прошел мимо него, распахнул дверь и по деревянной, дрожавшей лестнице спустился во двор. Вышел на улицу. Посмотрел на часы: до отхода поезда оставалось еще двадцать два часа.

— Три часа все-таки убил, — подумал я. — и то хорошо.

ДВОЙНИК И МАВЗОЛЕЙ

1. Господин Георг Моган и неизвестное.

В 4 часа дня господин Георг Моган кончал свой обед.

Ни разу со дня, когда Георг Моган вступил во владение дворцом, ни разу шаг постороннего человека не звучал еще в залах дворца. Гостей не принимал новый владелец.

В 4 часа дня господин Георг Моган кончал свой обед. В 10 минут пятого Моган входил в свой кабинет и запирал за собой дверь. Вторая дверь кабинета вела в висячую над улицей стеклянную галерею, через которую пройти можно было только в мавзолей.

Никто никогда не видел, чем занимался господин Моган в своем кабинете.

Но стоявшие внизу на тротуаре ежевечерно в 6 часов могли видеть, как открывалась дверь, кабинета, выходившая в галерею, и как медленным шагом проходил по галерее человек с рыжеватой бородой, в сером костюме и слегка наклоненной головой. Человек исчезал в противоположном конце галерей, словно проваливался в недра мавзолея.

В мавзолей вела длинная и узкая лестница, и как бы упадала на дно небольшого сводчатого вестибюля.

Единственная дверь вестибюля запиралась на замок, и господин Георг Моган открывал ее широким ключом, висевшим на его жилете, вместо брелока. Дверь отворялась, нехотя, со скрипом, и впускала в круглый, не имевший других дверей зал. Стены зала от пола до основания купола были покрыты матовыми плитами белого мрамора. Как крутозавязанный узел, как пуповина, определяя геометрический центр зала, твердо упирался

в свое основание продолговатый из желтого мрамора пьедестал. И на пьедестале, — стеклянный ящик, в котором удобно уместилась бы человеческая фигура. И всего удобнее — фигура господина Георга Могана. Господин Георг Моган садился в единственное в зале кресло, крепко садился, как бы срастаясь с ним. Так он сидел не менее двух часов, серыми глазами своими вглядываясь в дно стеклянного ящика.

Смерть — неизвестное. Неизвестное — страшит. Георг Моган, получив наследство, выстроил мавзолей, чтобы увидеть «неизвестное». Так он сидел, вклиня в свое сознание мысль, что смерть это совсем не страшное, но что она — вот этот стеклянный ящик и что ему, господину Георгу Могану, уже нечего беспокоиться.

2. Рыжебородый у водосточной трубы.

Моган возвращается в свой дворец. Его останавливает стон: — Помогите!

Он готов пройти мимо. Но — случайный взгляд на нищего и Георг Моган не может не остановиться. Он изумленно всматривается в лицо, оборванца, в его рыжеватую с сединой бороду, охватывающую лицо от висков до остря подбородка, в серые, цвета искуренной сигары, глаза, в синеватые обручи под глазами, тонкий, слегка искривленный нос, в мясистые складки губ.

— Помогите, — шепчет нищий и умолкает, изумленный в свою очередь. И тоже смотрит испуганно и недружелюбно. Смотрит в лицо Могана, в его рыжеватую с сединой бороду, охватывающую лицо от висков до остря подбородка, в его серые, цвета искуренной сигары, глаза, в синеватые обручи под глазами; тонкий, слегка искривленный нос и в мясистые складки губ. Оба

стоят пораженные и испуганные. Они уже, не в состоянии отойти друг от друга.

— Кто вы такой? — пересилив изумление, спрашивает Моган.

Нищий молчит, точно чувствует себя виновным. Наибольшее, что он, может еще ответить это повторное:

— Мне негде спать.

Моган чувствует к нему нежность:

— Спать? Пойдемте со мной. Будете и спать и есть.

Нищий знает, что все ему снится. Только во сне он удивляется, как это удалось ему уснуть на проклятой улице... Но так как это сон, — и опасаться нечего, он соглашается.

3.Акакий Рак и его сон.

Через сорок минут — в кабинете. Нищий клянется сам перед собой, что еще никогда в жизни не видывал подобных снов. Его движения бережны и медлительны: он ужасно боится разбудить себя.

— Моя фамилия Рак, Акакий Рак, — отвечает он на вопрос Могана.

— Слушайте, господин Рак, — говорит Моган, — вы серьезно хотели бы часто видеть такие сны?

— Гм. Я бы хотел каждый раз, когда я голоден, когда мненегде спать, когда по мне тоскует полицейский участок. Увы, это бывает всегда.

— Знаете, ведь, этого никто не заметит. Мы до такой степени похожи друг на друга, что... Хотите, оставайтесь здесь?

— Хо-хо-хо... — нищему необычайно весело. От всей бутылки вина осталась, может быть, рюмка, да и то едва ли. — Да, я хочу. Но кой чёрт, кто даст мне гарантию, что я не проснусь скоро!

— Я дам вам такую гарантию, ибо вы не спите, —спокойно говорит Моган.

— Вы? Но, ведь, вы это только —я сам, явившийся в моем же сне! Вот стоит только мне проснуться и что от вас останется? Нуль? Пустота? Вы рассеетесь! Да вы не притворяйтесь, пожалуйста, господин Я. Вы — хороший сон и я по совести благодарен вам!

— Не стоит благодарности. Вы умный человек. И это не случайно вы являетесь моим двойником или я вашим. Случай, который представляется мне и вам — редкостный. Только нам с вами можно избавиться от своих ролей, навязанных нам насилино. Что вы на это скажете?

— Мне не нравится моя роль, отвечает нищий, засовывая в рот розовую корочку от ветчины.

— Это прекрасно, восклицает Моган, — почему бы вам на время не сделаться миллионером?

— А вам... бродягою?

И оба хохочут.

— Ваши документы — они при вас?

Акакий Рак вытаскивает бумажку.

— Она просрочена, как страшный суд, — говорит он, — и вообще не следует торопиться с предъявлением документов, особенно, когда они не в порядке!

4. Георг Моган сталкивается с неизвестным

Лавировать Георгу Могану приходится между авто и цепкими взорами полисменов. Полисмены всегда не прочь отправить молодчика в участок. Да, это уже поистине: миллионер избавлен от общества своих проклятых мыслей. Ему даже некогда смутно припомнить что-либо о своей болезни. Но, в конце концов, он

намерен отдохнуть. И он выбираеттишайший переулок, грунно образованный торжественными, как могилы, особняками. Он сидит одну, две, три, он сидит пять отличных минут, поглаживая ноющие ноги. Затем раздается рычание пса, грохотание дворника и миллионер вскакивает, чтобы бежать. Но — предательский выступ каменной плиты — человек получает болезненный ушиб, он упал. Мохнатая ведьмакусает его ногу. Лапы дворника схватывают его за шиворот и совсем не собираются отпускать. Моган весь во власти сильнейшей боли, но у него вполне хватает силы прошипеть:

— Хам!

— А, так ты ругаться, — вскипает дворник и свистит.

После этого Могана передают в руки полисмена и препровождают в участок.

5.Акакий Рак умирает Георгом Моганом.

— Если это все-таки сон, то он приятно затягивается, — думает Акакий Рак, посасывая сигару. Ему решительно нравится легчайшим надавливанием на кнопку вызывать к жизни певучий, растекающийся по комнатам звонок. Ему нравится видеть покорные плечи лакея и коротко отдавать приказания. И ему совсем нет дела до новостей, которые сообщает лакей в людской.

— Подумайте, он начинает немножко того. Во-первых, сегодня он никак не мог найти дороги из кабинета в столовую. Во-вторых — подумайте — компот он ел руками. И в-третьих, в-третьих, ах! — он спросил у своего лакея, часто ли тот обедает!

Акакий Рак начинает скучать. Он вкусно выспался, наелся до икотки. И теперь подходит к двери, ведущей в галерею. Ключ в замочной скважине поворачивается легко. Дверь открывается, и Акакий Рак выходит в стеклянный, висящий над улицей тоннель.

В противоположном конце галереи — темный ход в неизвестное пространство. С Акакием Раком случилось столько необычного — отчего же не случиться еще «необычному»?

Он уже представляет-себе груды сокровищ, лежащих в глубине этой темноты, или, по крайней мере, отличные запасы вина. И не раздумывая, Акакий Рак устремляется к темной пустоте.

И вот он у входа в мавзолей. Ногой чувствует лестницу, ведущую куда-то вниз. Акакий Рак бесстрашно готов спуститься по лестнице.

Он еще не настолько глуп, чтобы не понять: не спроста же все это. И он делает движение. Но движение его неверно. Нога оскользнулась и рыжебородый летит вниз головой, ударяясь ногами о выступающие из темноты ступени.

Его всхлипывающий крик врывается через галерею во дворец. Лакей, готовый войти в кабинет, слышит этот необыкновенный крик. Он находит наиболее благоразумным броситься в людскую и закричать, что с барином что-то случилось.

Лакеи входят в кабинет и не застают в ней своего, барина. Тогда, с зажжёнными свечами в руках, овладеваемые страхом и любопытством, плотно друг подле друга, подходят они ко входу в мавзолей.

Когда затем спускаясь по лестнице, люди достигают только половины ее, желтого света их свечей оказывается вполне достаточно, чтобы осветить рыжебородого лежащего внизу с подвёрнутой под спину рукой. Голова его пробита как раз на темени, ибо именно теменем он стукнулся о мраморный пол при своём падении.

— Он умер! — вскрикивает лакей. — Так вот почему, он так много ел сегодня.

6. Сенсационные открытия в области Акакия Рака.

— У тебя никаких занятий? — спрашивают у Могана в участке.

— Никаких!

— Значит, ты сам сознаешься в бродяжничестве?

— Совсем не значит! Вам нет дела до моих занятий!

— Имя?

Вместо, ответа Моган вытаскивает бумажонку, взятую им у Акакия Рака.

Молодой человек за секретарским столом бережно разворачивает бумажку, затем набрасывается на гигантскую растрепанную книгу и ищет в недрах ее страниц.

— Акакий Рак, — говорит он и подносит к начальнику книгу, раскрытую на странице номер сорок семь, где, как оказывается, вписано уже имя этого голубчика. И вдруг они оба начинают трястись от смеха, — секретарь и его начальник.

— А восклицает начальник, — вот ты кто. Акакий Рак. А ведь мы то по тебе вот уж как соскучились.

Георг Моган — Акакий Рак узнает, что восемь месяцев тому назад он бежал из-под стражи в день когда был приговорен к двум годам одиночного заключения за участие в грабеже.

7. Георг Моган в борьбе с неизвестным.

Два дня, которые провел рыжебородый в тюрьме, помогли ему понять, что он мог бы стать новым человеком. Он мог бы избавиться от тоски, которая была непонятна Акакию Раку, но

преследовала Георга Могана. Но для этого надо было принять знак Акакия Рака—бродяги и грабителя — и плыть под этим знаком в бывшее. Надо было также еще терпеливо отсидеть в тюрьме три года, к двум годам, назначенным за грабеж. Акакию Раку прибавили еще один за бегство из-под стражи. Но бывшее? Его мавзолей выстроен именно против бывшего. Оно запечателось в материальных формах, предстало простым и понятным ящиком на пьедестале из желтого мрамора. И Моган любил думать, что спор будущее он определил себе сам. И теперь—знак Акакия Рака? Нищего? Грабителя? Бродяги? Но и таком случае будущее становится бывшим!

И когда ему приносят еду, он униженно уговаривает сторожа принести чернил и бумаги. Он сулит за это головокружительные награды и уверяет, что владеет чрезвычайной тайной.

— Он или сумасшедший, или говорит правду, — думает сторож и на всякий случай приносит все необходимое для письма.

Моган пишет.

Он до конца вычерпывает свое красноречие, чтобы правдивее казались слова, чтобы полицейскому зверью стало ясно, совершенно ясно, как полицейская палочка: он не бродяга Акакий Рак. Он не грабитель и не нищий. Он миллионер Георг Моган и ему необходимо снова стать самим собой:

И он поясняет, как это произошло.

8. Окончательная смерть господина Георга Могана.

Начальник участка едет с Моганом во дворец. Полисмен сопровождает их.

— Закон не, любит, чтобы его дурачили, — важно говорит начальник, когда они садятся в автомобиль. — Вам придется худо, любезный, если окажется, что вы все-таки — Акакий Рак.

Автомобиль останавливается у дворца. Двери они находят открытыми. Моган взбегает по лестнице вверх. Начальник и полисмен еле поспеваю за ним. Они не встречают никого по пути, ибо не станут же слуги топтаться в комнатах, когда дворец еще не имеет нового барина, и неизвестно, кто им будет.

Моган проходит по рыхлым коврам к дверям кабинета.

— Что означает это безлюдье? Где Акакий Рак? Слуги?

И они входят в кабинет.

Яичница, заказанная ненасытным бродягой в день его смерти, стоит на письменном столе. Она позеленела и, ссохлась. Опустошенные бутылки, как высокие оазисы, валяются на диване.

— Никого нет, — меланхолически произносит начальник.

Взгляд Могана направляется ко второй двери. Он встречает ее незапертой и видит, что мавзолей изнутри освещен. Моган вскрикивает. Позабыв о полицейских, он бежит по галерее и буквально срывается с лестницы вниз.

— Стой-ой, — ревет начальник, твердо убежденный, что Акакий Рак, перехитрил его, и бросается за рыжебородым.

Георг Моган уже в зале.

Он видит одно: гроб и в гробу рыжебородого. Он всматривается в лицо этого человека, укравшего у него его будущее. Колеблется не более минуты.

Затем, бледный, поворачивается к изумленному полицейскому и отчетливо произносит:

— Я ошибся. Человек, лежащий в гробу — Георг Моган. Я же, действительно — Акакий Рак. И вы можете отвести меня в тюрьму, господин полицейский.

Рассказ о горьком ручье, о чудесном озере, о дубинке орла

I

Мы, с Алсыгуловым, пересекаем Тамьян-Катайский кантон Башкирии. Дорога — прямая и узка. Длинногривая лошадь бежит по ней весело и легко. Под колесами телеги похрустывает ледок в колеях дороги...

Тамьян-Катайский кантон известен озерами. Озера его округлы, как будто вычерчивали их при помощи циркуля. Вот — одно из этих озер. Оно напоминает огромную голубую тарелку, обмерзшую по краям.

У самой дороги коричневеют развалины, мертвые сорняки обвиваю битый кирпич, камни, обугленные бревна, обвисшие

суставчатыми сосульками — все что осталось от неседовского владения.

Алсыголов оживляется, глядит на развалины, подсказывает:

— Гулял Алатар!

Потом он закатывает узкие, почти без ресниц глаза и, словно стих, или слова мудреца, извлекает из памяти:

— Нет ничего, о чем нельзя было бы рассказать. Горе тому, о ком ничего не скажешь.

Я догадываюсь: ему хочется рассказать об Алатаре Юлаеве. Я знаю эту историю, но притворяюсь, что о ней не слыхал. Алсыголов тоже притворяется, будто не знает, что история мне известна. Я слушаю, и к полному удовольствию его удивляюсь...

II

...В недалекие от нас времена жил некий Иван Неседов, скупивший у башкир озера Тамьян-Катайска. У одного из них воздвиг он бревенчатый замок, со сторожевыми башнями по углам, вывез из Италии писаную красавицу жену, нанял челядь и поселился в замке, правя великим своим рыболовным хозяйством. Гужом возили тамьян-китайскую рыбу на знаменитые русско-азиатские ярмарки в Троицке.

В песнях поется, что чем больше съедал человек рыбы из этих озер, тем сильнее хотелось ему еще. Песни — песнями, но старожилы в Троицке и сейчас подтверждают, что рыба Неседова, сколько б не присыпал он ее, хоть горы, — шла в необыкновенной цене. Из Троицка возили ее в Петербург и чуть ли не за границу. Строгая стражка охраняла дорогие озера, а между озер, в деревянных аулах, жили башкиры...

Однажды сognали старейшин — башкир к замку. Неседов вышел к ним на крыльцо, зябко кутаясь в теплый халат.

— Я купил ваши озера, башкиры. Значит земля между ними — тоже моя.

И приказал им убираться с земли.

Аулы снимались с гнезд, переселялись вглубь башкирских плоских степей. Башкиры увозили с собой доски мечетей, камни с кладбищ... Пастища между озерами достались Неседову.

Но вот, что произошло, вскоре после изгнания башкир. В лучшем озере рыба всплыла мертвая, брюхом вверх. Она всплывала так в течение целого дня и, к заходу солнца, озеро сплошь было покрыто ею. Попробовали озерную воду — оказалась горько-селеной на вкус. Мертвую рыбу из озера вычерпывали ведрами и скормливали собакам. По неседовской жалобе в уфимском суде, перед началом большой войны, возникло, ныне забытое дело, по обвинению тамьян-кайтайдских башкир в отравлении озера...

Жандармы из Белорецка арестовали десять старших башкир и связанных отвезли их в Уфу. Следствие по этому делу тянулось так долго, что часть башкир умерла в тюрьме, а судьба остальных Алсыгулову неизвестна... Недавно открыто, что озеро отравил источник, должно-быть долго искавший выхода под землей. Погубив рыбу, он сообщил воде чудесные свойства целебности. Вокруг озера быть вскоре курортом...

Задолго до того, как разъяснилась тайна этого озера, в годы гражданских боев, в Тамьян-Кайтайдском кантоне широко шумела слава Аллатара Юлаева, предводителя партизан. Один из отрядов Дутова засел в замке Неседова. Аллатар Юлаев подпалил замок и сжег вместе с ним белый отряд.

Погиб Аллатар в боях за Уфу. В Тамьян-Кайтайдском кантоне песни о нем поют...

III

У Алсыгулова, инструктора Наркомзема Башкирии, в Алембекове были дела. Мы подъехали к сельсовету и Алсыгулов отправился искать председателя. Через минуту он возвратился: в алембековском клубе предвыборное собрание. Значит, разговаривать Алсыгулову сейчас не удастся. В Белорецк до ночи нам опять не попасть, придется заночевать в Алембекове.

Одноэтажный клуб стоял за углом. Над крытым деревянным крыльцом алело пологнище с лозунгом, написанным по-башкирски. Колхозники приглашались на собрание избирателей в Верховный Совет. Изнутри квадратные окна клуба заслонены были спинами мужчин и женщин, сидевших на подоконниках. Мы вошли в переполненный зал с белыми стенами. Два места нашлись для нас, на узких скамьях у задней стены.

Две женщины и трое мужчин сидели за голым столом на подмостках, сооруженных на уровне подоконников, высоко над залом. Председательствовал старик с облысевшей, тускло поблескивающей головой, с седыми короткими усиками и малым пучком, редкой, седой бородой. На его ватной стеганой куртке был прикреплен орден «Знак почета». Глядя прямо перед собой, и вертя ненужный ему карандаш, тихим голосом он объявил, что слово для предложения получает Валид Сапыров.

Из первого ряда вышел и поднялся на подмостки башкир, в островорхой шапке, отороченной мехом, в такой же, как у председатели стеганой ватной куртке, подпоясанной ремешком. Лицо — в мелких морщинах, веко на левом глазу опущено по левой щеке, от закрытого глаза, до короткой и редкой бородки — наискосок синий давнишний шрам...

Он шагнул к краю подмостков, расставил ноги, втянул голову в плечи, взглядом вскинулся на потолок и, вдруг, медленно и протяжно запел.

Старик председатель испуганно повернул голову и уже вытянул руку, держащую карандаш. В разных концах зала одновременно скрипнули скамьи. Алсыгулов удивленно поднял редкие брови. Потом я увидел, как удивление сошло с лица Алсыгулова, в зале стихло, сначала опустился карандаш в руке председателя, за ним вся рука. Старик улыбнулся, одобрительно кивнул головой. Валид Сапыров пел в такой тишине, как будто в зале был он один.

Я тронул Алсыгулова за рукав. Мы привалились к стене, и он стал нашептывать перевод песни оратора.

По началу смысл спетой речи показался знакомым. Это было дочти повторение об озерах Неседова и о партизане Аллатаре Юлаеве. Правда, затем смешалась с вымыслом, речь Валида Сапырова становилась песенной сказкой....

Речь, спетая Валидом Сапыровым, в Алембекове, на собрании избирателей в Верховный Совет.

«Жил в Тамьян-Катайском кантоне богач Неседов. Скупил он рыбы озера башкир. Что ни день — сто возов рыбы есть у него. Что ни день — сто возов денег, везет с базара. Видит — живут башкиры возле озер, строят аулы, разводят скот. Велел уходить башкирам. Его озера, значит — его земля. Не согласились башкиры — не было уговору, чтоб и земля с озерами отошла. Стали жаловаться — не помогло ничего. Пришлось башкирам с насиженных мест сниматься, снесли аулы — разорился народ.

Пошли башкиры к Неседову наниматься.

Был среди них человек Алатар. Нанялся Алатар к богачу, рыбу на озерах ловить. Однажды наработался Алатар и очень устал, не пошел ночевать в аул. Все равно — до солнца вставать, сети закидывать. Поутру закинул у сети, тянет, вытягивает на берег, а сети рыбой полны, не живой, а мертвой. Выкинул мертвую рыбу и снова сети в воду закинул. Вытянул — опять сети полны мертвечиной. В третий раз сети закинул — и в третий раз полные мертвой рыбы сети на берег вытащил. Схватили стражники Алатара и потащили к Неседову.

Предстал Алатар перед Неседовым, стали его пытать — чем озеро отравил? Не сознается, сколько не били его. Взяли тогда десять башкир в острог, а царь присудил: до той поры тамьян-катаиских башкирам Неседову дань платить, пока не сыщется, кто озеро это испортил. Думали прежде башкиры — нельзя хуже жить, чем они живут, а вот, оказалось, — можно. И стало теперь жить им вовсе — невмоготу.

Призадумался человек Алатар — чем бы, помочь народу? Решил по свету пойти искать, кто озеро то испортил. Думает: если найдет, — признает тогда царь, что нет у башкир вины, заложников выпустит, а тамьян-катаицев от дани освободит. Станут жить, как до порчи озера жили, не сладко, а лучше, чем ныне живут.

И пошел человек Алатар по свету.

Шел, шел и вошел он в дремучий лес.

Дошел до самого края леса. Видит, над лесом солнце, а на солнце орел сидит.

— Куда, Алатар, путь держишь? — спрашивает орел.

— Иду счастья народу искать. Мне б найти, кто озеро погубил. Царь тогда смилиостивился бы над нами, от дани Неседову освободил бы. Вот и счастье бы вышло нам.

И говорит орел Алатару:

— То ли еще счастье, что ты, Алатар, счастьем зовешь, —
после поговорим. А если хочешь дознаться, кто в порче озер
виновен, иди налево отсюда. До обгорелого дуба дойдешь, под

дубом ход в землю ведет. Спускайся, и иди под землей, пока ходу дальше не будет. Там и найдешь виновного.

Поблагодарил Алатар орла, сделал, как тот сказал; до обгорелого дуба дошел, под землю ход отыскал и пустился он в странствие под землей. Слышишт — где-то ручей журчит. А как раз Алатару пить захотелось. Дошел до ручья, а дальше и ходу не видно. Вытекает ручей из каменных сводов, бежит по камням, в щели пропадает, а дальше где — неизвестно. Опустился Алатар на колени, горстью воды из ручья зачерпнул, глотнул ее, да и выплюнул тотчас. Горькая вода — пить ее, не обрадуешься.

Ищет Алатар хода: назад можно идти, а вперед — кончен путь. Вспомнил слова, орла, как не будет дальше пути, так и найдет Алатар, кого ищет.

— Не ты ли, горький ручей, озеро отравил?

Признался ручей — его это дело. Не было ему выхода никуда, пробуравил он ход в стене, а за стеной озеро оказалось. Вот он в то озеро снизу и стал теперь пробиваться.

Погрозил Алатар горькому ручью и пустился в обратный путь.

Шел, шел, дошел до выхода из-под земли, вылез на свет белый. Видит — лес, л над лесом солнце, а на солнце, орел сидит.

— Спасибо, орел, что путь указал мне.

Пойду я к царю, скажу ему кто озеро отравил, освободит он заложников, снимет дань с тамьян-китайских башкир.

— Нет, — говорит орел. — Не будет, Алатар, счастья твоему народу, если сделаешь так, а будет счастье, если сделаешь, как я укажу тебе.

Попросил Алатар орла указать ему, как счастье тамьян-китайским башкирам добыть, и оказал орел:

— Вот дубина тебе, ничего с ней не бойся. Бей ею царя, бей Нефедова, стражников бей, перебьешь их — вернется тамъян-кайтайский народ на прежнюю землю, сами себе господами будете.

Взял Алатар дубину, что орел ему дал, пошел в город, где тамъян-кайтайцы в тюрьме сидели, дошел до тюрьмы, размахнулся дубиной — нет ворот! Вышли тамъян-кайтайцы, благодарят Алатара. Размахнулся тогда Алатар и дубиной, той самого царя прогнал. Вернулся в Тамъян-Кайтайский кантон, видит: заперся Неседов за дубовыми воротами, окружен стражниками, нипочем до него не добраться. Созвал Алатар народ, разбил дубиной ворота, прогнал! Неседова. Сами себе господами стали тогда башкиры!

Вот дубину какую дал Алатару орел! Переселились башкиры на старую землю, все хорошо у них, одно им обидно — испорчено озеро! Вот бы рыбу теперь для самих себя разводить.

Рассказал тогда Алатар о горьком ручье и решили башкиры отомстить ручью, засыпать его землей, чтоб не было ему в озеро хода.

Послали людей, Алатара с ними. Дошли они до дремучего леса, над лусом солнце, а на солнце орел сидит.

— Куда, — спрашивает, — идете?

Отвечает Алатар, что сделал он, как орел ему указал, чудесной дубинкой прогнал царя и Неседова, никто над народом теперь не хозяин, а идут они горький ручей землей засыпать.

Остановил их орел, не велел дальше идти.

— Возвращайтесь назад, выкупайтесь в том озере, а после сами узнаете делать вам что.

Послушались тамъян-кайтайцы орла, пришли к озеру и, как орел им велел, выкупались в том озере.

Кто из них стар был, молодым из озера вылез. Кто больным был — здравым сделался, а кого некрасивым мать родила — красавцем ступил на берег.

Поняли башкиры: горький ручей рыбу хоть погубил им, а озеро сделал чудесным.

И воздвигли они в честь орла, возле озера, город. Кто в тот город больным приедет, — здоровым вернется, кто стар — молодым станет, а кто молод — тот и во век не состарится.

Вот как добыл Алатар счастье тамьян-катаецам.

А орла — мудреца, что путь ему указал — Сталин зовут».

Тут Валида Сапырова прервали рукоплесканьями, повсюду с мест, стали кричать «ура». Валид поднял руку. Когда стихло — он снова заговорил, но уже не песенными словами. Алсыголов перевел мне его слова:

— Я спел вам о кандидате, которого предлагаю от нашего имени выдвинуть в Верховный Совет. Разве не он путь указал Алатару? Разве не он дал дубину, с которой победил Алатар? Чудесный город не ему ли благодаря построен?

Валид Сапыров кончил и, оглянувшись на председателя, спустился с подмостков в зал...

Собрание затянулось до сумерек. Спины сидевших на подоконниках заслоняли серый, слабосильный свет дня. Прежде чем огласить резолюцию, председатель распорядился включить электричество. Резолюция была коротка:

«Заслушав песнь, спетую Валидом Сатаровым о горьком ручье, о чудесном озере и о дубинке орла, мы, избиратели Алембекова, колхозники и колхозницы колхоза «Красный башкир», выдвигаем первым кандидатом нашим в Верховный Совет товарища Сталина...»

IV

Мы заночевали у Темирова, председателя сельсовета. Половину ночи, в желто-зеленом свете керосиновой лампы, провели за столом. На скамьях, положив руки на стол, сидели мужчины, разговаривая с Алсыгуловым о делаах. Поздней ночью пришел Валид Сапыров и сел на скамью за общим столом.

— Вот, — сказал Темиров, кивая на гостя. — Этот человек, которого вы слушали в клубе, был партизан. Он воевал вместе с нашим Алатаром Юлаевым.

Шрам на лице Сапырова резко синел на левой щеке от мертвого глаза до бороды. Удар был получен в бою под Уфой в день, когда убили Алатара Юлаева.

— А как же дубинка? — подмигнул Алсыгулов. — Дубинка, которую орел дал Алатару?

— Разве мы выпустим ту дубинку из рук? — серьезно ответил Валид Сапыров, единственным глазом оглядывая сидящих. — Дубинка орла у нас!

Когда гости ушли, мы улеглись на кошмах, постланных на полу.

На другой день мы перевалили через снега Урал-Тау и по горной дороге спустились до Белорецка. В местной газете мы прочитали об Алембекове. По телефону сообщалось: «Собрание избирателей колхоза «Красный башкир», заслушав выступление партизана Сапырова и других, единогласно выдвинуло первым кандидатом в Верховный Совет товарища Сталина...»

— Вот, видите, — воскликнул Алсыгулов. — Песнь приобретает права доклада или политической речи. Стоит подумать над этим, а?

До Уфы мы ехали долго и утомительно. На полпути раздобыли «Правду». Stalin (сообщалось в «Правде») будет

баллотироваться в Москве, в Сталинском округе. Он благодарили миллионы людей, в разных концах страны, выдвинувших первой кандидатуру его в Верховный Совет.

— Значит и Валида Сапырова, — заключил Алсыгулов, откладывая газету. — Что ж! Когда-нибудь и об этом сложена будет песнь и пропоет ее на одном из таких же собраний, не этот, так другой Валид Сапыров. Потому, что... постойте, как это сказано?.. «Песней народ венчает своих избранников!»

Так начиналась песнь, спетая Валидом Сапыровым в Алембекове, на собрании избирателей в Верховный Совет...

Возле креста на холме в землю зарылся камень. Горячий желтый цветок, полярный мак, вспыхнул в расселине. Со мной был житель Нью-Олесунда. Он нагнулся, сорвал с крепкого стебелька желтый полярный мак и потер им камень.

Мы присели, и мой спутник рассказал мне про дом в Нью-Лондоне, про охотников оттуда, про Гюндерсена и кроме того про доктора Отто Штоля, имя которого я разобрал среди слов, выцарапанных гвоздем на деревянном кресте.

— Три года назад с этого вот холма смотрели нью-олесундцы на середину бухты. Двадцать суток лодка не могла добраться до берега. Двадцать суток прожили в лодке двое. Мы не были в силах помочь им. Мы только рассматривали их с вершины холма.

Я б рассказал вам много историй про место, которое называется Нью-Лондон. Вот там, ближе к выходу в океан, на том берегу Кингсбэя, направо виден небольшой и редко посещаемый нью-олесундцами фиорд. Лет пятнадцать тому назад англичанам показалось, что на берегу фиорда — залежи мрамора. В самом деле, мраморные пластины выходят на том берегу наружу. Но

мрамор там так рыхл, так непригоден для разработок, что от затеи английской компании только и осталось, что восемь хижин. И еще имя осталось от англичан. Место они назвали Нью-Лондон в честь их родной столицы и из подражания нашему Нью-Олесунду¹. Пустые, оставленные англичанами, хижины служат в редкие годы пристанищем для охотников, перебирающихся из Нью-Олесунда на тот берег бухты.

Три охотника отправились к нью-лондонскому фиорду в первые дни апреля. Они на лыжах прошли по льду Кингсбэя и скрылись за поворотом. Весна наступила рано. Охотники не возвратились; бухта вскрылась, лед пошел табунами.

В Нью-Олесунде увидали ракету. Ракета летела из нью-лондонского фиорда. Она была вестью о беде. Что-то случилось с охотниками, и ракетой они звали на помощь. Никто б не добрался до них. Глетчер залег на перевале. По бухте ни в санях не проехать, ни в лодке ее переплыть: говорю, табунами шел лед.

Два нью-олесундца вызвались помочь охотникам. Доктор Штоль вызвался первым. Он дольше всех прожил на свальдбардской² земле: пять лет, и ни одной поездки в Европу. Ему было тридцать шесть лет. Жил он в домике, что поближе к водопроводу. Штоль врачевал нью-олесунцев, изготавлял чучела птиц и зверей, собирал гербарий и даже играл на скрипке. Но основное, что делал Штоль, было странно до чрезвычайности. Он записывал жизнь каждого из нас, изучал ее, время от времени раздавал нам какие-то анкеты, которые мы заполняли по его

---

¹ Нью-Олесунд назван норвежскими рыбаками в честь города Олесунд в Норвегии.

² Свальдбардом норвежцы называют Шпицберген.

просьбе, пытливо присматривался к нам, устраивал медицинские осмотры и на вопрос, зачем все это ему, отвечал, что занимается наукой о поведении человека.

Вот этот Штоль согласился переправиться на другой берег бухты. В Нью-Олесунде жил тогда техник Гюндерсен, только одну зиму прослуживший у Нью-Олесунд-Куль-Компани¹, совсем еще юноша.

Гюндерсен прыгнул в лодку сейчас же за доктором. Баграми и веслами отталкивались они от льдин и пробирались меж них, правя к нью-лондонскому фиорду. Вы бы посмотрели, что это была за борьба. Теперь я могу сказать, что видел чудо собственными глазами.

На второй день они добрались только до середины бухты. Сначала с ними можно было говорить, стоя на берегу. Потом лодку относило течением все дальше и дальше, ее тащило к выходу в океан. Голоса Гюндерсена и Штоля не долетали уже до нас: ветер их относил.

Дни проходили за днями, а в судьбе лодки не было никаких изменений. Иногда она оказывалась так близко от океана, что техника и доктора мы считали погибшими. Но вот оба они схватывали багры и так работали ими, что лодка снова выбиралась на середину бухты. К берегу она никак подойти не могла — ни к одному, ни к другому: у берегов льды налезали друг на друга, образовывали невероятные барьеры, крепостной стеной обступали землю... В конце концов, мы привыкли видеть во льдах на небольшом расстоянии от берега Нью-Олесунда погибавшую лодчонку с двумя странно ведущими себя людьми.

---

¹ Нью-Олесунд-Куль-Компни — угольная компания, разрабатывающая уголь на берегу Кингсбэя. Ей же принадлежит поселок. Арктические морозы и пятимесячная ночь не препятствуют добыче угля.

Они, то бессильно опускались на свои сидения и целыми часами, по-видимому, безмолвно смотрели один на другого, то вдруг вскакивали и испуганно хватались за весла или багры и начинали судорожно бороться с льдинами, тащившими их океан. Иногда то один, то другой опускался на дно лодки и забывался во сне. Второй дежурил и, если подступали опасные льдины, то дежурный расщевеливал спутника, м оба они, выбиваясь из сил, спасали свою жизнь. Гюндерсен что-то писал. Это видели мы все. У него была записная книжка, которую он часто вытаскивал из кармана.

Вот наступил момент, когда они набросились один на другого. Толчок льдины, опасное положение лодки заставили их немедленно прекратить драку. Они бились со льдом. С того дня суток не проходило, чтобы Гюндерсен и Штоль не набрасывались друг на друга.

На двадцатые сутки табуны льда поредели. От берега протянулся широкий водный канал, по которому лодка могла бы пройти свободно при помощи весел. Но доктор и его спутник были уже без сил. Лодку относило течением, и люди больше не сопротивлялись. Тогда от берега отвалил бот, который подошел к ним, ухватил лодку багром и приволок к пристани. Гюндерсен не произносил ни слова. Глаза его провалились, и их почти не было видно. Темная полоска синела на верхней губе. Странные синяки испещряли его руки. На носилках его отнесли в дом.

Штоль выглядел лучше, но, как и Гюндерсен, он страшно похудел. Он самостоятельно вышел из лодки и, пошатываясь, ступил на пристань.

Через две недели Штоль и Гюндерсен были совершенно здоровы. Мы устроили нечто в роде пирюшки. Штоль и Гюндерсен сидели на противоположных концах стола. Инженер Кисс во всеуслышание громко сказал:

— Почему бы доктору Штолю я нашему другу Гюндерсену не рассказать обо всем, что им пришлось пережить!

И вот наступила странная неприятная тишина. Все посмотрели на доктора и Гюндерсена. Гюндерсен угрюмо уставился глазами в собственную тарелку. Штоль взглянул на опущенную голову Гюндерсена и начал рассказ:

— Я решил помочь охотникам в Нью-Лондоне, — сказал он.

— Тогда шел лед... Тогда не было средств, чтобы...

— Чтобы добраться до них, — подсказал Гюндерсен, не поднимая головы.

— Вот именно, чтобы добраться до них... — эхом повторил Штоль. Он говорил так, как будто каждая произносимая фраза доставляла ему муку. Лицо его стало красным и мокрым. Он не сводил глаз с Гюндерсена, но техник по-прежнему смотрел в тарелку.

Гюндерсен, не изменяя позы, продолжал рассказ доктора.

— Я вызвался отправиться с ним.

— Да, он вызвался отправиться со мной. Он тоже прыгнул в лодку. Он взял багор. Мы стали работать вместе.

— Я думал, что на поездку уйдет не больше суток, проговорил Гюндерсен. — У меня в кармане были две плитки шоколада и несколько пирожков.

— Я захватил большой кусок холодного мяса и ломоть сыра — сказал Штоль. — Я не предполагал, что наше путешествие продлится долго.

Он поднес было к губам кружку с пивом, но, словно раздумав, поставил чашку обратно и продолжал:

— Нам приходилось пользоваться каналами, которые образовывались между льдинами. Больше всего мы боялись, что наскачившая льдина может пробить или перевернуть наш

— Я жил во имя науки...

— Не покладая рук, мы бились в усилиях оттащить нашу лодку к берегу, — сказал Штоль. — Нас несло в разные стороны, мы то удалялись от Нью-Олесунда и приближались к Нью-Лондону, то удалялись от Нью-Лондона, приближаясь к Нью-Олесунду. Но каждый раз, когда и в том и в другом случае нам казалось, что мы спасены, течение подхватывало нас. Эти проклятые течения!

— Нам следовало беречь наши микроскопические запасы, — произнес Гюндерсен.

— И мы берегли их, — поспешил отозвался Штоль.

Тут Гюндерсен неожиданно и в первый раз за все время поднял голову. Взоры доктора и техника встретились, как заклятые, преисполненные ненавистью враги. Так, не отрывая глаз один от другого, продолжали они свой совместный рассказ.

кораблик. Приходилось отталкиваться от льдов и в то же время одолевать течение.

— И мы разделили труд, — подал опять голос молодой техник. — Один бился со льдом, а другой с силой течения. От берега отошли легко. Ближе к середине бухты течение сильнее. Здесь нас спасал только лед. Если бы не ледяные заторы, нас унесло бы в океан.

— Нет, — проговорил Гюндерсен. — Доктор Штоль берег только свои запасы. Сначала были съедены мой шоколад и все мои пирожки.

— Правильно. Но потом я стал давать ему кусочки холодного мяса, которое было со мной.

— Но он давал мне меньше, чем брал себе. Он стал уверять меня, что его жизнь ценнее моей, — настаивал Гюндерсен.

— Я говорил только, что для общества важнее моя. Я жил во имя науки. Я вел записи, которые могут иметь большое значение. Я изучал человека в этой стране.

— Но мне только двадцать два года, — возразил Гюндерсен.

— Я всегда думал, что у каждого человека есть право на жизнь. В Хармштадте осталась девушка, которая станет моей женой. Чтобы прокормить мою будущую жену, я поехал на Свальбард за заработком. Я не хотел умирать.

— Если бы я погиб, — продолжал Штоль, — погибли бы все мои наблюдения, все работы. В них не разобрались бы без меня. Я изучал всех вас все эти годы. Я изучал людей, которые судьбой заброшены в самое северное в мире человеческое селение. Я сделал открытия в области психологии и биологии. И, быть может, от лишнего кусочка мяса, который я

Но мне только двадцать два года...

не додал бы более крепкому Гюндерсену, зависела бы судьба моих пятилетних работ. Да, сознаюсь, во имя справедливости я брал себе большие куски мяса, чем давал Гюндерсену, но он нуждался менее меня.

Все смотрели на Гюндерсена. Техник сказал:

— В Хармштадте живет девушка, которая должна стать моей женой.

— Наука важнее девушки из Хармштадта! — закричал Штоль.

Гюндерсен сжал кулаки.

— Доктор Штоль заставлял меня работать больше, чем работал он сам. Однажды он набросился на меня и избил меня за то, что у меня не было сил работать. Я должен был работать багром и веслами, в то время как Штоль отдыхал.

— Меня покидали силы, — сказал Штоль. — Мы питались лишь снегом, который снимали с поверхности льдин, проплывавших мимо.

— Мы спали по очереди, — медленно проговорил Гюндерсен. Он стал говорить, растягивая слова, прислушиваясь внимательно к тому, что говорил, как бы изучая собственный голос.

— Однажды, когда я спал, доктор Штоль навалился на меня и зубами ухватил мою руку повыше кисти. Он силился прокусить ее.

— Да, я это сделал, — в бредовой тишине проронил Штоль. Его лицо было белее снега.

— Он хотел пить мою кровь, — объявил техник. — Мы боролись как одержимые. Я вырвался из его рук. Если бы не льдина, толкнувшая нас в этот момент и не заставившая схватиться за весла, я не оставался бы в живых.

На Штоля никто не смотрел. Каждому было страшно увидеть лицо этого человека. Он сказал твердо.

— Я предложил Гюндерсену подкрепить силы кровью друг друга. Конечно, это невозможная вещь, но у меня уже начал мутиться разум.

Гюндерсен хотел рассмеяться, но он закашлялся. Потом он сказал:

— Штоль хотел, чтобы сначала я дал ему кровь из собственных вен. Как будто после этого я был бы в состоянии пить кровь из вен доктора Штоля.

— Мной руководило намерение спасти мои наблюдения над человеком в Нью-Олесунде, — сказал Штоль.

Тогда Гюндерсен поднялся и громко сказал:

— Я был только учеником доктора Штоля. Я заинтересовался его наукой о поведении человека. Как и он, я решил записывать свои наблюдения. Я вел дневник. Он заполнен наблюдениями над поведением того самого доктора Штоля, который пять лет своей жизни посвятил наблюдениям над человеком в Нью-Олесунде!

— Абсурд! — крикнул Штоль. — Вы писали ваши предсмертные письма девушке из Хармштадта!

— Я обманывал вас. Я должен был так объяснить вам мои ежедневные записи. Если бы я сказал вам правду, вы вырвали бы у меня мою записную книжку, вы изорвали бы ее. А между тем я старался запечатлеть в своем дневнике черты и факты, которые свидетельствуют о постепенном перерождении доктора Штоля, изучающего науку о поведении человека!

Гюндерсен вытащил из кармана маленькую записную книжку.

— Я могу умножить материалы, имеющиеся у вас, этой маленькой книжкой. К вашим наблюдениям не безынтересно

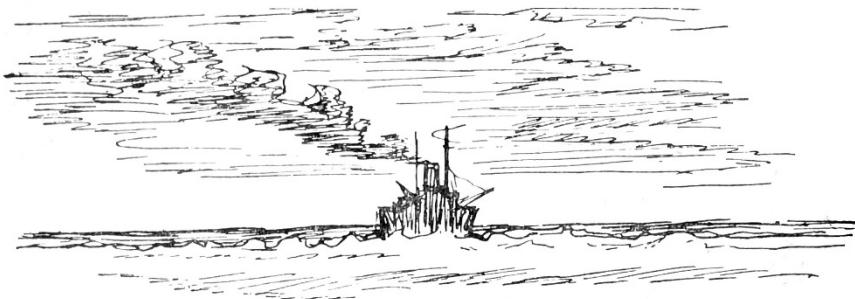
присоединить и наблюдения над вами. С этим ваш труд будет полнее!

И вот Гюндерсен протягивает записную книжку доктору Штолю. Штолль бледен как день. Он берет книжку из рук Гюндерсена, говорит: «Большое спасибо» и, не прощаясь ни с кем, выходит из общей столовой, надевает пальто и отправляется домой. Через два часа из комнаты доктора раздается выстрел. В комнату входят люди и видят ворох изорванных рукописей. В ворохе — истерзанные страницы из дневника техника Гюндерсена и среди всего этого хаоса — доктор Штолль, уткнувшийся простреленной головой в бумажную груду.

И все. Гюндерсен не присутствовал при погребении доктора. Он не выходил из жилища пока не наступило лето и пока не пришел, наконец, в Кингсбей пароход, и тогда Гюндерсен уехал в Норвегию, в город Хармштадт, к девушке, которая должна была стать его женой.

А доктора похоронили вот тут на холме.

Житель Нью-Олесунда рассказал мне все, что знал о докторе Отто Штоле, посвятившем себя науке о поведении человека.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ ПЕТРИКА

I. „НЕПТУН”

Ледокольное судно «Дежнев» с продовольствием для русских людей в Гринхарборо приближалось к Шпицбергену. Океан шумел в темноте. Время луны прошло. В фиорде вблизи Гринхарборо корабль с разбегу ударился о прибрежные камни. В полуночью перепончатую грудь корабля, ярясь, ринулась ледяная вода. Гремя раздробленными бортами, судно рывком выбросилось на берег.

Когда буря угомонилась, команда перебралась в поселок. Весть о том, что стряслось, через сутки достигла Мурманска.

Жил в Мурманске маленького роста, средних лет человек, по фамилии Князев. Был он капитаном портового катера, который назывался «Нептун». Род Князевых происходил из Онеги. Множество моряков в течение двух сотен лет носило эту фамилию: мужчины Князевы все шли в моряки. У Князева, шкипера с Беломорья, Василий был единственным сыном. Шкипер часто сокрушался, рассматривая Василия:

— Что за моряк он будет, когда пяти фунтов из материнского чрева вылез?

Пришла пора — и шкипер отвез сына в мореходку, где обучался сам, где обучался его отец. В мореходное училище Василия долго не принимали из-за нехватки в росте. Но оказались свободные места и начальство взяло шкиперской просьбе:

— Так и быть. Авось сыщется суденышко и по нему.

Рос Василий застенчивым, тихим.

Когда товарищи рассказывали ему о женщинах, он восхищался, краснел и втайне завидовал. Он прожил девственником до самой женитьбы, а женился на первой, согласившейся 'разделить с ним семейную жизнь. Это была худая и некрасивая женщина, и с ней Князеву стало еще скучнее, чем без нее. Он поселил ее в Онеге, родном своем городе, в деревянном домике с квадратными окошками на реку. Там она родила ему сына, и Князев назвал сына Василием — в честь самого себя.

Он служил теперь в Мурманске и все оттягивал переезд семьи из Онеги. Многие товарищи его по училищу сделались знамениты. Они ходили в полярные льды и названья их кораблей что ни день встречались в газетах. Ордена сияли на бортах форменных их тужурок и миллионы людей в стране знали их имена. Князев вырезал из газет заметки, в которых говорилось о подвигах бывших его товарищей, складывал их в коробку из-под табака и втихомолку перечитывал, еле удерживаясь от слез.

Когда пришла весть о «Дежневе», — в Мурманске обсудили, как помочь кораблю. Ни одно судно не могло приблизиться к нему из-за мелкой воды. Тогда вспомнили о «Нептуне», старом портовом катере с ничтожной его осад-кой. Князев знал, что машины «Нептуна» слабы, что корпус его обветшал, но не только других — себя принял уверять, что «Нептун» выдержит все что угодно.

Маленький капитан дрожал от волнения. Что, если жизнь не рея еще сказалась для Василия Князева? Что, если и для него кое-что припрятано у нее? Ночью он перебирал газетные вырезки с именами его знаменитых товарищей: как же будут писать о нем! Он схватился за грудь, пошатнулся и тотчас выпрямился, когда объявили ему, что отправляют крошечный его катер «Нептун» в Гринхарборо. Он вспомнил о жене и о сыне в Онеге.

«Дорогая, — телеграфировал он в день отплытия, — ухожу ответственное плавание вернусь покинешь Онегу заживем по-новому собирай газеты где про меня обнимаю целую Василий».

В январе, в пору полярной полночи, «Герой», большой с широкогорлой трубой ледокол, повел на буксире судно Василия Князева. Случалось, рвался буксирный трос и тогда волны подхватывали «Нептуна» и относили его в сторону от «Героя». Сеня Баулин, юный радиостаршина на катере, под диктовку Василия Князева выступал успокоительное донесение на «Героя»: все, мол, в порядке, видим ваши огни, идем вслед за вами. Но к великой обиде Князева, «Герой» возвращался и вновь брал катер «Нептун» на привязь и по валам воды, сквозь темень и снегопад, влек его за собой через огромный и пустой океан.

После нескольких суток нелегкого плаванья ледокол втащил катер «Нептун» в Айс-фиорд.

Много недель «Герой» стоял посредине фиорда, а юркий трудолюбивый катер вертелся у мыса Гринхарборо возле обледенелого «Дежнева».

Князев прожил эти недели в узкой, как щель, каюте «Нептуна». Капитан «Героя» напрасно звал его отдохнуть на борту ледокола — Василий Князев не покидал свой катер. Не раз спускался он в водолазном скафандре в подводье, изучая пробоины «Дежнева» и помогая латать их.

В марте катер снял «Дежнева» с прибрежных камней и вывел его на глубокую воду. «Герой» отвел «Дежнева» к свайной бревенчатой пристани у поселка. Заржавленный корпус спасенного корабля был как в струпьях экземы. «Дежнев» зябко жался к обомшелой зеленоватой пристани среди плавучих льдин Айс-фьорда. Но он оживал: пар уже поднимали в его котлах.

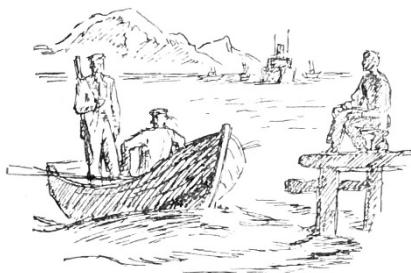
II. СВИДАНИЕ

Радист судна «Герой» не впервые попадал на Шпицберген. Пятнадцать лет плавал он в полярных морях, знал Арктику от Чукотки до берегов Гренландии, от Франца-Иосифа до Таймыра, зимовал на Гукере, на Диксоне, на мысе Желания. Начальники зимовок и капитаны судов оспаривали его друг у друга, радисты отзывались о нем с уважением, признавали высокое его мастерство и не любили его. Яков Петрик был сухой, с жестким голосом, необщительный человек. В Ленинграде у Петрика оставалась жена не часто он виделся с ней. Летом ходил он с экспедициями, а на зимние месяцы оставался на какой-нибудь станции высоко за Полярным кругом.

Когда жена его родила ему сына, он зимовал на мысе Желания. По радио она поздравила его с сыном. Он ответил ей: «Да здравствует сын!». Ровно через двенадцать месяцев, когда он проводил зиму на Диксоне, жена известила его о смерти ребенка. На этот раз он ничего не ответил. Думали — он не любит эту женщину или несчастен с ней. Но всегда, как только судно его прибывало в какой-нибудь заграничный порт, Петрик бежал в магазин, тратил все свои деньги на платья, чулки, туфли, стеклянные бусы — все для жены. Для себя он не покупал ничего, кроме настоящего кепстена. Изредка она присыпала ему равнодушные приветы по радио. Петрик сам принимал их на

аппарат, записывал, читал, комкал и рвал. Семейная жизнь его была темна и загадочна. Был он светловолос, худ. Серые глаза с недружелюбием взирали равно на женщин и на мужчин. Короткую трубку он вынимал изо рта только затем, чтобы набить ее табаком. Далекие предки его — голландские моряки — остались в России в эпоху царя Петра. Отец и дед Якова Петрика также служили на кораблях. Читал Петрик в своих постоянных плаваниях исторические романы. Книги, в которых описывалась любовь, влечение к женщинам, ревность или тому подобное, он педантически аккуратно рвал на одинаковые кусочки и вешал на гвоздь в уборную. Лет ему было за сорок.

Из всех полярных радиостов один шестнадцати летний Сеня Баулин не слыхал о Якове Петрике, о нелюдимом его характере и загадочной жизни.

птиц бить?

Сеня побежал за ним. Петрик, заслышав его шаги, остановился, обернулся и строго взглянул на него. Сеня тоже остановился на расстоянии. Петрик удивился и пошел дальше. Потом он опять обернулся и опять увидел, что мальчик идет за ним.

— Ты что увязался? Тебе скучно здесь? Ты кто?

Сеня скучал, сидя на свайной пристани, когда подошла шлюпка с «Героя». Яков Петрик взошел на пристань с охотничьей двустволкой в руках. Сеня обрадовался, увидев человека с ружьем.

— Дядя. Я с вами! Вы

Недобрый голос Якова Петрика заставил Сеню податься назад. Он попросил, чтобы Петрик позволил побывать с ним.

Доверчивость мальчика озадачила Якова Петрика.

— Ты что, один? — спросил нелюдим.

— Один, — сказал Сеня. — Был беспризорным, родителей не имею. Выучился радиистом. Вот кто я.

— На, неси. — Петрик дал ему сумку. — Ступай за мной.

С того дня Сеня Баулин следом ходил за Петриком, смотрел на него обожающими глазами, таскал за ним сумку, провожал на охоту и в гости к нему пришел, в радиорубку судна «Герой».

Радиорубка восхитила Сеню:

— А на «Нептуне», разве ж то радиорубка!

— Помощником ко мне хочешь? Пойдешь? — спросил Яков Петрик, не глядя на мальчика.

— Товарищ Петрик, возьмите меня до вас! — взмолился Сеня Баулин. Тут же они порешили: как возвратятся в Мурманск «Дежнев», «Нептун» и «Герой», Петрик возьмет Сеню к себе помощником — хоть на всю жизнь.

И Петрик, к удивлению тех, кто его знал, обрел юную душу, преданную ему с силой, свойственной лишь сиротам да бездомным. Стал называть он Сеню Баулина не Сеней, не пареньком, а «сыном».

И Сене теперь казалось: не зря, видно, на крышах вагонов и под вагонами изъездил он и пешком исходил страну. Все дороги короткой жизни его вели к Якову Петрику.

Отплытие судов объявили на утро тридцатого апреля, чтобы первое мая встретить всем трем судам ов океане. Но вечером накануне Лебедь, водитель «Героя», получил депешу из соседнего, норвежского, Адвент-бяя — норвежцы просили ледокольное судно разбить спаянный лед в их заливе. Отказать им «Герою» не подобало. Сутки спустя судно «Герой» находилось еще в Адвент-

бее. Лебедь не сомневался, что «Дежнев» и «Нептун» поджидают его. Неожиданная депеша поторопила Лебедя с выходом в океан. Депеша была с «Дежнева». Его капитан сообщал, что «Дежнев» и «Нептун» выходят из Айс-фиорда. Они рассчитывали, что «Герой» догонит их за кромкой льда. Между тем, едва «Герой» успел добраться до мыса Гринхарборо,— плотный туман лег на фиорд. Лебедь решил переждать.

— Все равно, они одни не уйдут, — рассуждал он. — Где-нибудь там, за кромкой, стоят себе, дожидаются.

А «Дежнев» и катер «Нептун» были уже далеко. Капитан «Дежнева» уверился, что «Герой» догонит «Нептуна» и возьмет его под свое покровительство. «Дежнев» в покровительстве не нуждался, и капитан, экономя часы, заторопился в Мурманск.

Сеня Баулин принял депешу с «Дежнева» и снес ее капитану Князеву. «Дежнев» передавал, что идет на Мурманск и советует «Нептуну» дожидаться «Героя» у кромки льда.

Василий Князев взволнованно поднялся на невысокий мостик. Далеко впереди расплывался по небу дым уходящего «Дежнева». Катер «Нептун» остался один. За кормой вставали остроконечные, в голубом серебре, горы Шпицбергена. Совсем близко искрилась бело-зеленая кромка льда... Князев снял фуражку и рукавом вытер сразу разогревшийся лоб. Он расстегнул пальто. Ему пришло в голову, что никогда в жизни не повторится этот момент, ни-когда больше он не останется с глазу на глаз с огромным, пустым и, как показалось Князеву, подвластным ему океаном. Стоило жить, чтоб дождаться такого свидания! В памяти промелькнула вся его обидная жизнь, шум славы его товарищей... Князев со страхом подумал, что «Герой» может еще догнать его и взять на буксир. Вечный буксир, ненавистный, оскорбительный корабельный канат, которым привязан катер, — его судьба!.. Бежать, скорее бежать! Маленький катер «Нептун» в одиночестве,

без помощи ледокола, — один! один! — пересечет океан до самого Мурманска. Князев не думал — зачем? Хотя бы затем, чтоб и Василий Князев мог показать себя, свести, наконец, с судьбой!

Океан звал его. Он оторваться не мог от его блестающего величия. Глядя на океан, он изменялся сам. Плечи его поднимались.

Просиявший, шагнул он к штурвалу и положил на него осмелевшие руки. Он приказал дать ход, — сначала малый, потом переложил руль направо и скомандовал: «полный!»

Его «Нептун» шел в океан!

III. НОЧЬ

Когда туман расползся. «Герой» направился из Айс-фиорда к кромке льда. Яков Петрик в это время записывал приветствие от Сени Баулина:

«Идем на Мурманск. Где вы? Хочу сделаться вашим помощником навсегда». Петрик переслал Сене:

«Привет, сынок».

Ветер, налетевший со стороны Гренландии, разметал клубы тумана и поднял черные, в седине, валы воды. Держась левой рукой за поручни, капитан Лебедь быстро поднялся по крутому трапу на мостик. Судно валилось набок, высокая мачта описывала правильный полукруг.

В стеклянной штурманской рубке ярко горела ввинченная в ореховый потолок белая лампочка. Вахтенный штурман, в еще непросохшей после дождя и как бы поседевшей шинели, склонился над картой за столиком, вычерчивая тоненьким карандашиком путь корабля. В медной пепельнице, в карандашных кружках, тускло блестел ножичек безопасной бритвы. Вахтенный поднял голову, когда вместе с капитаном в

рубку ворвался залп ветра. Капитан с усилием захлопнул за собой дверь и, отодвинув карты, тяжело сел на диван. Черная кожа добротно скрипнула под ним. Капитан спросил, не видать ли «Нептуна».

— Нет, отвечал штурман.

— Запросите у них координаты. Что они дурня валяют?

Штурман крикнул вахтенного матроса и погнал его в радиорубку.

Двадцать минут штурман и капитан молчали. Штурман с линейкой и карандашом прокладывал путь через океан на карте. Капитан, сидя на диване, сопел. За толстыми стеклами рубки, за бортом корабля катились и сталкивались, рассыпались и вновь возникали седые валы. В ветре разлетались мелкие, как горошины, капли соленой воды, брызги достигали мостика, падали на золотые от света стеклянные стенки и дверь штурманской рубки, оседали на них и струйками стекали по стеклам. Сквозь оплывшие стекла виден был черный в пене хаос воды.

От контраста между покоем штурманской рубки и всем тем, что гремело, громыхало валами воды за бортом корабля, от контраста между порядком и хаосом все тревожнее становилось на душе капитана Лебедя и он едва дождался возвращения вахтенного из радио-рубки. Штурман принял из рук вахтенного желтый бланк, исписанный карандашом Якова Петрика. На бланке были координаты «Нептуна». Штурман сверил их с картой и вскрикнул:

— Что еще там? — Лебедь не сомневался в недобром.

Вместо ответа, изумленный штурман протянул капитану бланк с записанными на нем градусами широты и долготы и ткнул в карту карандашом.

Капитан проверил по карте — и фуражка у него полезла со лба на затылок.

Карандаш штурмана острием уткнулся на карте в точку где-то в глубине Шпицбергена, на пространстве суши, среди гор, на вершине глетчера. Выходило, что «Нептун» находится не в океане, а на земле.

Штурман велел вахтенному снова спуститься в радиорубку и передать Петрику, чтоб тот еще раз запросил координаты «Нептуна». Через четверть часа Петрик записал на бланке почти те же координаты. Штурман, получив бланк, сверил координаты с картой и безнадежно махнул:

— Запутались. Сами не видят, что приборы их врут.

Он скомкал желтый бланк, бросил его в медную пепельницу и вопросительно посмотрел на красное, с поникшими усами, квадратное лицо капитана.

Из радиорубки Петрик звонком позвал вахтенного. Он передал через него капитану, что слышит «Нептуна» неподалеку.

Вахтенный вышел от Петрика, небрежно бросив дверь радиорубки. Ветер подхватил ее, распахнул и, ворвавшись в деревянное строение посреди корабельной палубы, поднял и разметал сложенные на столе, рядом с рычажком передатчика, желтые бланки.

Взбешенный Петрик сорвал с головы металлический полуобруч с наушниками и, прокричав на палубу вслед вахтенному злобную брань, рванул против ветра и громко захлопнул дверь. С такой же поспешностью он снова надел металлический полуобруч на голову и поправил наушники. Рука его настороженно лежала на рычажке. Трубка погасла и, холодная, торчала в зубах. Он нажал рычажок передатчика и выступил позывные «Нептуна».

Плачущей птицей высоко над всем кораблем запрыгала на антенну голубая искра.

Петрик удостоверился, что на маленьком жалком суденышке его услышал мальчик, которого он встретил и приголубил в Гринхарборо.

Он откинулся на спинку стула и, полузакрыв глаза, стал вслушиваться.

Лицо Петрика дернулось. Движением языка он переложил трубку из одного угла рта в другой и схватил карандаш. Нажимая на него указательным пальцем, Петрик не столько писал, сколько выдавливал острием карандаша отдельные буквы. Левой рукой он нащупал на столе кнопку электрического звонка и позвонил вахтенному. Вахтенный, войдя в радиорубку, отметил, что еще никогда не видел радиста таким возбужденным. Руки Якова Петрика тряслись, когда он передавал вахтенному исписанный бланк. Вахтенный даже порадовался в душе, что такие недобрые по видимости в черствые люди, как этот радиист, способны при иных обстоятельствах взволноваться чужим несчастьем.

— Беда, — крикнул он, вбегая в штурманскую рубку и подавая Лебедю бланк.

Штурман заглянул в желтый листок в руке капитана и вполголоса прочитал:

«Пар в котлах кончился. Судно обледенело. Просим скорее помочи. Князев. «Нептун».

IV. УТРО

Маленький катер звал из омута ночи. Петрику казалось, что он слышит его зовы поблизости. Через вахтенного он передавал об этом в штурманскую рубку. Капитан каждые пятнадцать минут менял курс корабля, но с «Нептуна» рация Сени Баулина попрежнему отвечала, что огней судна «Герой» не видно. Капитан трижды требовал, чтобы Князев проверил координаты своего

катера, и каждый раз, получив их по радио, пожимал плечами — по карте получалась неразбериха.

Он уже знал, что на «Нептуне» открылась течь, что приборы катера лгут, определиться Князев не может. Лебедь был убежден, что катер не отошел далеко от ворот Айс-фиорда. Он заставлял корабль описывать круги по спирали вблизи Айс-фиорда, то приближаясь к берегам, то отдаляясь от них.

Вахтенный матрос в кожаном полушибке и в съехавшей на ухо собачьей шапке, сбиваясь с ног, бегал между штурманской рубкой наверху корабля и радиорубкой Петрика на спардеке.

Два часа от «Нептуна» не было никаких известий. С металлическим полуобручем на лбу, боясь пошевелиться в своем привинченном к полу стуле, Петрик тщетно прислушивался к эфиру, безответно выстукивал позывные «Нептуна» и снова вслушивался, вгрызаясь зубами в трубку.

Вахтенный, входя к Петрику, на лице его читал ответ на вопрос капитана. Он осторожно закрывал за собой дверь и бежал докладывать капитану, что радио «Нептуна» молчит. И снова гнали его вниз, в радиорубку, и он скатывался по трапу, едва держась за поручня, топал по скользкой палубе, влетал в радиорубку и опять выскакивал из нее, неся капитану ответ, что у Петрика нет новостей.

В один из своих приходов он застал Якова Петрика склоненным над бланком. Радист выдавливал острием карандаша какие-то буквы. Вахтенный замер, следя за выражением узкого и сухого лица радиста. Петрик отложил карандаш и, не оборачиваясь, протянул вахтенному исписанную бумажку. Матрос прежде чем выскочить с ней, заглянул в нее. Радио с «Нептуна» передавало, что команда успела заделать пробоину и привела в готовность котлы. «Пар поднят» — передавал Баулин.

Петрик остался один и раскурил давно загасшую свою трубку. Он втянул в себя пахнущий медом дым кепстена и не скоро выдохнул его из себя. Несколько минут сидел недвижно. Потом правая рука его легла на рычажок. Петрик вызвал Баулина. Вынув изо рта трубку и держа ее в левой руке, он посыпал радиисту «Нептуна»:

«Сын... Мальчик... Это я, Петрик... Горячий привет... Держись... Будешь моряк, мальчик... Мы ищем вас... В Мурманске беру тебя в сыновья... Решено... Горячий привет, мальчик... Мы ищем вас... Ищем...»

Вахтенный принес от капитана текст радиограммы для Князева. Петрик выступил предложение «Нептуну» немедленно брать курс на Айс-фиорд.

Не прошло и получаса, как вахтенный прибежал из радиорубки с депешей:

«Вода просочилась в машинное отделение. Заливает. Из кочегарки вручную вычерпываем ведрами воду. Определиться лишиены возможности. Приборы неисправны. Князев, капитан «Нептуна».

Капитан Лебедь провел пятерней по лицу и перечитал донесение. Сунув под нос штурману желтый бланк, он распорядился запустить ракеты. Вахтенный побежал в радиорубку с предложением Князеву следить за ракетами ледокола «Герой». Ракеты пускали с верхнего мостика одну за другой. Они бледно вспыхивали в черном воздухе, прочерчивали в нем огненный полукруг и исчезали бесследно. Баулин с «Нептуна» передавал, что ракет им не видно.

«Продержаться на воде можем недолго... Товарищ Петрик... Это я, Сеня... Спасите нас... Товарищ Петрик... Нас заливает... Сеня...»

Петрик едва успел записать, как тотчас донеслись до него новые отрывочные слова:

«Плохо. Скоро конец... Товарищ Петрик... Мне страшно... Спасите нас...»

С опытным и старым радиостом произошло нечто еще никогда не случавшееся с ним, не похожее на него. Забыв выступать сигналы «Нептуна», Петрик звал Сеню Баулина...

Сын... сын... сын... — летели его позывные в эфир.

Спохватившись, он опустил руку и вдруг услышал в наушники, как зовет его станция Сени. Петрик принял:

«Капитану «Героя». Машина стала. От вашей находчивости зависит спасение двадцати двух человек команды. «Нептун».

Зубы Петрика разжались. Трубка выпала из рта на стол. Тлеющий табак оранжевыми искрами рассыпался по краю стола. Петрик почувствовал липкий след слезы на щеке. Он вызвал «Нептуна». Он извлекал из памяти своего сердца почти чужие ему слова, много лет назад покинувшие его словарь.

«Милый... родной... Держись... Мурманске вместе... Навсегда... Буду отцом... Держись... Целую... Это я, Петрик...

Буду отцом... Мальчик...»

Слова его путались и заплетались, как его собственные мысли и чувства. Под конец он выступил твердую и ясную фразу:

«Держись моряком, мой сын».

В паузе Петрик потянулся к трубке и только сейчас увидел, что табак из нее рассыпался по столу, трубка погасла. В наушниках затрещало. Петрик стиснул пальцами карандаш. Острие карандаша разрывало тонкую бумагу телеграфного бланка. На ней Петрик выдавил:

«Примите наш последний привет».

Вахтенный пришел и унес желтую бумажку наверх. В наушниках Петрика продолжало трещать. Он записывал, не

вдумываясь в значение слов. Была радиограмма от Василия Князева с просьбой передать ее в Онегу. Петрик бездумно ее записал и отложил бланк в сторону. Каждый раз, как он слышал позывные своей станции, он вздрагивал, готовый к чему-то, чего ждал долго, давно и нетерпеливо. Ему хотелось, чтоб Сеня вызвал его, именно его, лично, не радиста судна «Герой», а человека Якова Петрика, отца! Но мальчик словно забыл о Петрике. Где-то на тонущем кораблике выступивал последние свои радиограммы юный радиостанционист под диктовку Князева. Все эти радиограммы адресовались к Лебедю, капитану «Героя». Петрику пришло в голову, что мальчик зол на него, извергся. Громадное чувство вины перед Сеней навалилось на Якова Петрика. Он не выдержал, снова позвал в эфире:

«Мальчик... Это я, Петрик... Отзовись... Сын... Мальчик...»

Петрик выжал. Его позвали. Он записал:

«Доживаем».

Через несколько секунд тонко прерывисто зазвенело в наушниках:

«Только что застрелил себя из ружья капитан «Нептуна» Князев... Все доживаем последние минуты... Вода... Прощайте навсегда... «Нептун».

Петрик напрасно звал позывные «Нептуна». Рука его одеревенела и уже не по его воле продолжала ритмично нажимать рычажок...

Сквозь толстое стекло иллюминатора день вторгся в радиорубку и вывел радиостанциониста из оцепенения. Петрик обнаружил, что правая рука его продолжает держать рычажок передатчика. Он пошевелил ею, снял ее с рычажка и болезненно поморщился: долгая звенящая боль мурашками пробежала от кончиков пальцев до напряженно изогнувшегося плеча. Он сначала вытянул руку, потом положил ее на колено. В рассветных сумерках радиорубки

мерцая светилась бледная лампочка над столом. Петрик потянулся через стол, чтобы выключить свет и увидел обсыпанный пеплом трубки, исписанный желтый бланк, — радиограмму Василия Князева, переданную им перед смертью. Петрик наклонился, читая. Он забыл про нее. У него было такое чувство, что кто-то незаметно подбросил ему этот листок. С трудом припомнил он, как, не вчитываясь, он принял и наскоро записал ночью радиограмму. Он снял со лба металлический полуобруч с наушниками и, держа двумя руками желтый бланк, читал и перечитывал его, стоя.

«Перешлите Онега. Октябрьская улица десять Князевой. Прости не мог дать в жизни больше. Сына воспитай только не моряком. Вася».

Не выпуская желтую бумажку из рук, Петрик опустился на стул. За ночь борода его выросла, как у покойника. Узкое лицо с резкой вертикальной морщинкой над переносцем обросло рыжеватой щетиной, среди которой, — чего Петрик еще не знал, — вот уже несколько часов, как белела жесткая седина...

Сын Василия Князева представился Петрику похожим на Сеню Баулина. В сумерках арктического холодного дня па него глянуло из памяти доверчивое и простодушное лицо обласканныго им Сени Баулина. Петрик вспомнил, как кричал ему в ночь: «Держись моряком, мой сын»...

Петрик пошатываясь пошел к двери, распахнул ее и с преданностью и уважением взглянул на серо-зеленый блистающий океан.

Лицо его было окаменелым, но глаза встретившись с океанской водой, заблестели.

Он плотно затворил дверь в радиорубку, задернул занавеску на иллюминаторе, шагнул к столу и выбрал чистый депешный бланк. По-новому он записал на нем текст радиограммы Василия

Князева. Старую радиограмму он изорвал и выбросил в медную пепельницу под столом. Еще два часа он дожидался, когда начнет принимать Архангельск.

Испытывая удовлетворение, он выступал текст:

«Онега. Октябрьская улица десять Князевой. Прости не мог дать в жизни больше. Сына воспитай о б я з а т е л ь н о м о р я к о м. Вася».

Он насладился, как человек, совершивший по своему разумению важное и хорошее дело. Сил его хватило затем на то, чтобы дотащиться до kleenчатого дивана. Он упал на него и сознание его перестало работать.

***

...В ту осень Петрика видели в Ленинграде. После рассказывали, что он развелся с женой и вылетел зимовать на Игарку.

НЕУМИРАЮЩИЙ ГАЛАГАН

Плот плыл по Сожу. За местечком Хославичи с крутого берега из-за лесов подул на реку широкий ветер. Он несся долго и равномерно, сдувая сожскую воду на низкую сторону.

Берега стояли в ясеневых лесах, и в ветре с крутого берега на середину реки залетали узкие и продолговатые листья.

В ветре с листьями занесло на середину реки стрекозу с яшмовыми глазами и слюдяными крыльями на тонкой ярко-синей спине. Она упала, испуганная, со смятыми крыльями, и оказалось, что ее забросило на плоскую грудь усатого и бородатого старика в рубахе с красной вышивкой на вороте и на труди. Старик лежал темным лицом к облакам на кожухе, разостланном мехом наружу на самом краю плота.

Ветер перенес стрекозу на грудь старика и вскоре утихомирился. Стрекоза мало-помалу пришла в себя.

— Здравствуй, — сказал старик и, чтобы лучше ее рассмотреть, подбородком уперся в грудь.

Стрекоза шевельнулась и перешла на лист ясеня, застрявший в его бороде. Яшмовыми глазами она смотрела в тусклые, взболтанные глаза старика. Так поплыли они дальше по реке Сожу — старик на плоту и стрекоза у него в бороде, уставившись друг на друга и в дружелюбии стараясь понять — стрекоза старика, а старик стрекозу. Потом стрекозе надоело. Она пошевелила слюдяными своими крыльями, подогнула ножки, взлетела над бородой и скрылась.

Старик подумал, что они больше не встретятся. Но стрекоза все-таки прилетела и сразу уселась на прежнее место на ясеневом листике в бороде старика. Старик обрадовался. От радости в груди у него стало свободней, и он громко и хорошо вздохнул.

— Жив? — спросили с другого конца плота.

— Жив еще! — крикнул старик.

С головы плата приблизился к старику старший сплавщик, в суровой рубахе без пояса, в полосатых штанах, подвернутых вместе с кальсонами, в высокой соломенной шляпе, рваной и трепавшейся. Крутя цигарку, он опустился на корточки, провел кончиком языка по краю цигарки, склеил, взял в зубы, зажег спичку и, защитив ее огонек согнутыми ладонями, закурил. Затянулся и дохнул в бороду старика. Дым спугнул стрекозу. Оскорбленная, она унеслась от старика навсегда, и старику озлился на сплавщика:

— Подавись ты своей цигаркой! Что кадить надо мной пришел? Не умер еще.

— Да ты, может, еще и не помрешь, Галаган, — спокойно сказал сплавщик, рукой отгоняя дым.

— Много ты понимаешь, — проворчал старики. — Я уж умираю.

Сплавщик поднялся и расправил спину:

— А мне — что? По мне ты тыщу лет проживешь — живя.

Он перешел на голову плата к парню в синей косоворотке, в болотных больших сапогах выше колен. Парень неловко, без умения налегал на длиннейший багор, отпихивая им плот от лесков. Он стыдился своего неумения. Раскрасневшееся молодое лицо его было смущенным и виноватым.

Старший подозрительно посмотрел на него, потом обернулся и крикнул рулевому:

— Иван Кочерга! Куда держишь? Чёрт рыжий! Ослеп.

Сонный богатырь с крупным конопатым лицом и рыжими, прямыми, как у кота, усами, в кепке козырьком на затылок, в рубахе без пояса, двумя ручищами переложил правило руля, зацепил его за железный крюк и лениво промолвил:

— Бачу.

Старшой глянул на мель, мимо которой проносило их плот, потом опять на засыпающего у руля богатыря Кочергу и, взяв из рук парня багор, деловито промерял им дно. Багор вернул парню:

— Пихай, пихай, товарищ студент. Уморился?

— Для того и на практику посылают, — покраснев, ответил студент.

— И сапоги опять же... — пожал плечами старшой, с уважением и завистью рассматривая хорошие сапоги студента. — Тю ты, ей! богу!

Он покурил, выщедил сквозь зубы слону на окурок цигарки и бросил его в реку.

— Тю ты, ей-богу, — повторил он. — Сколько на свете всего. А тут жизнь проживешь, как тот Галаган, так и не узнаешь ничего.

— Жив он еще, этот старик?

— Кто? Галаган? Сносу ему нема!

— Имя это его или фамилия?

— Та ни имя, и ни фамилия. Так. Галаган, та Галаган. С чего-то прицепилось к нему, он и сам, должно быть, не знает, да и про то позабыл, как при нарожденьи крестили его. Когда-то лоцманом был. Ой, и лоцман же был! Плоты через Днепровски пороги гонял. Всю жизнь на воде проваландался. От хитрюга! Смерть свою обдурил.

— Как это обдурил?

— А вот так. Как у него заболит внутри, почует, что смерть близко, так и идет умирать. А помирать идет на Днепро, а не Днепро, так на Сож, а не на Сож, так на Припять, где ему ближе в

тот час. До плотогонов дойдет, — а его ж каждна собака знает, — придет попросится: «Пустите, люди добрые, смерть на реке принять, всю жизнь на реке робив, не могу на земле умереть». Ну, и пустят его. «Сидай на плот, помирай себе на здоровье». Он и рад. Кожух расстелет, ляжет, глаза закатит... Ну, и помирает. А смерть думает: «Э, готов уже Галаган», и уйдет от него к другим. А Галагану только того и надо. У него ж на воде всю его хворь, как рукой, снимает. Или он слово такое знает, или то на него река такую силу имеет, — как побудет на воде, так и легче ему. Смотришь, и обдурил свою смерть. Хитрюга, старик. Да только, похоже, сейчас не обдурит ее. Помрет!

— А дом его где?

— Галаганов? Та у него никакого дома нема. Где он, там и дом. То он в Херсоне, а то на Лоеве. То он бакенщиком, то на плоты наймется. А то рыбалить надумает. Пенсию ему хотели устроить, осерчал: что я, калека безногий? Не взял. А ему или семь или восемь десятков, он и сам не знает того.

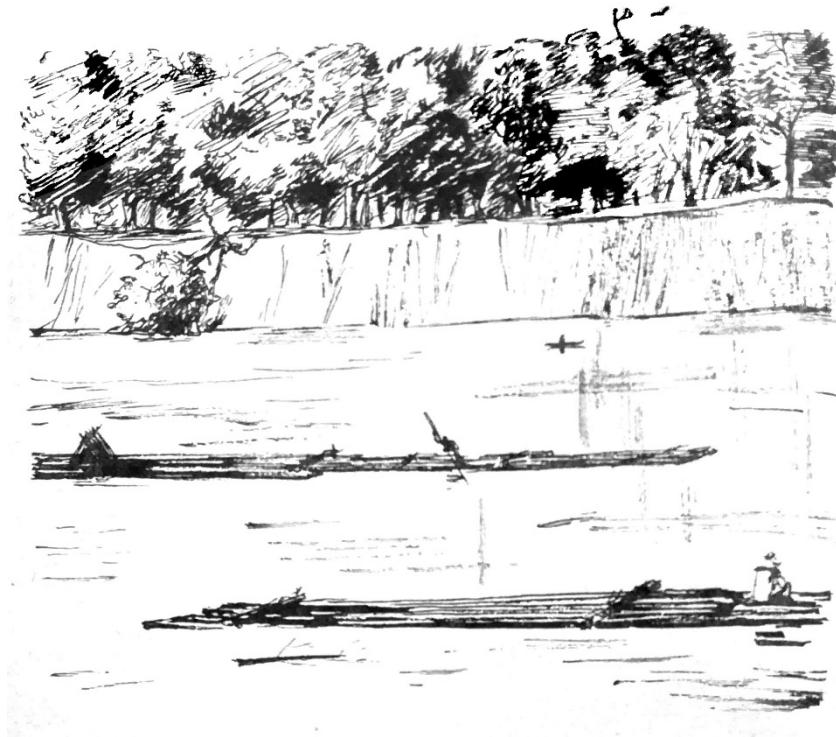
Неделю назад видел студент, как появился на берегу Галаган, скрюченный от боли, с потемневшим лицом, с выцветшей, сбитой в колтун бородой. У лесной пристани, где сколачивали плоты, плотогоны окликали его. Всем был он знаком. Плотогоны спрашивали: «Не опять ли умирать пришел?» Он отвечал, что именно за тем и явился — умереть на реке, слезно просился на плот и старший сплавщик Григорий Семенович, к которому попал и студент практикант, сказал:

— Ладно, ляж, Галаган, помирай. Старик разостлал кожух на плоту, лег на него и безмолвствовал. А плот плыл по Сожу меж двух берегов в ясеневых и грабовых старых лесах, по зеленой воде, полной солнца и отражений листвы...

Сплавщик Григорий Семенович взял багор из рук уморившегося студента, заступил его место.

На середине плота, вблизи умирающего, студент разложил газету, на ней помидоры и хлеб, сел, скрестив ноги, и принялся чистить селедку. Запах ее донесся до ноздрей старика.

Галаган не вытерпел, заерзал и попросил, чтоб его угостили.

Студент поднялся и пошел к ящику, где лежали запасы.

— Чудит? — спросил сплавщик Григорий Семенович, стоя с багром,

— Есть просит, — пожал плечами студент.

Григорий Семенович покачал головой:

— Хитрюга! От же ж хитрюга, старик!

По чавкающим бревнам студент пошел к старику, протянул ему селедку, помидоры и хлеб. Галаган положил помидоры и хлеб на кожух и, неспеша, стал чистить селедку. Он держал ее двумя пальцами за голову, а двумя пальцами другой руки сдирал с нее кожицу. Студент опустился на плот, взял помидор, вгрызся в него зубами.

— А я много делов наделал, — молвил старик, жуя. — Тебя на свете не было, я плоты через пороги гонял. На Днепре бакенов не было, а я лоцманил уже. А раз я мосты строил. Да. А сколько я лесу сплавил — то ж и ученым твоим не сосчитать! А в двадцатом году я в днепровской флотилии воевал против Врангеля. Я, парень, жил.

Старик, видно, уже не думал о смерти. Он сидел на своем кожухе, выпрямив спину, с селедкой в одной руке, с хлебом в другой. Челюсти его двигались мерно, зубы ритмично разжевывали пищу, глаза блестели умиротворенно. Только борода была сбита в колтун и в ней попрежнему торчал, ветром занесенный, узкий и длинный лист ясения, на котором давеча сидела красавица стрекоза.

Студент полюбопытствовал, много ли лет старику.

— Много. Дерево ты распилиши, по кольцам враз сосчитаешь, сколько годов на земле стояло. На человеке таких колец нема.

Он внимательно посмотрел на молодого, перестал жевать, подумал, потом проглотил и сказал:

— Мне б такой сын, как ты. Пошел бы ты в сыновья ко мне!

— В сыновья! — студент пододвинулся к старику. — У вас, дедушка, внук мог бы такой быть, как я.

— Ну, во внуки, — быстро согласился старик. — И внуков нема. Сыны были. Сыны, не сыны, а тоже как тебя вот, в сыны зазывал. Гуляют они себе! А мне для сознания надо, что есть на

свете сыны у меня, не настоящие, а все же сыны... Одного особенно взял в сыны. Жив ли?

— Да кто он? Как это так в сыны?

— Давно было. Годов осемнадцать назад, — рассказывал Галаган. — Я в тот год в Катеринославе робив. Сегодня этот город Днепропетровск называется. В Катеринославе белые, а в Запорожье большевики. А бой в Синельникове, на полпути. В Катеринославе я жил — через мост перейти, на Амуре. Приходят ко мне двое. — Так и так, Галаган. Требуется двоих хлопцев в Запорожье переправить для связи. Ты ж лоцман, стара собака, пороги знаешь. Берись! — Ну, говорю, или вашим хлопцям жизнь надоела? — Нет, говорят, ничего хлопцы те не боятся, ни черта, ни бога, а тебе гроши великие за то получать. — Ну, что ж, говорю. Я лоцман, мое дело лоцманить! Во вторник в ночь нехай приходят до кривой скалы за Потемкинским парком. Те двое ушли, а я на другой день достал дуб на четыре весла, багры, а руль, как водится, припас с лопастью подлиннее. Вот во вторник в ночь как раз жду в своем дубе под кривой скалой и, верно, приходят два хлопца — вот такие, как ты. Один в пальтишке, другой в солдатской шинельке. Сели, поихали. В рассвет до Кайдацкого поворота доихали — ничего. Хлопцы мои сидят, как воды в рот набрали. То они на веслах сидели, а как к порогу подъехали, кричу им: ложи весла, держись. А вода спадать почала, скаженный только через пороги в такое время пустится. Через Кайдацкий порог пронесло нас, как ветром сдунуло. Ну, говорю хлопцям, пока миловал бог, а что дальше будет, то неведомо нам. — А хлопцы мои хмуры сидят, молчат, не разберешь их, что за народ. Что прикажу — багром ли пихать, веслами поработать — все в точности исполняют, но только молчат, бисовы диты. А какой это лоцман любит, чтоб народ молчал? Не понравились они мне сначала за это. Через Сурский порог пронесло нас совсем легко, через Лоханский порог

опять же. А как стали к Звонецкому подъезжать, вижу я — очень сильно спала вода, повылезали камни, торчат... А там, — ты ж и не знаешь, — там же ж как раз два фарватера было на Днепре между Катеринославом и Запорожьем. Один фарватер, то — Новый ход. Его при царице Катерине прорыли... Вот так пороги идут, а вот так сбоку — Новый ход, канальчик такой невеликий и мелкий. А то другой ход был прямо через пороги, вертлявый такой фарватер между камней — Казацкий ход назывался. Лоцмана тот Казацкий ход хорошо знали, а Новый ход мы не любили, бис с ним. Когда ты лоцман, ходи старым Казацким ходом, вертлявым фарватером!.. Ну, несет нас к Звонецкому порогу, и вижу я плохо дело, торчат камни на Казацком ходе, не пройти скрольз него никак. Неужели ж мне на Новый ход повернуть? Хлопцы мои головами вертят, беспокоятся, на меня смотрят, а сами молчат. А, думаю, узнаете вы, почем пуд лиха! И вижу, не пройти нам Казацким ходом, нету воды, надо скорей на Новый ход повернуть. Кричу хлопцам: «Баграми пихай», а сам на руле, а руль у меня свой, особенный, лопасть аршин на пять. Налег на руль — не вертится руль. Такая струя там, не пускает его. Хлопцы мои двумя баграми пихают, я на руле, а дуб наш сам по себе — несет его в самое пекло, ни почем не идет налево, где Новый ход... Не слушает меня руль! И чтоб ты таки думал? Хлопец тот, что в шинельке был. — Семен, а по фамилии неизвестно, — в самые глаза мне взглянул, потом враз кидает багор и давай через весь дуб с носа на корму, до руля... Шапку долой с головы, за плечо мое ухватился, держится, а после за край кормы и сам ноги в Днепр спускает... Я аж глаза вытаращил... Смотрю, хлопец мои уже на лопасть руля животом лежит, ногами в воде болтает, шинель ветром надуло... Семен на руль налегает, я руль, сколько силы есть, тоже верчу, другой хлопец багром пихает. И чтоб ты таки думал? Трещит дуб, стонет, а поворачивается таки, вражий сын. Тут я руль бросал, за

весла скорей, а хлопец в воде да руле лежит, руками держит его, живо, том налег, ногами гребет... Лица его а не видно, волной заливает, а шинель его, как пузырь за кормой... Я ж такого еще не видал! И повернул наш дуб до Нового хода, в канальчик завели мы его, к дамбе, в самые камыши поставили. Я к корме: «Эй, поднимайся, Семен!» Сам он не поднялся. С Федькой, другим хлопцем, мы его за шинель подняли — лицо в кровь разбито, намок, еле дышет... Хорошо, бутылку самогону я захватил... В рот влили, но телу растерли... Ничего, сел хлопец, штаны сушит... Вот же ж какой. С такого хлопца лоцман добрый был бы. Ну, посидели мы, закусили, что с собой было, я им и говорю: так, хлопцы и так. Очень воды мало в Днепре, одни каменюги торчат, не время через пороги пускаться. Ненасытец впереди, а до Ненасытца что было, то все считайте шуточки, Новый ход обмелел, а на Казацком ходе — одни камни торчат. Остается нам дуб наш оставить та привязать, а самим в хутор податься, по близости! тут! И чтоб ты таки думал? Семка, тот, что животом на руле лежал, поднимается и так говорит: — Ни до какого хутора мы не пойдем, надо нам в Запорожье и вези ты, старой, через порога. — Я ж сроду таких не видел. Ну, ладно. Поихали мы. Проихали от Звонецкого порога, чуем Ненасытец шумит. Я ж держу коло левого берега, чтоб Новым ходом пройти. А дуб наш, даром что велик, — как щепочка на волнах. Добрались до Нового хода, драсьте вам, воды совсем нема, слезы одни. Ну, что ж. Я про то говорил своим хлопцям. Нема ходу никакого, что хотите, хлопцы, робите, а ходу для вас нема. И что ж они надумали, бывсовые диты? — Дуб на берег втащить и волоком его по камням аж до конца Ненасытца! Ну, говорю я, вы как себе хотите, хлопцы, а я волоком дуб вам тягать не нанимался. А дуб — мой, не ваш — бить его по камням опять же не дам. И чтоб ты таки думал? Вынимает Семен леворвер, наставилялся на меня и так говорит: — Поможешь, старой — гроши получишь, не

поможешь — пулю получишь, богу молись. — Тю, скажи ты, пожалуйста, вот что за хлопци! — Э, Галаган, думаю, попали тебе пассажиры, батьке ихнему бис. Ладно, говорю... И втащили мы тот дуб на берег и, будь он проклят, какой же он важкий был и как мы его по камням тягали... Хлопцям моим смешки: «Тыщу годов назад, говорят, варяги волоком волокли свои корабли тут же само, где мы свой дуб волочим. Им только в Царьград, а нам ближе, нам бы до Запорожья добраться! — И так мы тот дуб мимо всего Ненасытца проволокли на себе и руки и плечи в крови были, ноги сделались, как не наши, а дыханья в грудях совсем не стало... Вот как я тех хлопцев через пороги переправлял! Ненасытец-порог обошли, Дальше легче. Ниже Ненасытца перепад поды не такой был. Дуб мы на воду спустили. Новыми ходами! доехали. До Кичкаса доплыли — тут уже красные, большевики... Как остров Хортицию проходили, Семей говорит: — Ты, старец, извиняй, что я на тебя ливорвером махал, нельзя нам было иначе, непременно нам по делу революции в Запорожье требовалось попасть. Уговор как был, так остается, идем с нами в Ревком гроши твои получать, не обманут тебя, дадут. — А что, спрашиваю, много вас скаженных таких, как вы? — Хватит, — говорит, — будь бы нас мало, разве ж нам дело наше сделать бы? — Посмотрел я на того Семку, что на меня у Ненасытца ливорвером махал, вспомнил, как он на руль животом ложился, как дуб на себе волок, говорю: — А что, Семка, не пойдешь до меня в, сыновья? — Как это, спрашивает, в сыновья идти? — Очень просто, говорю, — знай: есть у тебя батька на Днепре, имя ему Галаган, и обязательно помни про то, чтоб знал я: есть на свете сын у меня Семен, а больше от тебя ничего мне не надо. И грошей никаких мне не надо. Разве ж с сынов гроши берут? — Так и зaimел я сына Семена и больше с того дня не видал его. Он с другим хлопцем в Запорожье остались, а я на дубе до Тарасовки поплыл, там знакомый народ

шукать. А с Тарасовки в Днепровскую флотилию товарища Хорошкина я попал и против Врангеля воевал месяцев пять, пока белых с Украины не выгнали и все думал: вдруг сына Семена встречу?.. Не. И слуха о нем не слыхал, фамилия мне ж неизвестна

его была... Вот и тебе скажу, — закончил старик, присматриваясь к студенту. — Ходи до меня внуком, как тот хлопец сыном пошел... Много не прошу... Держи в голове одно: есть у меня на свете дед Галаган, ну, а как про то услышишь, что помер я, говори: был у меня на свете дед Галаган. Так пойдешь? Или как?

Студент пожал плечами:

— Это только чтоб называться? Да вам, на что, дедушка?

— Надо, — серьезно сказал старик. — Ты где хочешь живи, гуляй, а нет-нет и вспомни: есть у меня на свете дед Галаган!

— Есть у меня на свете дед Галаган, — повторил студент.

Старик погрозил пальцем:

— Грех тебе позабыть. А мне для сознанья надо. — Он неожиданно запечалился и поник головой. — Настоящих не народил. Так чужих прошу, зовитесь внуками и сынами. Ты смотри! Ты своих сынов займей, и про меня им тоже скажи: был у вас прадед такой, Галаган! Ты скажи! Ты смолоду сынов займей. На старости многое надо сынов и внуков. Смотри!

Студент рассмеялся:

— Мне о старости, дедушка, рано, как будто, думать.

Иван Кочерга повернул тяжелую голову в сторону деда: что-то ответит старик? Галаган с сожалением глядел на уверенное, улыбающееся лицо студента, укоризненно покачал головой.

— Много ты понимаешь, внук! Человек, как на ноги стал, так ему о старости беспокоиться. И чтоб ты таки думал. Молодым ты недолго, а старый всю почти жизнь живешь! Ты меня вот спроси: молодым хочешь стать? Не хочу. А старым побыть? Желаю. А почему? Старым станешь, поймешь тогда. Может, мы и живем для того, чтоб старыми быть. Может, слаще старости и времени в человеческой жизни нема!

— Врешь ты! — с негодованием крикнул Иван Кочерга и сразу сошла с него и дрема, и лень, и он выпрямился, как бы прислушиваясь к своим годам.

— Вру? — рассердился старик. — Много ты понимаешь. Да ты скажи мне: будь, Галаган, десять раз молодым, или раз старым. А знаешь, что я скажу? Я скажу, не хочу десять раз молодым, а хочу один раз старым побыть!

— Старость — не радость, — заметил молчавший до сих пор сплавщик Григорий Семенович, орудуя с длинным багром.

— То ж молодые придумали! — живо отозвался стариk. — А мы говорим: благословенна будь наша старость, сладкое время жизни! — В голосе и в складе слов его появилась торжественность. Он заговорил, как священник или актер.

Не поворачиваясь, Григорий Семенович твердо сказал:

— А здорово ты той смерти боишься, дед Галаган!

— Я боюсь? — вскричал Галаган и вдруг, оттолкнувшись двумя руками, быстро поднялся и, негорбяйся, стал, расставив прямые ноги. Студент отшатнулся, вскочил. Иван Кочерга крякнул от удовольствия. Сплавщик Григорий Семенович обернулся и застыл в изумлении.

— Что? — спросил он, придя в себя. — Видно, опять не умереть тебе, Галаган?

— Не, — сказал Галаган. — Опять, значит, жить. — Он потянулся, как человек, которому не дали выспаться. — Жить, так жить! — подмигнул он студенту.

— Сносу тебе нема! — восхитился Григорий Семенович.

— А что, страшно вам умереть? — решился спросить студент.

Галаган развел руками, поднял одно плечо:

— Та разве ж я видел смерть. Та я ж ее и в глаза не увижу. Ты ж рассуди. Жив я — нема той смерти. А как смерть пришла — так меня уж нема. Так мы и не встретимся с ней никак. А с кем не встретишься, того не боишься. Ты ж то пойми.

Нетвердым шагом прошел он на хвост плата, положил большие и уже тонкие руки на руль.

Кочерга, ухмыляясь, уступил ему место. Стариk откинулся на железный крюк, державший правило, наложил руки и с силой потянул на себя.

— Силища! — благоговейно прошептал Иван Кочерга.

Студент не выдержал, бросился к старику и так закричал, что в ясеневых лесах над Сожем, в дремучей листве прозвенела его мольба:

— Дед! Бери меня в сыновья! Дед! Милый! Бери!

**Возвращение
доктора Фауста**

неоконченный роман

Глава первая

Разочарование доктора Фауста и новый образ жизни его

Когда мысль доктора Фауста достигла вершины человеческих знаний, однажды вечером — когда не было еще огня в комнате — пришло в голову ему, что — ничто его знания перед непроницаемой тайной, в окружении которой провел он шестьдесят лет — семьсот двадцать месяцев — своей безрезультатной жизни. Сердце его преисполнилось тревогой и ум сомнениями. Он не зажигал огня и предпочел (натыкаясь на предметы, не замечая, впрочем) шагать по комнате — из угла в угол, припоминая подробности почти исчерпанной жизни, подводя итоги (столь впечатительные!) многообразным и глубоким знаниям, которые тщательно и прилежно собирал, уподобляясь пчеле над цветком, и ум — улью уподобляя, — в течение продолжительных дней своих. Он не привык бережно копить дни эти, но, как песок просыпал меж пальцев драгоценные, единственные мгновенья — одним увлеченный, одному способный отдаваться видению: как раскрывается — веер в руках Вечности — тайна преодолеваемая мирозданья; как все четче и четче определяется видимость мира в глазах его, как умудряется душа и озаряется опытом, когда уточняются дни знаниями.

И вот вечер, когда вспыхнула в черном зеркале звезда (через окно — лучом), подумалось ему, что не было видения подлинной и, в себе самой, единственно правильной картины мира, но была обманность, обманность (о, горестное сомнение героя!), ложь многократно — трижды или тысячу раз, — поощренная знанием.

Но что есть знание? Что можно знать о причине этой быстротекущей смены явлений, миров, систем?.. Нет смены законов. Но что можно знать о законах?

Он почувствовал явственно, реально, в ужасе, что ничего не знает, что по-прежнему — как и в детстве (лужайка, игры, дом и мать с белыми булками) недвижна, нетронута тайна — неизбывно тревожное пребывание в продолжительном окружении

ее.

Он оставил все книги, над которыми склонялся в бесшумные вечера эти, мензурки и пробирки свои, ланцеты, которыми вскрывал покорных, с грустными глазами животных, микроскопы и многочисленные сложнейшие аппараты и приборы для проявления сложного и многообразного мира.

Он оставил все: то, что наполняло напряжением и работой безветренные, безбурные дни его, то, что осмысливало наступление каждого нового утра, из которых большинство заставало его за работой в давней мастерской, в одном из переулков Арбата, излюбленной им улицы, шумливого и громокипящего города Москвы.

Он бросил все и уехал разочарованный, опечаленный, грустный, далеко из Москвы, далеко от несколько чужой ему России, в маленький и тихий городок Швиттау, где остреверхие крыши одноэтажных домиков вонзались в нависшую голубизну, где испуганно шарахалась в сторону большая, тяжкоповоротливая свинья, когда по пыльной мостовой пробегал автомобиль, где, слава богу, не было трамвая и висячие электрические дороги не гудели над головами мирных граждан. Одним словом, поселился он в месте, куда не доносился шум столичных или больших городов, где слышно было о науке лишь то, что популярно весьма излагалась в школьнических учебниках, столь напоминающих по свежести и новизне новостей своих — старых, потерявших всякие надежды хоть на какое-нибудь замужество — дев.

И Фаусту не было дела до науки.

Дни проходили в частых и бессильных прогулках по городу. И обитатели Швиттау высокую, обернутую плащом фигурку его видеть привыкли часто на улицах и в погребке, где за отдельным столиком

— Хозяин, еще кружку пива — проводил он быстро проходящие вечера.

Экономка, которой было пятьдесят, которая никогда не покидала его, с изумлением, с беспокойством следила за ним, видя необычайную перемену, внезапную и необъяснимую утрату,

исчезновение былой энергии, былого напряжения воли и трудоспособности, видя, как не понимаемые ею меланхолия и грусть не сходят с его прежде светившегося спокойствием лица, видя, как изменяется образ его жизни, каким легкомысленным развлечениям (как бесцельные прогулки эти или сидение в погребке) предается он, — экономка не могла не решить, что (очевидно, вследствие переутомления) умственные способности его пришли в обветшалое состояние и, так как втайне, вот уже сорок лет, была влюблена, — потихоньку оплакивала доктора Фауста.

Глава вторая

На сцене появляется новая фигура — профессор Мефистофель

Мимо стоящего отдельно, с невысоким крыльцом, домика проходил Фауст ежедневно, отправляясь — днем на очередные прогулки свои, по вечерам в погребок очень уважаемого хозяина, господина Пфайфера — немца аккуратного и в долг не считающего допустимым отпускать.

Отдельный, с невысоким крыльцом, — домик стоял напротив его собственного, и потому нетрудно было запомнить ему, что не было на темной, коричневой двери, отдельного, с невысоким крыльцом, домика никакой карточки, никакого белого ярлыка или объявления, но была дверь ровно коричневая, что не нарушалось ни единой карточкой, ни единственным ярлычком или объявлением.

Именно потому, когда однажды увидел доктор Фауст, четырехугольным белым, с золотым ободком пятном, влипшую в ровную коричневатость двери визитную карточку, то внимание обратил сразу немаленькое и живейший интерес проявил немедленно к тому, что написано в ней было.

И немало удивлен был, когда, подошедши к домику, прочел на визитной карточке, по белому черным (курсивом):

Профессор Мефистофель

Глава третья Нос профессора Мефистофеля

Вечером, того же, дня в погребке Пфайфера, среди наваленных тюков дыма —

— Хозяин, пива! —

высунулась фигура новая, внимание к себе возбуждавшая всеобщее, манерами и внешностью своей впечатление производящая странное.

Всего, однако же, замечательнее было в фигуре лицо ее, в лице же всего замечательнее — нос, ибо форму имел он точную до необычайности и среди носов распространенную не весьма. Форма эта была треугольником прямоугольным, гипотенузой вверх, причем угол прямой приходился над верхней губой, которая ни за что не совмещалась с нижней, но висела самостоятельно.

— Хозяин, воды! — крикнула фигура с прямоугольным треугольником гипотенузой вверх, — хозяин, воды!

— Не ошибаетесь ли, сударь, вы, однако, — спросил любезный до краев, уважаемый хозяин Пфайфер, — не ошибаетесь ли, не хотите ли сказать — пива или вина вместо воды?!

— Хозяин, воды! — не меняя интонации, не повышая голоса, повторил вошедший.

— То есть как воды?! — переспросил господин Пфайфер, до крайности удивленный скромностью требования, тем более что ничто в незнакомце не показывало, что нет у него денег на пиво или вино.

— Наверное, вина вы хотели сказать?!

— Хозяин, воды! — все так же спокойно, тем же тоном в третий раз повторил незнакомец.

Хозяин Пфайфер к подобным требованиям не привык. Он немало лет содержал свой погребок, единственный погребок в Швиттау, и, слава богу, ни разу не случалось еще ничего подобного: войти в пивной погребок и потребовать воды, простой

воды — это уже слишком! Ему осталось, впрочем, немногое — пожать плечами и пойти за прилавок, чтобы исполнить просьбу господина с необычайным носом. Хозяин Пфайфер не привык быть не любезным. Головы сидевших вытянулись вперед, чтобы разглядеть странного посетителя. Скучающего в одиночестве Фауста заинтересовал он сразу. У господина были до крайности тонкие ноги, в черных (целых, без штопок) чулках, обутые в черные бархатные туфли, и такой же плащ на плечах. Фаусту показалось, что цвет глаз господина менялся беспрестанно. Зрачки его мерцали среди тучных клубов дыма.

Глава четвертая

Первое проявление странностей профессора Мефистофеля

Продолжая мелким бисером рассыпать ворчание у себя под носом и, время от времени, через определенные промежутки, пожимать плечами, подал хозяин Пфайфер необыкновенному посетителю пивную кружку, наполненную (о, ужас!) самой обыкновенной, даже не прокипяченной, водой. — Не угодно ли? — он небрежно протянул кружку — таким жестом хозяин Пфайфер подает-нищему грош. — Не угодно ли?

— Благодарю вас, хозяин, — учтиво сказал незнакомец, принимая кружку, но тотчас же улыбнулся и необыкновенно вежливо возвратил ее обратно. — Я просил у вас воды, самой обыкновенной воды, вы же мне дали, — поглядите сами, что вы мне дали...

Оторопевший господин Пфайфер с удивлением увидал, что ошибся и вместо требуемой воды наполнил кружку (в чем дело?) — вином, самым лучшим вином, какое только у него было. Однако в чем дело? Его подняли на смех.

— Вы рассеянны, господин Пфайфер!

Он был смущен. Это странно, черт возьми! Впрочем, конечно, он чрезвычайно рассеян... И господин Пфайфер наполнил другую кружку, на этот раз уже безусловно водой, из крана водопровода. Никакого сомнения в этом быть не могло. Он протянул ее незнакомцу. Но тот возвратил ее тотчас.

— Вы и на этот раз ошиблись, господин Пфайфер! В кружке — пиво!

Пфайфер испуганно выронил кружку из рук и вскрикнул:

— Вы черт, милостивый государь!

За столиками встрепенулись. Некоторые встали! Незнакомец снял свой берет.

— Меня зовут Конрад-Христофор Мефистофель. Я профессор университета в Праге. Простите, господин хозяин, если я обеспокоил вас! Я готов уплатить Вам, сколько вы скажите, — сделайте одолжение... Я немного пошутил... Поверьте, я просто

проделал некоторый эксперимент. Я проверил силу словесного убеждения. Она оказалась сильнее вашего здания. В кружках была действительно вода.

И он указал на злополучные кружки: одну (первую) — на прилавке и другую — на полу... В обеих была вода, обыкновенная вода.

Пфайфер разинул рот. Присутствующие удивленно переглянулись.

Странное поведение профессора университета в Праге, Конрада-Христофора Мефистофеля, продолжало усложняться. Небрежным жестом достал он из кармана кошелек и, не считая, вытащил из него несколько золотых.

— Хозяин, получите, — крикнул профессор, бросая золотые на прилавок, — это вам за беспокойство! И за пиво! Дайте мне пива!

Золотые на Пфайфера действие произвели соответствующее. Испуг развеялся мгновенно. Монеты были сжаты в руке и опущены в карман. На лице его, столь напоминавшем дыню, заулыбалась услужливость и изысканнейшая предупредительность.

Поведение профессора Мефистофеля Фауста заинтересовало. Ему вспомнилась визитная карточка, вlipшая в коричневатость двери, отдельного, с невысоким крыльцом, домика, что по соседству с ним, и надпись на ней (курсивом) — черным по белому — «*Профессор Мефистофель*».

Он подошел к господину в черном и сказал, поклонившись:

— Милостивый государь, позвольте предложить вам место за моим столиком. Мне будет чрезвычайно приятно посидеть с вами! Я одинок в этих местах. Зовут меня Фауст. Я доктор химии, приехавший сюда из Москвы.

Мефистофель ответил, наклонив голову и великолепно разведя руками:

— О, благодарю вас, милостивый государь, мне самому весьма приятно, — и он сел рядом с Фаустом.

— Мне понравилась ваша шутка над этими бедными людьми, — сказал Фауст. Я не совсем понимаю только, для чего нужно было это вам делать. Вы напугали их порядочно.

Глава пятая

Самая необыкновенная беседа в Швиттау

— Ах, — чистосердечно вздохнул Мефистофель и отхлебнул глоток пива, — ах, поверьте, многоуважаемый господин Фауст, эти шутки и подобные им немало времени и покоя отнимают у меня... Но когда в жизни ничего не остается более, как шутить! Вы понимаете, не потому, что весело, напротив, именно потому, что скучно... Именно потому, что есть причины, удерживающие еще меня на земле и заставляющие влакаться еще по этой глупой, бессмысленной, проклятой человеческой жизни, именно потому ничего более не остается мне, как шутить, шутить от скуки, от досады, от злости...

Фауст покачал головой.

— Я не согласен с вами, о, нет, я совсем не согласен с вами, господин профессор. Жизнь наша вовсе не так бессмысленна и глупа!

— Вы хотите сказать, что были счастливы? — спросил Мефистофель.

— Напротив, — отвечал Фауст. — Я не могу сказать, что счастливо прожил свои шестьдесят лет. Напротив, милостивый государь. Но мне кажется, что если бы в мое распоряжение вновь было предоставлено такое щедрое количество времени, на этот раз я использовал бы его, я бы счастливо прожил свою жизнь!

Мефистофель засмеялся, издавая звуки разбивающегося стекла.

— Пожалуйста, простите мой смех, — сказал он, — но мне всегда становится неудержимо смешно, когда я слышу от людей, что они могли бы быть счастливы, если бы то-то и то-то. Когда же поймут, что нет самого главного на земле, чтобы можно было быть счастливым, — возможности счастья. Поймите, не существует самой возможности счастья!

— В вас говорит отчаяние, — господин профессор, — сказал Фауст, — я убежден, что в вас говорит отчаяние. Вы, наверное, (я почти убежден в этом), чрезмерно опечалены чем-

нибудь! Посмотрите хотя бы на кошку, вон там, у печки. Скажите сами, вы не видите разве, как она счастлива?

— Ах, — сказал Мефистофель, — я говорю именно о человеке, о существе, наиболее одаренном природой. Да — о существе, гордящемся своим разумом! Ха-ха! Ведь это смешно, наконец! Покажите мне хоть одного из них, кто бы сказал, что он уже счастлив, что не условия определяют его счастье, не что-либо вне его, а сам факт его существа. Вздор! Невозможно!.. Хозяин, еще пива!

— Я думаю, — мягко возразил Фауст, — думаю, что счастье может заключаться в самом процессе стремления к счастью...

Мефистофель взглянул на него с сожалением.

— Вы поэт, — заметил он, — вы — поэт! Все люди — поэты. Хозяин Пфайфер — тоже поэт. Поэзия — это кокаин! Временно он заставляет людей видеть вещи в ином, лучшем свете, нежели это есть на самом деле. Но тем горше момент, когда действие кокаина проходит. Люди еще в утробе матери отравляются этим ядом. Как бессмысленна жизнь человека — никто не представляет себе. Именно потому, что все погружены в вечную обманность. И все играют до глупости обидные роли. Ах, я мечтаю об одном — о восстании человека против человеческой жизни, против обманности, в которую погружен он, против роли, которую играет он на земле. Но не о словесном, не о фразерском восстании, но о действенном, об активном!.. я мечтаю о восстании человеческой воли. Например, — тут Мефистофель наклонился над самым ухом доктора Фауста, — например, об организации самоубийства всего человечества...

Фауст вздрогнул, испугавшись неожиданных слов, и с удивлением посмотрел на собеседника.

— Не пугайтесь, — прошептал Мефистофель, — не пугайтесь! В этом нет ничего страшного. Кончают же самоубийством отдельные люди! Я не вижу ничего необычайного в возможности факта самоубийства всего человечества. И это было бы лучшее из всего того, что оно может

сделать!

Фауст покачал головой.

— Я впервые слышу такие слова. Я не смею спрашивать, сударь, что именно довело вас до такого отчаяния, до мыслей, столь чёрных... Я не спрашиваю вас об этом... Но я вам должен сказать — это уже слишком, это уже слишком, милостивый государь!..

— О, господин Фауст! Мне не хотелось бы убедиться в том, что и вы не отличаетесь от других... Я не могу не видеть всю высоту вашего ума и глубину вашего знания. И вам не следует бояться слов. Я так надеюсь, что вы станете моим сообщником!

— Вы говорите, вашим сообщником, господин профессор?

— Но почему же нет?!

— Вы шутите! Сообщником? Но в каком деле?

— В этом самом! Я же сказал вам! Организации...

Организации восстания против человеческой жизни!

— Вы ошибаетесь! Я далек от этого. Вы не можете рассчитывать на мое сочувствие!

— Но если вы убедитесь сами?

— В чем?

— В бессмыслиности человеческой жизни!

— Едва ли! Правда, я разочаровался в возможностях науки... И я не знаю еще, в чем смысл жизни, но я чувствую, что он существует!

— Так чувствуют все, и никто не знает этого смысла!

— Даже если это и так... это не меняет дела.

— Но если я вам докажу? Если я сумею доказать вам, совершенно очевидно, всю бессмыслиность факта существования человека? Если вы убедитесь, что над человеком, действительно, издеваются на земле? Господин Фауст, если я покажу вам мир не таким, каким он существует в самом себе? Ну тогда?.. Хотите?!

— Что? Что?

— Быть со мной! — глаза Мефистофеля провалились, их не было видно, — хотите? Мы отомстим тому, кто издевается над

человеком, отомстим, если убедим человека лишить себя жизни!..
Прекратить себя! Будете со мной?!

— Но как вы докажете? Вы не убедите меня.

— Я покажу вам то, чего вы никогда не смогли бы увидеть с помощью вашей науки!..

Теплое дыхание окутывало голову Фауста. Слова профессора из Праги дурманили...

— Хочу, хочу, — прошептал он, — хочу! Но еще, слушайте, еще... Вы не докажете мне, не сможете доказать, вот еще почему: многочего, чем, может быть, осмысливается жизнь человека, я не могу уже чувствовать, воспринимать... Понимаете, я уже стар, в достаточной степени стар... Мне шестьдесят...

— Это препятствие легко устранимо, — ответил Мефистофель. — Вам будет возвращена ваша молодость!

— Молодость! — воскликнул Фауст. — Вы смеетесь надо мною, сударь!

— Нисколько! — Мефистофель приблизил лицо свое к Фаусту. Глаза его мерцали то синим, то красным цветом. Тонкие брови приподнимались кверху.

— Или ты не узнаешь меня? — спросил он тихо, смотря в глаза Фауста. Фауст вздрогнул. Он узнал и ответил:

— Узнаю!.. Я буду твоим... Но исполни обещание!..

— Тру-ля-ля-ля!.. — запел Мефистофель, — это не так трудно! Прощайте, господин Пфайфер!

И они покинули погребок.

Глава шестая

События в отдельном домике с невысоким крыльцом

Шли по тихим, уснувшим в темноте улицам, когда в большинстве окон уже погасли огни, ибо спать обитатели Швиттау ложиться привыкли рано. Мефистофель Фауста поддерживал за локоть и предупредительность высказывал чрезвычайную.

— Осторожнее, — говорил он, — здесь тротуар поврежден, и ты можешь упасть.

— Вы живете напротив меня. Знаете?

— Да? Вот как!

Они подошли к отдельному, с невысоким крыльцом, домику. На противоположном тротуаре в квартире Фауста — огонь. Ждала его экономка. Фаусту было все равно. Взошли на крыльцо. Мефистофель толкнул дверь. Отворилась она без шума.

— Входи! — сказал Мефистофель и толкнул вторую дверь. Окружили Фауста четыре черным обтянутые стены. Двери тонули в них, и найти было их трудно. Реторты, мензурки, трубы, трубки и циркули лежали на столе, черным, как и стены, обтянутом. Оторопевший кролик прыгнул под стол, и какая-то птица пролетела над головой Фауста. Мефистофель оставил его одного, рассеянного и задумчивого. Фауст сел на диван, кожаный, узкий. Ему показалось, что не впервые он в этой комнате, не впервые в окружении четырех этих, черным обтянутых, стен. Каждая подробность вставала такой упорной — знакомой. Даже больше. Когда подумалось, что все уже было однажды, показалось и другое — что был даже момент этот, когда, как сейчас, думалось: все знакомо, все уже было однажды. О! какая бесконечная цепь повторений! Зеркало в зеркале! Бессмертие! Вот оно — настоящее бессмертие! И далее, чем дальше думалось, — сидел, глазами вниз уставившись, морщины на лоб вскинув, явственнее казалось: уже было когда-то ему шестьдесят, уже был однажды стар он... Но дальше, дальше, что было дальше? — Не мог вспомнить этого Фауст. Так вот — жизни! Одна такая — уже была, другая — будет

еще... Повторяется, все повторяется... Прав ли Мефистофель, утверждая:

— Бессмысленно!

— Не прав! Не прав! Не прав!

— Прав! Прав! Прав! — громко сказал Мефистофель, вырастая перед ним. — Прав! Прав! Прав! Не будем спорить об этом! Но пойдем!

Вышли они в полуосвещенный, узкий настолько, что идти рядом невозможно было, Фауст за Мефистофелем следовал, — коридор. Мефистофель, перед маленькой дверью, как и стены, черным обтянутой, остановился.

— Здесь, — сказал он, толкнув дверь и вводя Фауста в большую, темным мрамором отделанную ванную комнату. Глубокая, из серебристого металла, ванна помещалась посреди и тяжелая, серебряная, ртути наподобие, жидкость до половины наполняла ее.

— Ванна? — с удивлением спросил Фауст.

— Ванна! — патетически воскликнул Мефистофель, подымая правую руку кверху, — ванна, за которую половина человечества отдала бы все драгоценное, что имеет, а другая половина — лучшие мгновения своей жизни!

И он усадил смущенного доктора Фауста на скамью, на маленькую мраморную скамью возле ванны и, почти с отеческой заботливостью, снял с него туфли, бережно стянул чулки с ног худых, длинными волосами обросших, куртку, штаны, белье... Повиновался Фауст ему, как в детстве когда-то матери повиновался — маленьким, в объятиях большого и сильного, чувствовал себя.

В ванну опустил Мефистофель Фауста, когда находился тот в легкой полудремоте. Тепловатая, густая, серебряная жидкость окутала тело Фауста, отчего дремота сильнее овладела им, и уснул он в ванне спокойно, легко отдавшись Мефистофелю, который хлопотал вокруг, с ланцетом и окровавленными органами какого-то животного в руках...

Глава седьмая

Необыкновенное пробуждение Фауста

Звучание нежное и тонкое, пение птичьему в воздухе подобное, музыка легкая и прозрачная слышались Фаусту, когда открыл он глаза, не избыв еще полностью сна, не припомнив еще происшедшего и не ощущив себя вполне. Незнакомый потолок — мраморный, темный — висел над глазами, и чужая, преисполненная покоем кровать, стояла под ним. Немного минут — и сон — остатки сна — сникли, истаяли. Поднялся Фауст и в себя пришел удивленный и смущенный чрезвычайно. Был он в комнате, стены коей, черным обтянуты, стояли. Черные стены сразу Мефистофеля, профессора из Праги, и вечер знаменательный в погребке Пфайфера напомнили. Фауст на руки оперся, приподняться желая — с кровати сойти. Чувствовал себя странно он. Смутный туман овевал голову его, и непонятная музыка пела и звенела в ушах. Приподнявшись же, удивился легкости, с которой сделал это, ибо трудно было быстро вставать ему в последние годы. Так после болезни трудной и длительной — бодрость необычайная причудливо сочетается с слабостью, времененной, правда, быстро истаивающей по мере выздоровления.

Последнее, что мог припомнить Фауст, — ванну в комнате мраморной и раздевавшего его Мефистофеля. Далее все туманно становилось, теряло очертания и сливалось в общую массу — непрозрачную, свинцово-тяжелую, упругую... Он встал смущенный, силясь тщетно припомнить, что же такое было, после ванны. Глазами дверь искал, в тяжелых, бесшумных стенах. Отыскав, рукой толкнул, вышел. Очутился в комнате большой, кожаными диванам и узкими уставленной и зеркалом в углу глазящей. К зеркалу подошел Фауст быстро и подошедши — вздрогнул, вскрикнул, напуганный, оглянулся поспешно и оглянувшись — к зеркалу снова. Он ущипнул себя — может быть, только сон это — и глаза протирать стал — может быть, показалось это. В зеркале же не увидал доктор Фауст — доктора Фауста, обросшего бородой, с веерами морщин на висках, с кожей,

высохшой и пожелтевшой, но увидал давнего Фауста — студента, юношу двадцатипятилетнего, с легким пушком на верхней губе, с глазами, кипящими жизнью и силой!

— О, возвращенная молодость! Из прошлого, из давнего «вчера» добытое мгновение, остановившееся мгновение! — Фауст подбегает к окну и видит Швиттау, объятый временем и текущий в нем. Через дорогу — дом Фауста и в окне — знакомое лицо старой экономки. Время неизменно вокруг, ничто не изменилось, и только Фауст вынут из времени, преображен, вопреки всем расписаниям истории этого удивительного мира!

— Тру-ля-ля-ля! — раздался позади распевающий голос Мефистофеля, и, обернувшись, увидел Фауст его улыбающимся и веселым, гордо возвышающим гипотенузу своего носа над верхней губой.

— Итак, мы довольны? — полунасмешливо спросил он.

— О! — воскликнул Фауст. — Я еще не пришел в себя и, клянусь, никогда не испытывал подобного восторга! Я чувствую, как кипят во мне сила и жизнь! Я это — или не я? О! Я счастлив невероятно! Молодость и сила возвращены, как возвращается в счастливых случаях украденное ожерелье! Я готов служить вам всю свою жизнь! Если вам угодно, я могу действительно признать жизнь человека бессмысленной и ненужной, до последней степени, хотя, признаться, сейчас это будет мне довольно-таки трудно, ибо сейчас я чувствую себя счастливым вполне и жить хочу самым головокружительным образом!

— Мне не нужно твоего вынужденного заявления и не нужно, чтобы ты признал жизнь бессмысленной, милый Фауст, — улыбаясь, ответил Мефистофель, — но мне совершенно необходимо, чтобы ты убедился в том, что ваша жизнь действительно бессмысленное учреждение, и в дальнейшем стал моим союзником.

— Ох, не легко вам будет убедить меня в этом, дорогой профессор!

— Посмотрим это...

— Не легко! Жажда жизни кипит во мне!..

— Посмотрим....

— Черт возьми, я никогда не думал, что это так славно — быть молодым!

— О! Легковерное заблуждение, в которое так легко ввергнуть людей! — воскликнул Мефистофель. — Все призрачно, все обманно! И как скоро ты будешь убежден в этом!

— О, я вас прошу, сделайте со мной, что хотите, но продлите еще это мгновение, не лишайте меня еще, хоть немного времени, этой чудесной возможности — смотреть без страха на землю — возможности дышать своей молодостью и силой!

— Я и не думаю этого сделать! Напротив, к твоим услугам все, что можешь пожелать! Не смущайся — я уже подозреваю о нем — назови свое желание. Я исполню его!

— Вы великий психолог, — сказал, слегка покраснев,Faust, — меня действительно томит одно желание, которое свойственно молодости!

— Жажда любить, петь романсы или сочинять стихи для глуповатой блондинки или капризной брюнетки, чтобы в виде награды за усердие получить право проникнуть в ее спальню!

— О, не смейтесь над этим великолепным чувством! Оно действительно сжигает мое сердце и пламенем разливается по всему телу!

— Все говорят одними и теми же словами, — усмехнулся Мефистофель, — это доказывает лишь, что чувство это у всех совершенно одинаково!

— Я не знаю, так ли это, — сказал Faust, — но клянусь, мне трудно сейчас думать о чем-либо другом, кроме женщины.

Глаза Мефистофеля провалились, исчезли, темные провалы блистали на месте их, как во время разговора в кабачке Пфайфера.

— Твое желание нетрудно выполнить, — проговорил он.

Глава восьмая

День великолепных начал

Швиттау, объятый временем и текущий в нем, — Фауст покидает его.

— Итак, мы начинаем! — воскликнул Мефистофель и вывел его на улицу. За окном домика доктора Фауста испуганное, на коем запечатлела бессонница печать свою, лицо экономки. Фауст припоминает смутно бывшее вчера и ничего узнавать не хочет. И экономка не узнает его, преображенного, обуянного молодостью лет, восставшего юношей из старческого почти небытия...

— Куда? — спросил Фауст.

И, не отвечая, повел его Мефистофель сквозь тесные, поросшие невысокими домиками улицы к вокзалу висячей электрической дороги.

С восторгом и любопытством посмотрел Фауст на людей и не случайно выбрал место в вагоне, рядом с молодой женщиной в шляпке, возвращавшейся, очевидно, на дачу. Мефистофель же занял место позади их, отбросившись на спинку дивана и полузакрыв глаза. Руки он возложил на живот.

Вагоны, покачиваясь, поплыли над прижатыми друг к другу, словно карты в колоде, огородами, над парниками и оранжереями, от которых поднимался кверху, прямо к открытым окнам вагона, запах теплый, тягучий. Покачивание вагона и чрезмерная теплота, разлитая в воздухе, — усыпляли. Уже через четверть часа услышал Фауст за спиной своей легкое и мерное посвистывание и, обернувшись, увидел профессора дремлющим.

Молодая женщина, соседка Фауста, сняла шляпку и положила ее на колени. Шляпка упала. Фауст был рад поднять.

— Спасибо, — улыбнулась дама.

— Как жарко! Не правда ли? — сказал Фауст. Женщина кивнула головой. Ничего не ответила. Ее не удалось вызвать на разговор. Фаусту стало досадно.

Мефистофель проснулся вдруг на одной из остановок,

когда быстрый тормоз отбросил его от спинки дивана и ударил подбородком в спину Фауста.

— А, — сказал он и открыл глаза.

Они проспали еще несколько станций. На одной из остановок, когда раздался звонок и вагон вздрогнул, чтобы уйти дальше, Мефистофель вскочил внезапно и, воскликнув:

— Здесь! —

потащил Фауста к выходу. Вагон уже тронулся, когда они спрыгнули с него на площадку висячего вокзала, откуда, по лестнице, спустились на землю.

Фауст, обрадованный, пил множество великолепного воздуха. Пошли они по узкой дорожке, покрытой крупным, медным песком. Слева блестела речка, справа — вырастали из земли разбросанные домики, не менее чем Швиттау, старинного городка Литли. За речкой кипели и искались в золотистом воздухе девичьи голоса, звончатель смех и мелькали красные ленты.

— Здесь гулянье, — сказал Мефистофель. — Каждую неделю здесь занимаются этим!

Фауст изъявил желание попасть на гулянье.

Через речку переправились они в крохотной, шаткой лодочке. Повез их старик словоохотливый, но Фауст слушать его не стал. Окружила их музыка девических шуток и песен, когда вступили они на лужайку, где буйствовало веселое народное гулянье. Фауст жадно смотрел на увесистые бедра красавиц из Литли, на их оттопыривающиеся под тонкими тканями лифов, спелые груди. Он врезался в самую гущу хора и без устали стал осыпать прекрасных соседок звеневшими, как серебряные монеты, поцелуями. Веселой бранью набросились на него девушки, а молодые парни недружелюбно поглядывали на пришельца. Но Фауст прыгал и скакал, как молодой козленок, обрадованный необычайным теплом солнца. Он вмешивался в игры и сам затевал новые. С резвостью, которая только доступна ей, вновь обретенной молодости, увлекался он равно и чехардой, и «фантами», бегал в «ловитки» и скакал через препятствия. Глаза

его блестели, губы дрожали от удовольствия. Он не помнил ничего, ни о чем, ни о Мефистофеле, который, сия темными провалами глаз, следил за ним, ни о Швиттау, ни о чудесном преображении своем, ни о чем, — кроме того, как прекрасно мгновенье, когда живешь этим мгновеньем. Он радовался прозрачному лету секунд высокой радостью молодого звереныша, радостью буйной плоти, возбужденной близостью других ей подобных... Ловкость Фауста и умелые манеры его сделали сразу из него предмет ласковых и обильных взоров литльских красавиц, — и, пожалуй, многие из них лелеяли мысль о крепких его объятьях.

Но только одна, которой было едва ли больше семнадцати, забросившая червонные косы свои за плечи, с серо-голубыми глазами, заняла с некоей минуты мысли Фауста. И тем более не мог он думать о других, что уединялась золотокосая красавица с краснолицым парнем, который, видимо, неплохо чувствовал себя, обнимая ее тугую талию.

— Э, стоит ли думать об этом! — услышал Фауст рядом голос профессора Мефистофеля и вздрогнул, чуть не задев плечом гипотенузу его вездесущего носа. Мягкая черная фигура профессора, видом своим, вернула, как говорится, Фауста к жизни. Только теперь он вспомнил о своем спутнике.

— Скоро вечер, — сказал Мефистофель, кивая гипотенузой на уходящее солнце, — следовало бы подумать о ночлеге, да и перекусить чего-нибудь этакого. А место здесь есть такое, лучшее в Литли.

Тут Фауст действительно ощутил, как усталость в теле, так и весьма недвусмысленное желание закусить чего-нибудь этакого, как сказал Мефистофель. И, не переставая думать о рыжей девушке, которая пленила его окончательно, он поплелся за профессором.

Снова нужно было переправляться через речку. Вода за бортом лодки остекленела и стала красноватой от солнца. Голосили лягушки.

Переправившись, пошли они в городок, который был

поменьше Швиттау. Улицы его были кривы, и все домики улыбались крохотными садиками, где великолепные отцы семейств тянули из бочкообразных чашек дымчатый чай с золотистым розовым вареньем.

«Золотая подкова» — так написано было на вывеске трактира, к которому подвел Мефистофель Фауста.

В просторном зале трактира не было других посетителей, когда вошли они туда. Широкая и лоснившаяся от добродетели хозяйка поплыла им навстречу, отчалив от прилавка, уставленного подносами с дымящимися, только что поджаренными пирожками и множеством самых разнообразных замечательных блюд, которыми столь прочно утвердился, в области бессмертия неповторенный, неподражаемый городок Литли.

— Привет тебе, о чудный край! — воскликнул Мефистофель, делая жест в сторону украшенного соблазнительными блюдами прилавка.

Не оставалось никакого сомнения, что восторженное восклицание профессора широчайшая хозяйка приняла именно на свой счет. Заулыбавшись всеми бородавками, сиявшими на полях ее лица, ответила она, истаивая от любезности:

— Добро пожаловать, дорогие гости!

— Однако, — прошептал профессор на ухо своему рассеянному спутнику, — однако эта шарообразная грация не прочь выдать себя за «чудный край», — и, обратившись к хозяйке, он произнес:

— Благодарим вас, сударыня! Если ваши пирожки, каплуны, цыплята, колбасы, сыры, яичницы, сосиски с капустой и сосиски без капусты, ваши соленые огурцы, ваши рагу из зайца и рагу не из зайца, ваши отбивные котлеты и ваши рубленые котлеты, ваши раки, рыбы, крабы, устрицы, ваши паштеты, ваши слоенки, пироги с вареньем и просто варенье или просто пироги, ваши вина, пива, шампанское, короче говоря, если все то, чем вы можете угостить нас, не имеющих намерения отказываться от вкусного ужина, — если все это будет столь же приятно на вкус, сколь приятно нам видеть перед собою вас, — то, поверьте, мы

будем счастливы!

Фауст с удивлением взглянул на разохотившегося на слова Мефистофеля, а хозяйка, решив, что перед ней люди особо важные и гости на редкость выгодные, ответила не менее словоохотливо, но еще более любезно.

— Для моей скромной гостиницы большая честь иметь таких важных и высокопрекрасных гостей. К прискорбию моему и моей гостиницы, я должна предупредить вашу светлость, что из перечисленных вами блюд могу предложить вам только небольшую часть их, а именно — пирожки с мясом, с печенкой и капустой, затем — яичницу с колбасой, колбасу без яичницы и яичницу без колбасы. Затем сосиски и паштет. У меня нет, к сожалению, ни устриц, ни шампанского, ни отбивных котлет, ни рыбы, ни перечисленных вашей светлостью тонких и деликатных блюд, которые в нашем городе спрашиваются редко, но, взамен, могу предложить вам еще холодную баранину, холодец из телячьей ножки, лапшу и фаршированный перец!

— Ах, хозяйка, хозяйка! — закричал Мефистофель, — что же вы истязаете нас, умирающих от голода, заставляя выслушивать названия таких божественных вещей, вместо того, чтобы поскорее накормить нас вашими святыми фаршированными перцами, холодцом, сосисками и, черт возьми, остальным! Или вы хотите видеть, как мы будем корчиться на полу, умирая голодной смертью!..

Хозяйка всплеснула руками, испуганная страшными словами Мефистофеля, и бросилась за прилавок, где тотчас же зазвенела посуда и захрустело разрезаемое мясо.

Они заняли одинокий, к стене прислонившийся столик, и, когда уселись,Faуст насмешливо произнес:

— Я не думал, профессор, что вы такой гастроном!

— О! — ответил Мефистофель, — отчего же и не быть изредка гастрономом, когда быть кем-нибудь другим еще скучнее!

Профессор вытянул под столом ноги и, в ожидании ужина, нетерпеливо потягивался.

Фауст не переставал думать о рыжей девушке.

Хозяйка за прилавком возилась долго. Она громко ворчала, и из ворчания понять можно было, что эта дубина (муж ее особы) куда-то запропастился, а эта дрянная девчонка (дочь ее), черт знает с кем загулялась и, кажется, забыла о матери, которой следовало бы помочь...

Горячие сосиски и холодец из телячьей ножки, а также две бутылки прохладного черного пива стояли уже на столике гостей, и Фауст с Мефистофелем (особенно же последний) уже поедали все принесенное хозяйкой, когда входная дверь отворилась и вошла в залу... (силы тут изменяют мне и эпитетов никаких предпринимать я не могу)... вошла та самая червоннокосая, с глазами серо-голубыми, девушка, которая столь сильно пленила воображение Фауста утром, на народном гульбище... Щеки ее были красны, и поспешно подымалась и опускалась грудь под лифом.

Фауст вздрогнул и покраснел, Мефистофель же, на него взглянув, улыбнулся.

Хозяйка на девушку накинулась с бранью:

— Ах, дрянь ты этакая, — закричала она, ударяя себя по отлогам бедер, — ты забываешь о том, что матери тоже отдохнуть следует! Погибшая ты девчонка, если бы не напоминали тебе, так ты, пожалуй, и вовсе бы домой не возвращалась!..

И, обратившись к гостям, добавила:

— Ну и дети теперь пошли, ваши светлости! Это дочь моя — Марго!..

**Днепровская
Атлантида**

Фантастическая повесть

I. Скучающий репортер.

Берега все ближе и ближе подходили один к другому. С палубы парохода уже можно было ясно различить их контуры. В сумерках четко обозначалась линия, отделяющая реку от моря, — пароход вошел в Днепр.

Пассажиры с любопытством разглядывали начинавшую развертываться по обоим берегам Днепра панораму.

Двухпалубный пароход «Эпоха», совершающий рейсы между Нью-Йорком и Киевом, уже оставил позади большую часть пути. Он пересек Атлантический океан, Средиземное море, Черное от Константинополя до Одессы и через несколько дней должен был возвращаться обратно.

— Как хорошо, что наконец видны берега! — вздохнула с облегчением одна пассажирка. — Однообразие моря так утомляет...

Ничего не ответивший на эти слова, ее спутник обратился к высокому молодому человеку, очень похожему на обритую обезьянку, худому, беспокойному и поминутно дергавшему

блокнот, торчавший в его кармане:

— Вы скучаете, Виддуп?

Обезьяноподобный молодой человек оторвал взор от поверхности реки и, медленно повернувшись к нему, ответил:

— Мне не везет, мне категорично не везет! — И он огорченно провел рукой по лбу.

Собеседник его рассмеялся:

— Дорогой мой, но разве вам привыкать стать!

— Увы, — вздохнул Виддуп, — мне не везет всегда, но я никак не могу привыкнуть!

— Наверное, вы сами в этом виноваты?

— Жизнь виновата, милый Ларский! — ответил Виддуп.

— За что бы я ни принимался, неизбежно мне сопутствует самый отвратительный провал. А разве во мне меньше энергии или находчивости, чем в лучших наших американских репортерах?

— Однако, чем же вы объясняете ваши классические неудачи?

— Не мучьте меня вашими вопросами! Не знаю!

Помолчав минуту, он упрямо добавил:

— А все-таки я верю, что будет и на моей улице праздник!

— От души вам желаю, Виддуп, — улыбнулся человек с фамилией Ларский. — Но... когда же это будет?

— Каждый день может быть. Может случиться в любую секунду. Я уверен, что однажды произведу совершенно фантастическое открытие. Я вознагражу себя за все свои прежние неудачи. И вся печать в Новом Свете будет говорить обо мне.

— Но ведь, кажется, ваши неудачи могли бы уже вас отучить от ваших фантазий!

Виддуп огорченно покачал головой.

— Правда, — заметил он. — Как я начал свою карьеру?

Когда я попробовал описать какие-то развалины в Ниневии, *) оказалось, что они описаны чуть не за сотню лет до меня. Когда я наткнулся в Египте на таинственную гробницу — после того, как моя газета раздула мою находку, выяснилось, что впервые находка сделана сорок лет до меня и известна всем, кроме меня и моей газеты! Ведь вы знаете, дорогой Ларский, меня после этой истории выгнали из газеты! Я не унывал и продолжал действовать: Но как мне не везет, как не везет! Когда я попытался перелететь на аэроплане от полюса к полюсу, —мой аэроплан разбился через пятнадцать минут после подъема. Я случайно уцелел. И наконец, сейчас! Нет, вы только подумайте! Столько времени я проторчал у себя в Америке и ничего не мог найти подходящего. Америка стала скучна. Я решился совершить это путешествие — и стоило мне выехать из Америки, как там началась революция!

— Д-да, — произнес его собеседник, — невезение в самом деле на редкость.

Виддуп пожал плечами и, оставив Ларского, начал нервно шагать по палубе.

— Больной человек, —тихо прошептал Ларский, подходя к своей жене, сидевшей в стороне и с улыбкой, слушавшей весь разговор.

— Бедненький! — сказала она. — Чего он хочет?

— Дурак! — ответил Ларский. — Он ищет сенсаций во что бы то ни стало. Это выродилось у него в какую-то манию. Но все его неудачи похожи на анекдот. К тому же, ему недостает просто элементарных знаний для того, чтобы не влопываться по пустякам. Видишь ли, это просто вырождающийся тип старого американского репортера. Даже в Америке — наиболее отсталой теперь стране — уже переводится этот тип. Не до того. А вот этот — упорствует!

*) Столица ассирийского царства, лежавшая на левом берегу р. Тигра.

Пассажиры замолчали и в ожидании ужина смотрели за борт парохода. Непомерно расширенный у устья Днепр суживался теперь все больше и больше. Берега его были одеты гранитом, защищавшим прибрежные селения от разливов реки, а реку — от вплзания в нее песчаного берега. Пароход приближался к Херсону. В сумерках берега становились синими. Деревья на них темнели черными вышками — и то там, то здесь в невидимых с парохода домиках вспыхивали огоньки.

— Завтра мы увидим знаменитое Запорожье и Днепровскую гидроцентраль, — сказал Ларский, обращаясь к жене. — Свет, который горит в тех домах на берегу, дан днепровской энергией. Право, невозможно представить себе что-либо величественнее этого сооружения, созданного почти семьдесят лет назад! Завтра мы осмотрим его!

Вечером, когда стемнело, навстречу пароходу, поднимавшемуся вверх по Днепру, потянулись огни, которыми заблестел весь берег слева. Над рекой повисли ярко освещенные мосты, по которым ежеминутно пробегали взад и вперед длинные составы поездов. И пароход пристал к первой пристани по Днепру — Херсону.

Виддуп отказался от предложения Ларского сойти на берег и поездить по городу во время стоянки парохода.

— Оставьте меня, — глухо произнес он.

Его оставили в покое, и он был единственным пассажиром, который не воспользовался случаем поразмять ноги на берегу после утомительного и длинного морского перехода.

Он прошел в читальный зал, приблизился к небольшому экрану, нажал кнопку, повернул какой-то рычаг и сел напротив.

Экран передавал ему о последних событиях. Американец нетерпеливо топал ногой, пока перед его глазами проходили картины каких-то плантаций, затем бури на море, каких-то автомобильных гонок и впился в экран лишь тогда, когда он

стал передавать о последних событиях в стране, из которой ехал Виддуп.

Да, вот где были сенсации! Вот где они валялись на каждом шагу, и стоило только нагнуться, чтобы поднять их! Убийство американского президента. Неслыханная забастовка на всех заводах, основанных еще сотню лет назад самим Генри Фордом! Мексика во главе революционного объединения всего Нового Света!

А Виддуп, Виддуп... Конечно, его нет там! Всегда, всегда он не там, где должен быть!

— Как не везет, как каторжно не везет! — шептал незадачливый репортер, в отчаянии хватаясь за голову.

II. Случайная находка.

Днепр от Херсона до самого Запорожья был весь как бы в гранитном панцире, сдавленный, обузданный человеческой волей. Утром, когда инженер Ларский поднялся на палубу, чтобы впервые при дневном свете рассмотреть днепровскую панораму, по берегам потянулись огромные стеклянные корпуса запорожских алюминиевых заводов. Молодой инженер очень хорошо знал, что только создание источника дешевой энергии Днепростроя позволило построить в первой социалистической республике алюминиевые заводы таких масштабов. Ведь алюминий потребляет бесконечно много топлива и энергии.

Справа и слева, точно непосредственно вырастая из берега, виднелись новые города, из которых ни одному не могло быть больше семи или восьми десятков, лет, ибо всех их вызвало к жизни то прославленное и мощное сооружение, к которому все ближе и ближе подходил пароход «Эпоха», заканчивая свой долгий маршрут из Нью-Йорка в Киев.

Утро вставало розовое, легкое. Солнце наполняло реку

ярким сиянием, отчего казалось, что в ней плавают золотые прозрачные круги. Пассажиры высыпали на верхнюю палубу. Они почти не отходили от перил, обмениваясь впечатлениями.

Мало кто из них ехал в деловую поездку, Большинство пользовалось этим рейсом, как средством отдыха. И Виддуп был почти единственным человеком, который, вовсе не преследуя цели отдыха, решился ехать в далекую УССР морем и по Днепру, вместо того, чтобы воспользоваться комфортабельной кабинкой пассажирского аэроплана.

Утром он был на палубе, как и все, и с тщетной надеждой смотрел на расстилавшиеся перед его взором берега, которые дышали мирным трудом и спокойной жизнью и не сулили неудачливому репортеру пищи для необыкновенных сенсаций.

Во время завтрака, сидя за табльдотом, Виддуп неожиданно затянул разговор на тему, которая, очевидно, мучила его в последний момент. Потеряв последние надежды на сенсации в области, так сказать, «пространства», он неожиданно стал возлагать их на время.

Отпив несколько глотков кофе, он неожиданно обратился к пожилому соседу, спокойному немцу, севшему на пароход лишь в Одессе.

— Не правда ли, как странно, — сказал он, — невозможно подумать без волнения: еще год, другой — и от двадцатого века не останется и следа!

Немец с удивлением взглянул на него, неопределенно промычал что-то в ответ и недоуменно пожал плечами.

Виддуп смущился. Оставив в покое немца, он обратился к Ларскому:

— Смотрите!

Он вытащил из кармана блокнот, карандаш, вырвал листик бумаги и взволнованно начертил на нем:

— 2001 год!

И с торжествующей улыбкой поднял листик с цифрой над столом.

— Ну и что же? — спросил его Ларский.

— Как что?! — воскликнул американец. — Неужели вас не волнует эта календарная цифра? Ведь это случается только однажды в сто лет! У меня вот такое чувство, что непременно что-то должно случиться, когда меняется век. Подумайте! Сейчас 1999 год. Еще несколько месяцев — и мы уже будем говорить: в прошлом двадцатом веке!

И он обвел торжествующим взглядом сидевших за столом пассажиров, из которых одни с удивлением, другие с улыбкой поглядывали на него.

Увы, он и тут не был понят! Эффект, который он собирался произвести неожиданным напоминанием о конце двадцатого века, не удался, и Виддуп смущенно и молчаливо принялся допивать свой кофе.

Прежде чем завтрак был окончен, сверху раздался чей-то возглас:

— Хортица!

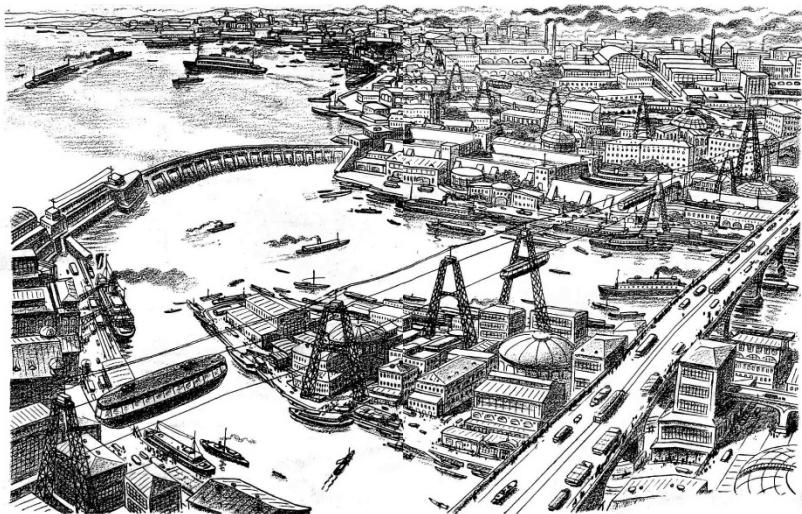
Любопытные поднялись наверх.

Хортица — в самом деле наиболее любопытное место из всего, чем богат Днепр.

— О, — воскликнула жена инженера Ларского, — ведь это тот самый остров, который когда-то описывал Гоголь!

— Еще бы, еще бы! Помните Тараса Бульбу?

— Да, но что осталось от прошлого? Растворившийся километров на пятнадцать в длину, по форме напоминающий гигантскую горбатую рыбку, остров разделял Днепр на два русла.

Перед глазами пассажиров поднимался гигантский город, окружённый со всех сторон глубокой днепровской водой... Тяжелый мост, связывал остров с Запорожьем... Над Днепром проходила подвесная электрическая дорога...

Несколько десятков лет назад только одно из них было судоходно. Некогда зеленый тихий остров, бывший много веков назад Запорожской Сечью — центром казачества Запорожья, ничем, ничем не напоминал о прошлом.

Перед глазами пассажиров поднимался гигантский город, окруженный со всех сторон глубокой рекой. В просторный порт входили океанские пароходы, из которых одни поднимались вверх, другие спускались вниз по течению, отправляясь в путь, только что пройденный пароходом «Эпоха».

Тяжелый мост на быках связывал остров с Запорожьем, раскинувшимся на правом берегу Днепра. Над Днепром, соединяя островной город с береговым, в воздухе тянулась висячая электрическая дорога, и маленький закрытый вагон, подвешенный к эстакаде, весело пробегал над рекой.

Пассажиры с палубы смотрели на него, поднимая голову кверху.

Медленно и долго грузная «Эпоха» входила в Хортицкий порт.

Виддуп отказался сойти на берег, как и в Херсоне.

В полдень Ларский с женой и пассажиры вернулись на палубу, и инженер журил американца:

— А вы все еще ждете, что сенсация, как манна небесная, сама свалится вам в рот? Бросьте, искать нужно самому, а не ждать.

— Неправда, — возразил Виддуп обиженно. — Я поеду и посмотрю. Я просто еще не собрался!

И он в самом деле через некоторое время съехал с парохода, наспех попрощавшись с инженером Ларским и его женой, условившись, что он сядет на пароход уже в Кичкасе, до которого доедет из Запорожья автомобилем.

Путь парохода от Хортицкого порта лежал мимо набережной города Запорожья, через большой канал и шлюзовую лестницу возле знаменитой днепровской гидроэлектростанции. По шлюзовой лестнице пароходы в этих местах переправлялись в Верхний Днепр, в то огромное водное пространство, которое покрывало бушевавшие и кипевшие когда-то здесь Днепровские пороги.

Пароходы обыкновенно долго задерживались у острова Хортицы, медленно проходили лестницу шлюзового канала и, прежде чем подняться в русло верх него Днепра, долго простоявали в Кичкасе. И потому не было ничего необычного в желании Виддула покинуть пароход на день или два. Он так и сделал.

Заперев каюту, он вышел на площадь порта острова Хортицы, сел в маленький вагон висячего электрического трамвая и отправился в Запорожье. Вагон, разделенный на небольшие купе, поднялся по эстакаде¹⁾ над островом, затем

как бы поплыл над днепровской ширью, усеянною пароходами, бесчисленными катерами, моторными лодками.

Виддуп рассеянно смотрел на всю эту картину, на огромный стеклянный город, расцветший на пятнадцати километровом пространстве Хортицы.

Запорожье — старый город, сильно разросшийся на левом берегу Днепра и пригородами своими подступавший к самому Кичкасу, к тому месту, где начинался шлюзовой канал.²⁾ Город, сохранивший от старого лишь древнее Запорожское кладбище с могилами последнего воеводы Запорожской Сечи — этот город не интересовал американского репортера.

Равнодушно бродя по его улицам, Виддуп купил номер местной газеты «Красное Запорожье», основанной еще в 1919 году, отыскал справочный отдел и, найдя адрес Исторического музея, направился к нему.

Музей был открыт в год создания Днепростроя, год, с которого, собственно, началась новая эра для всего края. В светлых просторных залах, за стеклянными витринами были выставлены фотографические снимки работ по сооружению днепровской станции, по прорытию канала, по установке машин, перемычек, мостов. Но не это интересовало Виддупа. Он знал, что Днепр, обузданный гигантской плотиной, поднялся в 1931 году на огромную высоту, хлынул на низкие берега, затопил их, похоронил под собой десятки селений, остатки которых и по сей день продолжали разрушаться на его дне.

И Виддуп знал, что в одном из отделений музея кинолента демонстрирует этот последний день старого Кичкаса,

1) Здесь — путь, полотно которого приподнято (на сваях, стальных или бетонных устоях) над сушей или водной поверхностью.

2) Теперь Запорожье и Кичкас разделяются расстоянием в несколько километров. (Ред.).

момент разлиния Днепра и погребения сорока четырех приднепровских селений. Да, кино успело зафиксировать этот исторический момент, и в музее, правда, лишь по особому разрешению директора, изредка демонстрировался этот замечательный фильм для посетителей.

Но Виддупу не повезло. Он представился директору музея, отрекомендовался специальным корреспондентом американской прессы по Днепру и обратился к нему с просьбой разрешить посмотреть демонстрацию редкого фильма.

Директор был полон любезности, но Виддупу, увы, отказал. Правда, не совсем отказал. Он заявил ему, что демонстрировать фильм сегодня, к сожалению, никак невозможно, так как что-то испортилось в киноаппарате, и если Виддуп может, то он просит его зайти хотя бы завтра.

Неудачливый репортер равнодушно обошел несколько зал и на несколько минут задержался у одной из витрин, на которой были выставлены крошечные наконечники для скифских стрел. Ему объяснили, что найдены эти наконечники в районе Днепра, главным образом на Кичкасском берегу, еще до того, как Днепр разлился. Наконечники представляли собой позеленевшие от времени медные треугольники, которые скифы прикрепляли к дротикам.

— Поеду в Кичкас, — вдруг решил Виддуп и, выйдя на улицу, сел в автомобиль. Легкая машина пронесла его сначала по центральным улицам Запорожья. На одной из площадей этого огромного шумного города автомобиль спустился в нижнюю подземную улицу, освещенную цепью электрических фонарей, и, когда снова вынырнул наверх, Виддуп увидел себя на берегу Днепра, разлившегося в ширину километра на три. Он был в Кичкасе.

Машина остановилась на площадке, выложенной гранитными плитами, несколько поднятой над местностью,

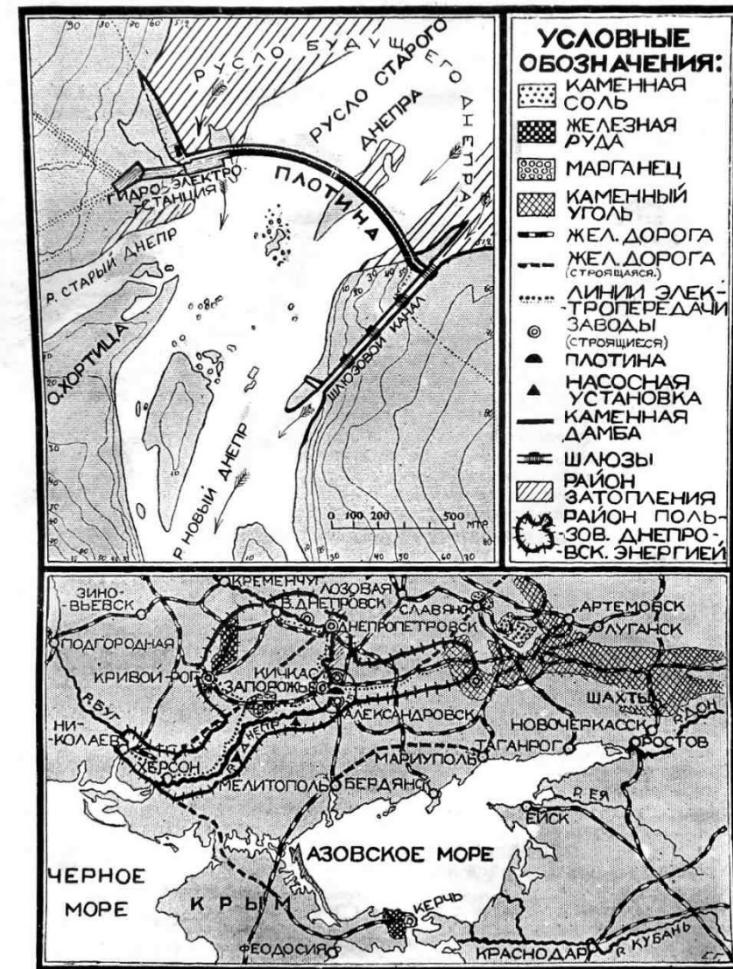
отчего вся панорама отчетливо вырисовывалась отсюда. Вдалеке, на правом, противоположном берегу высилось огромное белое здание днепровской гидроэлектростанции. Мощная, как крепость, плотина пересекала Днепр и с одной стороны высоко поднимала его воды, с другой — открывала выходы для нее в нижележащую часть реки.

Днепр был как бы разделен на две неравных части, из которых одна высоко поднималась над другой. Слева от плотины блестела широкими водными ступенями шлюзовая лестница, по которой тяжелые, грузные пароходы медленно поднимались вверх, подолгу выстаивая в шлюзах.

Направо от высокой гранитной площадки, на которой стоял Виддуп, расстипалось необозримое водное пространство. На берегах, туго спеленутых гранитом, были разбросаны многочисленные селения, крестьянские хозяйства, сады, огороды. Виддуп залюбовался картиной, невольно думая о том, что несколько десятилетий назад на месте разлившегося Днепра высились другие селения, цвели другие сады и жили другие люди, память о которых где-то там — под глубоким водным покровом.

Оставив машину на площадке, он побрел вдоль берега, все больше и больше отдаляясь от начала плотины.

Пройдя так два-три километра, он остановился на берегу, покрытом зеленою травой. Он почувствовал, что устал, и прилег на траву отдохнуть. Рука его наткнулась на что-то ост्रое, когда он разлегся и вздумал положить ее под голову. Думая, что острый предмет — камушек, он попробовал нащупать его, чтобы отшвырнуть прочь. Однако, «камушек» не так-то легко было выдернуть из земли. На ощупь он казался маленьkim, не толще мизинца.

Карта (внизу) и план (наверху) сооружений Днепростроя. План показывает плотину и шлюзовой канал в том виде, какими они должны быть согласно окончательному утвержденному проекту. Работы по сооружению их уже развернулись, и в настоящее время в строительстве занято свыше 12 тыс. человек. На карте кружком обозначено место главных работ. Огромное значение Днепростроя видно хотя бы из указания на карте ближайших мест залегания минеральных богатств.

Досадливо ворча, американец поднял голову и посмотрел на беспокоивший его предмет. С удивлением заметил он, что предмет этот был вовсе не камнем, а металлом зеленого цвета. Станный предмет торчал из земли острием вверх. Нагнувшись, Виддуп стал выкапывать его из земли. Через несколько минут в его руках оказалось нечто, напоминавшее монисто или ожерелье. Металлические зеленые треугольнички были нанизаны на позеленевшую от времени проволоку, совершенно, однако, похожую на обычновенный телефонный провод.

«Что это такое?» — подумал американец.

Небрежно он играл странным ожерельем, перебирая зеленые металлические треугольники и стараясь разгадать их назначение.

И вдруг вспомнил: да ведь точно такие он видел только сегодня в залах музея! И там они были выставлены под названием «наконечников для скифских стрел».

Так вот как! Значит, находка Виддупа — так сказать, археологическая находка? Правда, он знал: какой-нибудь чрезвычайной ценности эти наконечники не представляли. В музеях их было всегда достаточно много. Виддуп видел такие даже в Нью-Йорке и в Лондоне. Но что значит проволока, на которую были нанизаны зеленые наконечники? Проволока у скифов? Как ни был мало образован Виддуп, как ни был скучен круг его знаний, однако и он понял, насколько, по меньшей мере, необычайно само предположение о возможности знакомства скифов с проволокой. Не проволочные же заводы, в самом деле, были у скифов! И наконец — ведь это телефонный провод! Как можно сомневаться в этом? Так что же это все значит? Нет ли здесь какой-нибудь загадки?

«Может быть, может быть, — взволнованно подумал он,

— на ловца и зверь бежит? Вот я искал сенсацию, — и сенсация подвернулась сама мне под руку! В самом деле, разве не сенсация этот телефонный провод у... скифов!»

Возбужденный, он добежал до поджидавшей его машины и помчался в город. Однако, уже наступил вечер, и музей, куда прежде всего направился Виддуп, оказался закрыт. Виддуп был так взволнован и так умолял разрешить ему немедленно, хотя бы на несколько минут войти в одну из музейных зал, что над ним сжалились и впустили. Он побежал в зал, где утром видел наконечники скифских стрел, и первым делом сверил их с теми, которые нашел на кичкасском берегу. Сомнений быть не могло. Тождество было полным!

— Теперь, может быть, мне удастся показать, кто такой Виддуп! — воскликнул счастливец. — Мало ли какие тайны хранятся здесь, на берегу этой легендарной реки, на земле этой легендарной революции!

Он твердо решил, что останется на некоторое время здесь, в Запорожье, в Кичкасе, и не уедет прежде, чем взволновавшая его загадка не будет открыта.

III. Путешествие по дну Днепра.

На следующее утро Виддуп составил план действий. Прежде всего он должен хотя бы немножко пополнить свои знания о скифах. В конце концов, чорт его знает, может быть он сделает карьеру на скифах? И он отправился в библиотеку.

В библиотеке надо было отыскать автора, который писал о скифах, будучи их современником. Но есть ли такие? Виддуп понятия не имел. Ему удалось узнать, что в наибольшей степени отвечает его желанию древний историк Геродот. И Виддуп уселся за Геродота.

Из геродотовых описаний скифов Виддуп узнал, между прочим, о какой-то совершенно исключительной, сильно поражавшей современников — способности скифов сообщаться друг с другом на чрезвычайно больших расстояниях. Особенно это было заметно во время войны, когда противникам скифов приходилось нередко сталкиваться со столь быстрой передачей вестей о ходе сражения скифами своему царю, если он не находился на поле битвы, что у противников невольно зарождалась мысль — не летают ли скифы по воздуху? Эта способность нередко делала их совершенно неуязвимыми для врагов, и Геродот писал, что скифы представляют для греков сплошную тайну, в которую проникнуть современникам невозможно.

Кое какие другие источники, к которым, правда, поверхностно попробовал обратиться Виддуп, снова натолкнули его на мысль о загадочности всей скифской культуры, и Виддуп твердо решил, что жизнь исчезнувших с земли скифов является самой темной страницей в истории человечества. А если так, значит можно ждать каких угодно неожиданностей от скифов. Раз ничего о них неизвестно, значит найти у них можно решительно все. Но где же еще искать ключ к разгадке всей этой загадочной древней культуры, как не здесь, не в Кичкасе, не в Запорожье, не на берегах Днепра, не на берегах того самого древнего Борисфена (как назывался когда-то Днепр), где развивалась и погибла культура скифов?!

День, который провел Виддуп в библиотеке, не прошел для него даром. Ему казалось после десятка прочитанных страниц, что он знает о скифах достаточно много для того, чтобы иметь право попытаться проникнуть в их загадку. Но при чем тут телефонный провод, на который нанизаны зеленые наконечники? Не может ли это оказаться ключом к раскрытию скифской загадки?

«Ну да! Вот Геродот удивляется тому, что скифы способны необычайно быстро делиться вестями друг с другом. Для скифов как будто не существует больших расстояний. Чем же объяснить это? Ведь о скифах неизвестно ничего. Туман. Загадка. Но у Виддупа в руках кусок телефонного провода. Связь его со скифскими временами разве не доказана тем, что скифские наконечники нанизаны на провод?»

«А если так, — думал он, — если все это верно, то значит... значит, у скифов — (у Виддупа захватило дух) — существовал телефон...»

Первым движением американца было броситься к радиотелеграфу и разнести весть о своем необыкновенном открытии по всему миру. К счастью, он вовремя одумался. Возможно, что мысль о прежних его неудачах, воспоминания о предыдущих, столь же скороспелых и таких скандальных открытиях остановили его. На этот раз он был осторожнее и решил не открывать свою тайну, пока... пока он действительно не откроет ее.

Он принялся действовать. Два раза в день Виддуп гонял машину в Кичкас, останавливал ее на высокой площадке и подолгу бродил по зеленому берегу в стороне от плотины, тщетно пытаясь найти еще что-нибудь. Ему не стоило большого труда отправиться в порт, разыскать водолазный отдел и выхлопотать себе водолазный баркасик, костюм, машину для нагнетания воздуха и двух помощников.

В самом деле, если под водой погребены загадки, если под водой еще могут быть остатки древних селений, то почему ключ к тайне, волновавшей американского репортера, не мог быть там, под водой?

Порт и водолазный отдел помещались ниже плотины, а исследовать подводный Днепр Виддуп решил в верхней части реки. Водолазный баркас, который он выхлопотал

себе, должен был подниматься по шлюзовой лестнице, долго простоявать в каждом шлюзе, пока наполнялась вода. Виддуп, который вместе с назначенными для него помощниками, сидел на баркасе, нервничал, раздражался медлительностью движений и еле дождался момента, когда, пройдя канал, баркас вышел на свободный днепровский простор, оставив далеко позади себя и Хортицу, и плотину, и огромное здание электростанции на правом берегу.

— Спускаться-то где будете? — спрашивали у Виддупа помощники.

— Дальше, — ответил он, — дальше от плотины и ближе к берегу. Не посредине Днепра. Ведь посредине, в прежнем русле, вода существовала всегда. Лучше всего в полукилометре от берега! Там наверное могли сохраниться следы старых селений.

Когда баркас остановился на указанном Виддупом месте реки, он робко ощупал лежавший на дне баркаса водолазный костюм, постучал зачем-то пальцем по блестящему металлическому шлему, потрогал воздушные трубы, потребовал, чтобы сейчас же испытали хорошо ли работает машина для нагнетания воздуха, и решительно заявил:

— Лезу!

Он надел водолазный костюм. Помощники пристроили провода, трубы, по которым должен был проходить воздух, навинтили металлический шлем, прицепили к борту лесенку, и Виддуп, еле ступая в тяжелой, грузной обуви, стал спускаться по лесенке в воду. Ему было жарко. Перед глазами за стеклом, отделявшим его лицо от внешнего мира, блестела сероватая холодная днепровская вода.

Он начал с небольшой глубины. Когда голова его скрылась под водой, он на минуту задержался на последней ступеньке лестницы, в последний раз испробовал действие сигнальных проводов и, оторвавшись от лесенки, спрыгнул в воду. Какая-то водоросль мелькнула перед его глазами, серебристыми

лепестками блеснула стая крохотных рыбок, и через несколько мгновений он почувствовал, что ноги его стали на грунт. Он дал сигнал, означавший, что водолаз достиг дна, и начал оглядываться вокруг.

Виддуп-американский журналист.

Поверхность грунта, на который он опустился, была покатой, постепенно спускавшейся к середине реки. Дно было покрыто толстым слоем песку, из-под которого торчали острые гранитные скалы.

Оглядев торчавшие перед его глазами камни, Виддуп пришел к заключению, что здесь действовал динамит. Совершенно очевидно, что камни представляли собой остатки тех самых знаменитых когда-то кичкасских скал, которые во время стройки днепровской электростанции взрывались динамитом.

Всюду, куда достигал взор отважного репортера, был виден лишь песок и камни. Виддуп дал сигнал, так как был намерен двигаться дальше, и, легко ступая под водой в тяжелых башмаках, прошел несколько саженей по направлению к середине

реки.

«Все дно засыпано песком, — думал Виддуп. — Если так будет все время, то я не найду ничего...»

Попробовав покопать в песке небольшой лопаткой, которую предусмотрительно захватил с собой, Виддуп обнаружил, что песок, по-видимому, покрывал не очень глубоким покровом днепровское дно, так как почти сейчас обнаружилась небольшая грудка старых кирпичей. Виддуп остановился. Внимательный осмотр кирпичей, однако, не принес ничего нового, и он продолжал расчищать лопатой место вокруг найденной кирпичной груды. Еще через несколько минут, сильно взволнованный, он поднял глубоко зарывшийся в дно человеческий череп...

— Здесь тайна! — шептал возбужденный американец и, не обращая внимания на то, что дышать ему становилось все труднее и труднее, и что пот градом катился с его уже измученного лица, он с небывалой энергией принялся работать лопатой.

Усилия его увенчались успехом. На сравнительно небольшой глубине он обнаружил еще пять человеческих черепов и четыре полуразвалившихся скелета.

«Странно! — подумал Виддуп. — Шесть голов и четыре туловища, а где же остальные два?»

Но, продолжая рыться лопатой в дне, он нашел остатки и двух других скелетов. Все они лежали почти на одном уровне, несомненно в каком-то углублении, в какой-то яме, лишь засыпанной песком, илом и камнями.

Итак, это была могила, могила на дне реки! Но чья? Почему шесть человек были похоронены в одной могиле?

И когда? И кто они, эти люди?

Еле держась на ногах от усталости, чувствуя, что больше двух-трех минут он не в состоянии будет выдержать, Виддуп отчаянно стал рыться среди кирпичей, явственно имевших

какое-то отношение к могиле шести, и действительно наткнулся под ними на камень, напоминавший старую могильную плиту.

У него уже кружилась голова и в последний момент, уже подав сигнал «наверх», он успел только запомнить, что на камне были высечены какие-то слова, но разобрать их он не успел.

Когда Виддуп, отдохнувшись и выпив стакан вина, сел на скамью, стоявшую на палубе водолазного баркаса, помощники его смотрели на него с нескрываемым недоверием и легкой усмешкой.

— Ну что? — спросил один из них.

Виддуп посмотрел на него мутными глазами и, вместо ответа, заявил:

— Сейчас лезу опять!

Помощник пожал плечами и стал готовить доспехи. Виддуп потребовал, чтобы ему дали веревку и маленький лом, и снова напялил на себя тяжелый костюм водолаза. Минут через десять он опять видел перед глазами лишь сероватую массу воды, и ноги его стояли на песке, из-под которого торчали изорванные динамитом скалы. Проблуждав несколько минут и уже начав беспокоиться, что он не найдет прежнего места, Виддуп опять наткнулся на покинутую им груду кирпичей, возле которой обнаружил загадочную могилу шести. Но сейчас уже не кирпичи и даже не кости интересовали его. Он решительно направился к большой каменной плоской плите, на которой были высечены какие-то слова. Разобрать их, однако, Виддуп не мог, так как желобки высеченных слов забились песком. Виддуп обвязал камень веревкой и, решив, что на сегодня находок достаточно, дал сигнал к подъему.

Под водой тащить камень за собой было нетрудно, но на лесенке, когда он высыпался из воды и тяжесть водолазных доспехов давала себя чувствовать, — поднять камень было не так-то легко, и только с большими усилиями Виддуп удерживал в руках свою тяжелую находку.

Его освободили от тяжелого костюма, бросили найденный им камень на дно баркаса и, уложив отдыхать, направили баркас к берегу.

В этих местах, в нескольких километрах выше электростанции, тянулись длинные корпуса алюминиевых заводов, рабочие поселки. Сойдя на берег, Виддуп направился к первому попавшемуся рабочему домику, и попросил у хозяина на короткое время его автомобиль.

Рабочий охотно предоставил Виддупу спою двухместную машину, на которой он ездил с женой в дни отдыха в город.

Американец подъехал к берегу, где поджидали его сидевшие в баркасе помощники. Он нашел их в странном и необычном возбуждении.

— Что-нибудь случилось? — спросил Виддуп.

— Случилось? — ответил один из помощников. — Как же! Камень-то ваш... заговорил.

Виддуп испуганно уставился на него:

— Камень! — воскликнул он. — Вы что-нибудь сделали с камнем? Он цел?

Помощник пожал плечами:

— Камень-то цел, — заметил он, — но чорт его знает, в чем тут дело.

Оказалось, следующее. Пока Виддуп разыскивал в поселке автомобиль, помощники заинтересовались каменной плитой, которую репортер притащил с собой с днепровского дна. Без труда они очистили поверхность его от песка и легко разобрали несколько стертую, но все же достаточно ясную надпись:

*Здесь похоронены люди, которых съел проклятый мост.
Год 1907.*

Виддуп не верил своим глазам. Это было больше, чем он ожидал, чем он мог надеяться с самого начала. У него кружилась голова от усталости и возбуждения. Задумываться

над смыслом загадочной надписи у него не было ни сил, ни возможности, ни времени. Условившись с помощниками завтра утром встретиться здесь же, чтобы продолжать работу, он с их помощью взвалил камень на автомобиль и, сев за руль, помчался в Запорожье.

В гостинице, куда Виддуп заехал со своим удивительным багажом, были не мало ошеломлены и даже испуганы, но он заставил удивленных людей перенести тяжелый камень в его номер.

IV. Днепровская Атлантида.

Виддуп уже успел сфотографировать, измерить, взвесить найденную им плиту, двадцать раз перечитать надпись, высеченную на ней, переписать эту надпись и наконец — самое главное — сообщить о своей находке по радиотелеграфу.

По крайней мере, когда инженер Ларский со своей женой вечером сидели в читальном зале парохода «Эпоха», уже подходившего к Киеву, «Радио-новости» сообщили им следующее:

«Таинственная находка на дне реки Днепра. Сегодня днем прибывшим в Запорожье американским репортером Виддупом разыскан на дне Днепра загадочный камень, напоминающий могильную плиту, с надписью, заинтриговавшей всех археологов местного края. Камень помечен датой 1907 год — и гласит о каких-то похороненных людях, которых, якобы, съел какой-то мост, который почему-то называется «проклятым». Странная находка вызывает много толков».

— Ого! — Воскликнул Ларский, — если это не утка, пущенная самим Виддупом, то нашему другу, кажется, действительно удалось на этот раз натолкнуться на какую-то сенсацию. Но только я мало верю в серьезность этой истории. Надо хорошо знать бедного Виддупа. Опять он влопается, я в этом уверен!

А бедный Виддуп в это время огорченно шагал из угла в угол.

— Нет, — шептал он, — до чего мне не везет! Какое мне дело до этого камня и загадочной надписи? Разве я собирался возиться с какими-то нераскопанными могилами? Ведь я надеялся лишь открыть, что у скифов существовал телефон, и тем самым перевернуть всю науку. И что же? Вместо этого — находки, которыми сейчас уже начинают заниматься археологи, и скоро будут моими руками жар загребать!

В дверь постучали.

— Войдите! — крикнул Виддуп.

Вошел молодой человек с блокнотом, торчавшим из кармана, и прежде, чем Виддуп успел спросить, что ему угодно, незнакомец отрекомендовался сотрудником местной газеты «Красное Запорожье» — Зотовым.

Виддуп дернулся, точно укушенный пчелой.

— Ну да! — заорал он. — В течение всего сегодняшнего дня мне не дают покоя ни на одну минуту. Что вам угодно?

— Вы нашли каменную плиту?

— Да! Что же вы хотите от меня? — Спросил он с раздражением.

— Вы нашли каменную плиту, — упрямо повторял Зотов. — Об этом говорит все Запорожье, об этом сообщается в телеграммах, но ведь найти камень еще не значит разгадать его тайну. Я предлагаю вам свою помощь в деле раскрытия загадки. Давайте работать вместе, возьмите меня в свои компании и, я уверен, мы осветим историю старого Кичкаса, о которой, по-видимому, известно еще далеко не все.

Виддуп осталенел.

Взять компаньона... Но ведь компаньон — соперник. Ведь

это значит—лавры успеха делить с ними. Ни за что! А с другой стороны, почему бы не взять? Ведь в прошлом у Виддупа не столько лавры, сколько тернии. Так уж лучше делить пополам и то и другое. И, смирившись, он произнес:

— Согласен.

Через минуту он рассказывал сидевшему в кресле Зотову историю своей находки.

— Видите ли, — говорил он, расхаживая по комнате, — вся штука в том, что я вовсе не собирался отыскивать какие-то там каменные плиты и заниматься историей вашего старого Кичкаса. Я нашел вот это странное ожерелье и занялся им. — И он показал Зотову наконечники скифских стрел на телефонной проволоке, которую он нашел при своем первом посещении Кичкаса.

— Так вот, — пояснил он, заканчивая короткий рассказ, — я вам признаюсь: размышления и исследования привели меня к мысли, что у скифов... существовал телефон...

Зотов испуганно подскочил с места.

— Если вы теперь мой компаньон, — продолжал Виддуп, — то я должен вам рассказывать все. Найдя этот телефонный провод и наконечники скифских стрел, я подумал о телефоне у скифов. Я отправился на дно Днепра, чтобы попытаться найти там подтверждение своих первоначальных догадок. Но, как Колумб, отправляясь в Индию, наткнулся на Америку, так и я, думая открыть одно, наткнулся на совершенно другое...

На следующее утро Виддуп и Зотов отправились вместе на берег Днепра. Водолазный баркас уже поджидал их. Было решено, что оба они будут спускаться в воду по очереди, и в то время, как один будет под водой, другой будет дежурить на баркасе.

... Рядом с окном из грунта торчало дерево с голыми сучьями, окаменевшее
ставшее совершенно черным.

Первым спускался Виддуп. Сегодня он намеревался пробыть под водой, если не дольше, то во всяком случае не меньше, чем в прошлый раз, но зато исследовать большие глубины.

Спустившись под воду, Виддуп принялся исследовать местность в районе найденной им могилы шести.

«Так... — думал он, — берега когда-то были скалисты, и селение находилось у подножья скал. Ошибиться нельзя. Это я помню точно. Я видел снимки старого Кичкаса в Запорожском музее. Очень хорошо. Значит, место, на котором я стою сейчас, не было местом селения. Здесь были скалы, возвышенность и, значит, могила шести находилась именно в скалах. Но если я до селения еще не дошел, то значит остатки его должны быть где-то дальше, глубже, ближе к берегу прежнего русла Днепра...»

И, дав сигнал, он решительно направился вглубь реки.

Виддуп был так погружен в свои мысли, что не заметил, как подошел к чему-то высокому и темному, и очнулся только тогда, когда стукнулся шлемом о что-то твердое.

Виддуп вскрикнул от изумления: перед ним была стена — стена кирпичного дома, полуразрушенного, но еще сохранившего следы дверей и окон. Крыша его была снесена.

Он принялся отыскивать вход и, отыскав его, вошел в дом.

Стены были полуразрушены. Было похоже, что когда-то кто-то стал их разрушать, ломать, начиная с крыши, но, не доведя до конца, бросил работу. Дом стоял — как бы срезанный поперек. Внутри он был засыпан песком, завален глиной и грязью. Весь он покрылся водорослями. Через разбитые окна его испуганно проплывали рыбы, а на подоконниках шевелились зеленые раки. Тут и там из-под песка и грязи торчали остатки какой-то мебели. Виддупу показалось, что он видит крышку старинного комода. В одном месте он обнаружил позеленевшую трубу граммофона и стул без сиденья. Побродив по комнатам, Виддуп обошел

дом снаружи. Рядом с окном, из грунта торчало мертвое дерево с голыми сучьями, окаменевшее и ставшее совершенно черным.

Если бы не вода вокруг, если бы не подводные дома, полуразрушенные стены, песок, то можно было бы подумать, что поздняя осень разделя дерево, лишила его листвы и всех признаков жизни. Рыбы стаями проплывали между его окаменевших ветвей. Черную кору обвивали прозрачные водоросли, к которым прилеплялись крохотные моллюски.

Виддуп успел сделать еще несколько шагов в сторону от большого дома и набрел на остатки другого жилища, размером уступавшего первому, но разрушенного еще больше. Как и в первом, песок, грязь и ил засыпали его внутренность, и разобрать, что делалось в комнатах, было почти невозможно

Но и дальше, в нескольких метрах от этого дома, Виддуп успел разглядеть другие, черневшие под водой стены и еще одно дерево, правда, уже свалившееся и лежавшее на боку, полузыпанное песком и заросшее водорослями.

«Э-э, — подумал Виддуп, — да тут целый город!» И он с сожалением покинул подводное царство, потребовав, чтобы его тащили наверх.

На баркасе Зотов поджидал его с нетерпением. Виддуп нервничал, пока отвинчивали тяжелый металлический шлем, пока освобождали его от доспехов и проводов и, еще не успев отдохнуть, возбужденно стал рассказывать Зотову о том, что нашел на дне Днепра.

— Там целый город! — уверял он. — Дома и стены! И даже растут деревья. Мы нашли днепровскую Атлантиду!..

V. Чей скелет?

Условились опускаться по очереди. Уставший Виддуп прилег отдохнуть, а Зотов натягивал доспехи на свою

тощую, маленькую фигурку. Виддуп дал ему точные инструкции, какого направления держаться, как найти большой дом и возле него малый — приметой было подводное дерево. Он также посоветовал своему новому товарищу захватить с собой лопату.

Зотов, которому приходилось спускаться уже не раз, легко ориентировался и быстро нашел указанное Виддупом дерево.

Он вошел в дом через одну из пробоин в кирпичной стене. По-видимому, комната, в которую он попал, была когда-то довольно просторней.

Не теряя времени, Зотов принялся расчищать комнату от мусора и ила.

Первые поиски, однако, не привели ни к чему. Он расчистил небольшую площадку, заметил, что основанием ее служил давно сгнивший деревянный пол, нашел остаток какого-то стула и небольшой металлический ящик, открытый и совершенно пустой, и ничего больше.

«Ну, здесь, по-видимому, нет ничего» — решил он и перелез через небольшой выступ стены в соседнюю комнату.

И здесь поиски не привели ни к каким результатам. Под руку попадались лишь ничего не объясняющие предметы, случайные остатки давнишнего домашнего хозяйства неизвестных обитателей дома — но и только.

Зотов решил оставить поиски внутри дома и, насколько еще позволяло время, обследовать местность вокруг.

Он обошел еще раз вокруг дерева, лопатой пощупал грунт возле него, сделал несколько шагов в сторону и, осталбенев от изумления, увидел лежавший прямо против него — самое большое шагах в десяти—целый, отлично сохранившийся скелет человека.

Было ясно, что в последние минуты своей жизни

человек, чьи кости осматривал Зотов, лежал лицом вверх. Может быть, он упал, может быть, был уже мертв, когда вода заливала эти места, а может быть, погиб уже после всего, во время какой-нибудь аварии, был обычным утопленником.

Но, расчистив песок, частично покрывавший скелет, Зотов увидел, что вокруг правой ноги скелета была обмотана цепь с небольшим якорем, какой употребляли когда-то владельцы днепровских лодок.

«Так что же? Значит, здесь имело место убийство? Несомненно, —к ноге человека был привязан груз именно для того, чтобы он не всплыл как-нибудь на поверхность! Сколько тайн, сколько тайн хранит это дно!» — думал Зотов.

Но пора было возвращаться. Он точно измерил количество шагов от дерева до скелета с якорем, привязанным к ногам, ещё раз определил направление, чтобы потолковее объяснить Виддупу, когда тот сменит его.

Ковырнув в последний раз лопатой между ребрами скелета, он вдруг натолкнулся на какой-то блестящий маленький предмет.

Зотов быстро нагнулся и схватил странный предмет. В его руках очутились старинные серебряные карманные часы, толстые, как луковица, с двумя плотно закрытыми крышками.

Он подал сигнал и почувствовал, что его поднимают.

Зотов не отдыхал, как-то делал обычновенно Виддуп, вылезая из воды. Освободившись от одежд водолаза, он сейчас же принялся исследовать найденные часы.

Однако он нашел минуту для того, чтобы крепко выругать Виддупа:

— Как же вы там ищете под водой, когда самого главного вы не заметили!

— Самого главного? — воскликнул Виддуп.

— Ну да! Шагах в десяти от дерева, о котором вы говорили, лежит скелет человека с маленьким якорем на цепи, привязанным к ногам.

Виддуп схватился за голову;

— Мне не везет! Ведь мне всегда не везет!

— Мало того, — продолжал Зотов, — между ребрами этого скелета я нашел часы.

И оба они принялись рассматривать находку.

Открыть крышку часов было нелегко. Крышка так плотно прилегала к циферблату, что казалась приросшей.

— Еще бы! — ворчал Зотов, — может, они сотни лет провалялись под водой.

Усилиями обоих, однако, удалось открыть обе крышки часов. Сначала открыли покрывавшую циферблат. Часы были очень старинными. Циферблат был разделен на две части, из которых одна служила календарем.

— Ого! — радостно воскликнул Зотов, — да мы сейчас точно определим время, когда эти часы остановились! И по календарю на часах, застывшему на точной дате, он прочел — 5 мая 1931 года.

— Это больше того, на что мы могли рассчитывать! — прошептал Виддуп.

— Еще бы! — радостно говорил Зотов, — теперь, по крайней мере, мы будем знать, с какой эпохой мы имеем дело. Если мы еще не узнали имена людей, погибших здесь, и не знаем причину их гибели, то мы точно установили время, когда все это произошло.

— Ах, нет, — огорченно вдруг заключил Виддуп, — мы все-таки знаем еще слишком мало!

— Мало?.. А часы? А дата 5 мая 1931 года?

Виддуп покачал головой.

— Вы забываете о каменной плите, которую нашел я. Надпись на ней говорит о происшествии с каким-то мостом.

И потом там ведь совсем другая дата. Там поставлен 1907 год.
Зотов задумался.

— В самом деле, — заметил он, — вы правы. Однако, обе эти даты связываются с какими-то преступлениями или несчастными случаями. Что общего между 1907 годом и годом 1931? Ведь 1907 год это за десять лет до Октябрьской революции. А 1931—через четырнадцать лет после неё. Попробуй, разбери тут...

— Однако, скелеты и там, и тут.

Зотов вдруг хлопнул себя по лбу:

— Ах, я дурак! —закричал он.

— Вы? — спросил Виддуп.

— Не беспокойтесь—вы тоже! —И он пояснил изумленному американцу: — Мы не заметили самого главного. Ведь 1931 год— это год, когда было закончено создание Днепростроя, когда было создано все, что видят ваши глаза вокруг: и эта плотина, и эта станция—постоянный источник энергии, питающий весь юг УССР!

— Ну?

— Вот вам и ну! Значит, человек, которому принадлежали часы, скелет которого лежит там, на дне, погиб в год создания Днепростроя!

— Ну, а как же каменная плита? А как же шесть скелетов, найденных мною, и 1907 год?

— Об этом мы не знаем еще ничего, — пожал плечами Зотов.
— И вообще знаем чрезмерно мало.

— Вот что, —сказал Виддуп, —ведь мы не открыли еще вторую крышку часов...

Зотов мотнул головой и принялся за часы. Крышка открылась и подарила исследователям новый сюрприз.

— Надпись! —воскликнули оба одновременно. —Надпись, которая к тому же хорошо сохранилась! —И оба журналиста принялись ее разбирать.

Надпись на внутренней крышке часов-календаря гласила:

*Фридриху Эрнестовичу Марку
от Запорожского земства
в память сорокалетнего служения делу
Кичкасской переправы
15 октября 1907 года.*

Виддуп и Зотов вопросительно посмотрели друг на друга.

— Ну? —тихо спросил один.

И другой ответил вопросом:

— Ну?

Зотов вытер вспотевший от волнения лоб.

— Вот вам дата вашего камня, —прошептал он.

— Да, и имя того, чей скелет вы нашли сегодня!

— Фридрих Эрнестович Марк, — повторял задумчиво Зотов. —Кто он был, этот Марк, и почему он погиб? И какая связь между всеми этими датами?

— Как вы можете еще спрашивать, чем занимался ваш Марк? — закричал Виддуп. —Ведь тут сказано достаточно ясно: он служил делу Кичкасской переправы!

— Я не знаю, что это значит.

— Я тоже, но разве нельзя узнать?

— Наверное, можно. Здесь сказано, что он занимался этим сорок лет, и значит в летописях старого Кичкаса можно будет найти его имя.

— Да, но почему к его ноге привязан якорь?

— А что это за мост, который «съел людей?»

И оба журналиста лихорадочно забрасывали друг друга вопросами, уже вовсе не ожидая услышать на них ответ. Голова у обоих кружилась от волнения и усталости...

VI. Остановите ленту!

Прошло несколько дней после описанного случая. Виддуп в нетерпении посматривал на часы. Он ходил взад и вперед по асфальтовой набережной острова Хортицы.

— «Эпоха» запаздывает? — ежеминутно спрашивал он, подходя к окошку справочного бюро.

— Нет. Пароход придет вовремя, — неизменно отвечали ему.

И наконец, когда в последний раз он задал все тот же вопрос, ему ответили:

— «Эпоха» подходит.

В самом деле, взглянув на Днепр, репортер увидел знакомый корпус большого парохода, который вышел из канала, обогнув маленький гранитный островок между Хортицей и Запорожьем и уже проходил между быками огромного моста, соединявшего старый город с новым.

Через пять минут «Эпоха» стояла у одной из пристаней Хортицкого порта. Виддуп взбежал на палубу парохода. Навстречу ему, улыбаясь, уже шел инженер Ларский и его молодая спутница.

— Могу вас поздравить, Виддуп! — воскликнул инженер. — Эти дни были в самом деле днями вашего триумфа. С величайшим удовольствием я следил по радиосообщениям за успехами ваших изысканий. Замечательно!

— Но я ничего еще не открыл, — жалобно ответил американец. — Я искал одно, а нашел другое. Но и в том, что я нашел, ни я, никто другой разобраться не может.

— Что же вы намерены предпринять сейчас?

— Оставаться здесь до тех пор, пока мои поиски не увенчиваются успехом.

— Вы намерены узнать загадку открытого вами подводного дома?

— Это интересует меня меньше остального, — возразил

репортер. — Я уверен, что телефонная проволока, которую я отыскал, принадлежала скифам. Я хочу доказать, что у скифов был телефон!

— Он неисправим, — шепнул инженер жене после того, как, окончательно попрощавшись со своими спутниками, Виддуп покинул палубу парохода.

Зотов и Виддуп не спали ночей, ломали головы над загадками, которые задал им старый Днепр.

Снова и снова опускались они по очереди в водолазных костюмах на дно с тщетной надеждой отыскать, наконец, ключ к разрешению всех вопросов. Вопросы эти волновали не только их, но и всех краеведов и жителей Запорожья. Да и не только Запорожье, а вся Республика с интересом следила за водолазными работами, которые в прессе уже успели получить громкое название экспедиции журналистов Виддупа и Зотова.

Но поиски под водой не принесли ничего нового. Было открыто еще два дома, в которых, кроме пустых сундуков и обломков домашней утвари, не нашли ничего. Водолазы обследовали все дно в районе находок и пришли к заключению, что дно полого спускалось к середине реки, что в верхней части, ближе к берегу, оно представляло собой остатки когда-то взорванных скал и что найденные под водой дома, по-видимому, стояли когда-то у подножья этих скал. Таким образом, была кое-как определена топография местности, что, однако, еще далеко не помогало раскрыть причину смерти как шестерых найденных в одной могиле, так и седьмого, к ногам которого был привязан якорь.

Зотов мрачно сидел на диване в гостиничном номере Виддупа.

— Чтобы разобраться во всем, — говорил он, — надо точно учесть все, что мы имеем. Итак, нам известна дата смерти человека с якорем на ногах. Вместе с тем, нам известно его имя и даже в некотором роде характер его

занятий. Более того, мы знаем, что в 1907 году он получил награду от Запорожского земства. Пойдем дальше. Тем же 1907 годом помечена каменная плита, на которой начертана совершенно необъяснимая надпись о людях, которых «съел проклятый мост». Судя по тому, что плита относилась к могиле, в которой вы нашли шесть скелетов, можно думать, что эти шесть человек погибли в 1907 году. Но что это за мост и каким образом он «съел» их, — понять человеческому разуму никак невозможно.

— Однако, это еще не решает вопроса!

— Я боюсь, что мы ничего не поймем во всей этой истории. Слишком запутано, слишком! — мрачно прошептал Виддуп.

— А я намерен распутать! — закричал Зотов. — Намерен во что бы то ни стало!

— Но с чего начать?

— С чего? А вот увидите! Я предлагаю разделить функции. Поделим данные, которые у нас имеются, между собой, и пусть каждый из нас займется точным выяснением их.

— Я согласен!

— Итак, — произнес Зотов, — я возьму себе загадку вашей каменной плиты и постараюсь узнать, что это за мост и что это за люди, которых он «съел». Произведем обмен. Вы возьмите загадку, на которую указывают найденные мною часы. Ведь это более легкая часть всей истории. У вас есть несколько дат, попробуйте их расшифровать. Мы встретимся с вами через несколько дней — и тогда посмотрим.

Так и сделали. Компаньоны расстались, и каждый занялся своим делом.

Виддуп в отчаянии вертел часы, найденные Зотовым.

— С чего начать? — думал он. — Ну вот дата — пятое мая 1931 года. Не начать ли с нее? В самом деле, нужно выяснить точно, что произошло в этот день.

И он направился в Исторический музей города Запорожья.

Он обратился к директору и объяснил ему цель своего посещения.

— Вам следовало это сделать с самого начала, — улыбаясь, заметил директор. — По крайней мере, дата, которая вас интересует, не вызывает никаких сомнений. Пойдемте, я вам покажу, чем замечателен день пятого мая тысяча девятьсот тридцать первого года.

Он повел Виддупа мимо просторных зал, в которых были выставлены экспонаты, относящиеся к различнейшим эпохам всего Запорожского края, и открыл перед ним двери, ведущие в отдел, посвященный специально истории Днепростроя.

Прямо перед глазами Виддупа, над большой стеклянной витриной, висела огромная надпись. Взглянув на нее, он отступил в изумлении.

— Так ведь это то, что мне нужно, — прошептал он.

Директор улыбнулся:

— Еще бы!

— Но как вы могли знать?

— Голубчик, да мы вовсе не сделали это ради вас. Эта надпись висит здесь бесконечно давно.

— Но это то же самое, то же самое, что на часах!

— Я это знал, — сказал директор.

Надпись, поразившая так Виддупа, буквально была следующая:

Пятое мая 1931 года.

Виддуп переводил глаза с циферблата найденных часов на надпись, украшавшую стену.

— Подойдите ближе, — сказал директор. — Вы увидите картину, связанную с этим днем.

В стеклянной витрине были выставлены фотографии и макеты. Все они изображали старый Днепр в его прежних естественных берегах, по краям которых нависли высокие дикие скалы, еще не тронутые человеческой рукой, еще не изуродованные разрушительным действием динамита.

— Теперь подойдите сюда, — пригласил директор. — Вот здесь, на этих фотографиях, вы видите приблизительно то, что было незадолго до затопления Днепра. Вот здесь уже сооружают плотину, здесь уже почти готовое здание гидроэлектростанции. Здесь вы видите рабочий город, выросший вокруг станции. Здесь — строящийся завод. Но Днепр еще лежит в своем старом русле и достигает в некоторых местах всего одной трети километра в ширину. Вы видите здесь по обеим сторонам его, на зеленых берегах, опустевшие селения. Их жители покинули насиженные места и перебрались выше, дальше от берега, спасаясь от ожидавшегося нашествия воды. Разумеется, Советское правительство уплатило им за то, что они потеряли, и помогло построиться на новых местах. Но в основном картина местности на этих фотографиях не изменилась. Днепр — в старом русле. И вот историческая дата пятого мая 1931 года. Именно в этот день Днепр покинул свое старое русло. Были впервые опущены щиты законченной плотины. Река оказалась прегражденной в своем течении, поднялась, расширилась и залила сотни километров земли. Вот что означает эта дата.

Итак, часы, которые нашел Зотов между ребрами скелета на дне Днепра, остановились в тот день, когда Днепр залил огромные пространства земли. Но значит именно этот день и был днем гибели владельца часов? Что это все значит? Отчего какой-то Фридрих Эрнестович Марк, по-видимому старик — ведь еще в 1907 году исполнилось сорокалетие его служения Кичкасской переправе — погиб в день величайшего торжества Днепростроя?

А директор между тем продолжал:

— Я могу дать вам возможность собственными глазами увидеть всю картину исторического разлия Днепра.

Да, да! — воскликнул Виддуп. — Ведь в прошлый раз, когда я был у вас, мне не удалось посмотреть ваш знаменитый

кинофильм, о котором я так много слышал.

Директор провел его в небольшой зал, где время от времени демонстрировали для посетителей исторические кино-фильмы. Они уселись с Виддупом. Свет погас. Директор дал распоряжение, и через несколько минут на экране вспыхнула надпись:

ДНЕПРОСТРОЙ

Надпись погасла, и Виддуп прочел следующую:

**МНОГИЕ ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ БУРНЫЕ ПОРОГИ
ПРЕГРАЖДАЛИ ТЕЧЕНИЕ ДНЕПРА.**

С ужасающей быстротой несся Днепр меж двух скалистых берегов. С опасностью для жизни людей проходили «дубы» — днепровские лодки — через пороги...

Вдруг экран осветился, и раздался невообразимый рев бешеного водяного потока... С ужасающей быстротой несся Днепр меж двух скалистых берегов. Клочья пены летели над его поверхностью. Из воды высовывались, напоминая окаменевшие морды чудовищ, громадные камни, о которые с

диким воем разбивалась вода. С жалобным криком летали белые острокрылые чайки — единственные живые существа, которым были доступны каменные островки, поминутно заливаемые разъяренной стихией реки. Это была картина вековечной борьбы рвущейся на свободу воды и мешающих ей камней. Тысячелетиями длилась эта борьба, неизменно оканчивавшаяся в ничью, до той самой поры, когда человеческая воля, освобожденная Октябрьской революцией, обуздала и воды, и камни. Девять порогов один за другим прошли перед глазами Виддупа. Он видел старые «дубы» — огромные днепровские лодки, с опасностью для жизни людей проходившие через пороги. Собственно, «дубы» не проходили, а пролетали над ними. Здесь были бесполезны и весла, и даже руль. Чудовищное течение перебрасывало «дубы» через пороги и, если они не разбивались, то с уцелевшими людьми выходили на широкий простор Нижнего Днепра.

От необыкновенного шума у Виддупа с непривычки разболелась голова. Он вздохнул, наконец, свободно, когда фильм покончил с порогами, и в зале вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь стрекотанием ленты в аппарате.

Виддуп читал надпись:

ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ПОСТАВИЛА ПЕРЕД ТРУДЯЩИМИСЯ СССР ЗАДАЧУ МАКСИМАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ СИЛ СТРАНЫ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ СОЦИАЛИЗМА. НЕИСЧИСЛИМЫЕ ЗАПАСЫ ЭНЕРГИИ РАСТРАЧИВАЛИСЬ ВПУСТЮ ДНЕПРОВСКИМИ ПОРОГАМИ. НАКАНУНЕ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ТРУДЯЩИЕСЯ РЕСПУБЛИКИ ПРИСТУПИЛИ К ПОДЧИНЕНИЮ ДНЕПРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ВОЛЕ.

Еще раньше, чем погасла надпись и осветился экран, Виддуп услышал мерный плеск пароходных колес, разбивавших спокойную воду.

Он не ошибся. Небольшой белый пароход поднимался вверх по течению Днепра. Виддуп увидел живописное селение, раскинувшееся на обоих берегах реки, которая

ничем не была похожа на тот Днепр, который знал он. Река, шириной, примерно, до полуверсты, величественно текла между скалистыми берегами, разделяясь чуть ниже живописного селения на два рукава длинным вытянувшимся километров на пятнадцать островом, зеленым, почти пустынным, населенным несколькими колонистами. Белый пароход, шум колес которого слышал Виддуп, обогнул остров и подходил к селению, стоявшему выше его.

— Вы видите старый Кичкас, — пояснил директор на ухо своему гостю.

Когда пароход подошел к небольшой деревянной пристани, несколько выше ее открылся вид на мост, перекинутый с берега на берег в виде легкой арки.

Виддуп не выдержал.

— Мост! — воскликнул он, испугав директора. — Так в Кичкасе был мост?!

— Да, да, разве вы не знали?

Затаив дыхание, Виддуп вглядывался в картину.

На экране в это время уже показывалось начало работ по Днепрострою. Высокие живописные скалы, придававшие местности дикий, нетронутый характер, безжалостно взрывались динамитом, рушились, взлетая в воздух, разбивались на мелкие куски и каменным градом опускались на землю. На берегах вырастили рабочие поселки. Спешно прокладывалось железнодорожное полотно. К маленькой станции подходили вереницы вагонов, груженых машинами, строительным материалом, провизией для тысяч рабочих.

Без удержу стрекотала лента, и проносилась картина за картиной.

Виддуп увидел остров, который давно уже интересовал его. Он внимательно разглядывал дубы и осокори, разметавшие свои ветви над самой водой на берегу зеленого острова,

скалистые бухточки, мыски, высокие берега, поднятые над старым Днепром. Остров был пустынnyй, тишайший. В кустах его кишили «полозы» — давно исчезнувшие змеи, на которых когда-то охотились запорожцы. Истреблением этих змей пришлось заняться строителям Днепростроя, прежде чем развернуть работы на острове.

— Как! — воскликнул Виддуп. — Да неужели этот тихий зеленый остров и есть тот самый остров, на котором теперь расположен гигантский город с его изумительной техникой?!

И Виддуп припомнил все, что он видел на нынешней Хортице: прямолинейные улицы в два этажа, вдоль которых тянулись с двух сторон стеклянные небоскребы, ибо слишком мало было земли на острове Хортица и слишком дорога была она, чтобы можно было разбрасываться вширь.

Но дальше и дальше навстречу времени уносила ошеломленного Виддупа стрекотавшая кинолента.

Вот уже строят перемычку.

— Что это значит? — спрашивает Виддуп. — Что такое перемычка?

И надпись на экране, как бы услышав его вопрос, спешит ответить, что перемычка — временная плотина. Надо перегородить Днепр. Виддуп видит, как опускают с берега огромные бревенчатые ящики, разделенные на клетки внутри, как наполняют эти клетки камнем и заливают их цементом, чтобы не проходила вода. Их двойной стеной укладывают от берега к берегу, заставляя днепровскую воду обходить перемычку стороной.

Потом вдруг на время исчезает Днепр, уже не видно воды, и Виддуп, прежде чем увидеть то, что собирается показать ему экран, слышит сотни человеческих голосов, покрикивающих на лошадей, слышит, как ржут лошади, как скрипят немазанные колеса телег, как шуршат лопаты,

врезаясь в сухую землю...

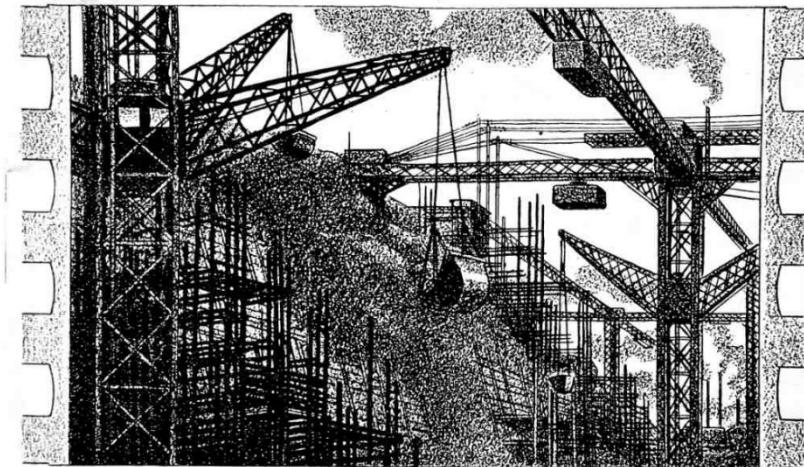
... Перед глазами Виддупа появляются полуголые люди, роющие землю. На минуту мелькнувшая вдалеке полоска воды подсказывает, что работа происходит на берегу Днепра...

Освещается экран — и перед глазами Виддупа появляются загорелые спины полуголых людей, роющих землю. На минуту мелькнувшая вдалеке полоска воды подсказывает, что работа происходит на берегу Днепра. В воздухе взлетают сотни лопат, через секунду вновь вонзающихся в землю, выхватывающих из нее огромные куски, с шумом бросающих их на телеги. Телеги, переполняясь и скрипя колесами, отвозят землю в сторону, выбрасывают ее, и Виддуп видит, как вырастает огромная земляная стена, мощный вал во много метров высиной.

Роют канал...

— Как, — шепчет Виддуп, — они работали так примитивно? Без машин? Но ведь это было меньше, чем сто лет назад. Неужели так бедна была тогда техника?

Он облегченно вздыхает после того, как надпись поясняет ему, что техника вовсе не была так бедна, но произошла задержка с получением машин из-за границы.

...Примитивные лопаты заменены были всесильными машинами,
выхватывающими громадные глыбы
и клочья земли...

В самом деле, еще несколько метров пленки — и примитивные лопаты заменены всесильными машинами, выхватывающими из земли громадные глыбы, словно чудовищными пастьями вырывающими из ее тела огромные клочья и готовящими новое русло для покоряемого человеком Днепра. Ведь старое русло будет преграждено плотиной и, значит, нужен канал, чтобы суда могли обходить ее.

Виддупу кажется, что он слышит необычайную музыку — музыку напряженнейшего коллективного труда, грандиозный концерт человеческих усилий, направленных организованной массой трудящихся к одолению стихии природы,

— Как они жили! Как они жили! — шепчет он. — Сколько энергии! Какая фанатическая настойчивость! Сколько упорства и силы! Ведь все это они создавали тогда в окружении врагов, перед нависшей угрозой войны!

И он вспоминает все, что знал из истории...

А лента вертелась и вертелась. Виддуп слышал слова,

произносившиеся семь десятков лет до него, слышал стук молотов, шум машин, взрывы гранитных массивов и плеск днепровской воды...

Все это было, было!

Вдруг он насторожился. Ему показалось, что он слышит английскую речь. Да, да, конечно, говорят по-английски. Он вглядывается в экран, Улицей Кичкаса, запруженной телегами, автомобилями, машинами, кипящей толпой рабочих, пробирается группа людей. И в этой группе говорят по-английски. Он видит старомодные европейские пиджаки, галстуки, которые могли носить только чуть не столетие назад. Кто они — эти люди?

Ах, да, американские эксперты! Предки и соотчики Виддупа, приезжавшие экспертизовать сооружение Днепростроя. Это они говорят здесь по-английски.

И снова меняются кадры. Вот уже — крупным планом. Скалистый берег. Группа полуоголых людей, изнемогающих от жары, разлеглась у воды. Вечереет. На земле валяются арбузные корки, кожура от селедки, скомканные бумажки. Люди только что поели и отдыхают. Виддуп слышит их голоса! Они беседуют.

— А что же зимой-то, Степанюк, будет? — спрашивает один.

Степанюк, коричневый бородач, утирая пот, льющийся с его лба, отвечает лениво:

— А ничего не будет. Тысяч десять, говорят, человек останется. А жилья-то для всех надо видимо-невидимо...

В разговор вмешивается молчавший до того высокий, худой, одетый в полосатую рубаху землекоп. На вид ему лет пятьдесят.

— Небойсь, лет пятнадцать назад, когда работали здесь, — говорит он, — о жилье для нас мало заботились. Помню, и зимой спали в палатках, да и то еще спасибо, если палатки давали.

— Пятнадцать? Да ты разве, Митренко, и тогда здесь работал?

Митренко хитро улыбается.

— Я, ребята, еще мост вот этот строил, — заметил он и указал рукой в сторону. На экране повис между двух берегов, вцепившись в высокие прибрежные скалы, ажурный, как кружево, арочный мост.

— Что с вами? — испуганно вдруг спросил директор, вглядываясь в лицо Виддупа.

С репортером творилось что-то невообразимое. Он тяжело дышал и, не слыша вопроса директора, был весь внимание. Глаза его горели, и ноздри взволнованно раздувались.

На экране, между тем, продолжался разговор Митренко с рабочими.

— А давно это было? — спрашивали рабочие.

— Говорю — лет пятнадцать назад! В девятьсот седьмом кончили.

— В девятьсот седьмом! — воскликнул Виддуп и, как ужаленный, вскочил с места.

Директор схватил его за руку.

— Сидите, — сказал он.

— Виддуп сел, чувствуя, что сердце его готово выпрыгнуть от волнения из груди.

— А Митренко, между тем, вспоминал и вспоминал. Он воскрешал в памяти те далекие времена, когда не было еще в Кичкасе никакого моста и когда созвали со всего края рабочих работать по дешёвке, строить Кичкасский мост.

— Да, братцы мои, — заканчивал Митренко свой рассказ, — нелегкое это было дело. Работали круглый год. Какая ни была погода, приходилось и дни, и ночи проводить на открытом воздухе. А платили как — вспомнить страшно! Еле самому на пропитание хватало. А ведь дома семьи оставались. Посыпать нечего было домой. Да ведь не только это. Мер никаких по охране труда не принималось тогда. Где на цепях подвески для людей подвешивать надо было, там простые веревки были, да гнилые к тому же. Жертв сколько было...

жертв...

И Митренко махнул рукой.

Тут произошло событие, перепугавшее не только сидевшего рядом с Виддупом директора, но и механика в будке, который так переполошился из-за шума в зале, что остановил аппарат. Вследствие этого на экране остались недвижными световые фигуры, замерли голоса и звуки, и Митренко застыл с безнадежно поднятой рукой.

Произошло следующее. Потеряв голову, Виддуп вскочил сам не свой и с диким криком бросился к экрану.

Протягивая руки к фигуре Митренко, он кричал не своим голосом:

— Расскажите, расскажите подробнее все, что вы знаете!
— вопил он. — Ведь это невероятно важно! Мы нашли... Я нашел там под водой скелет! И каменную плиту! Не молчите, не смеяйте молчать!

Его еле оттащили от экрана.

— Успокойтесь, успокойтесь, — говорил директор, — ведь это же кино! Обыкновенное говорящее кино. Как вы могли забыться до такой степени? Это не люди, а тени, и больше, чем они говорят, они все равно не расскажут вам. Успокойтесь...

Несчастного американца с трудом привели в себя.

Когда Виддуп почувствовал себя несколько лучше, он немедленно попросил продолжить демонстрацию фильма.

— Но вы сойдете с ума, — уверял его директор.

— Нет, нет! Я уверен, что только здесь найду ответ на все загадки.

И киносеанс продолжался.

Перед глазами Виддупа прошли картины закладки плотины. Это произошло как раз в день, когда исполнилось первое десятилетие Октябрьской революции. Он видел развевавшиеся красные флаги, толпы людей на берегу и слышал речи тех, кто жил больше чем семьдесят лет назад.

Затем, как в калейдоскопе, мелькали на экране годы, и шаг за шагом воссоздавалось гигантское сооружение.

И, наконец, кончили. Плотина сооружена. Прорыт канал. Воздвигнуто здание станции. Сейчас опустят щиты в плотине, задержат днепровскую воду, и старый Днепр навеки изменит свое лицо.

Щиты опущены. С разбегу налетела масса воды на преградившую ей путь сорок пятиметровую стену. На мгновение остановилось стремительное течение Днепра. Он как бы замер, впервые за много десятков тысячелетий встретив препятствие. Тысячи людей, затаив дыхание, следили на берегу за происходящим. Масса воды прибывала и прибывала, упираясь в непреодолимое препятствие, в стену, задерживающую ее. С глухим шумом Днепр поднимался все выше и выше... Мгновение — и мечущийся поток воды ринулся в освобожденный для него канал — искусственное русло, прорытое рядом с плотиной. Прошел час, два. Река представляла собой ужасное зрелище. Она вздулась, ходила дикими волнами, наскакивавшими одна на другую, разбивавшимися, откатывавшимися в сторону берегов. Уровень воды поднимался все выше и выше. Но вода продолжала прибывать. Искусственное русло-канал уже был заполнен водой, но с верховьев реки катились новые и новые водяные массы, задерживавшиеся плотиной. В канале вместе с тем заперли шлюзы, и последний выход для днепровской воды был закрыт.

Вода наступала на берега...

Виддуп видел, как скрывались один за другим камни, лежавшие на берегу, как торчали под водой, напоминая жалкие кустики, высокие деревья, как затем и верхушки их покрывались водяным покровом.

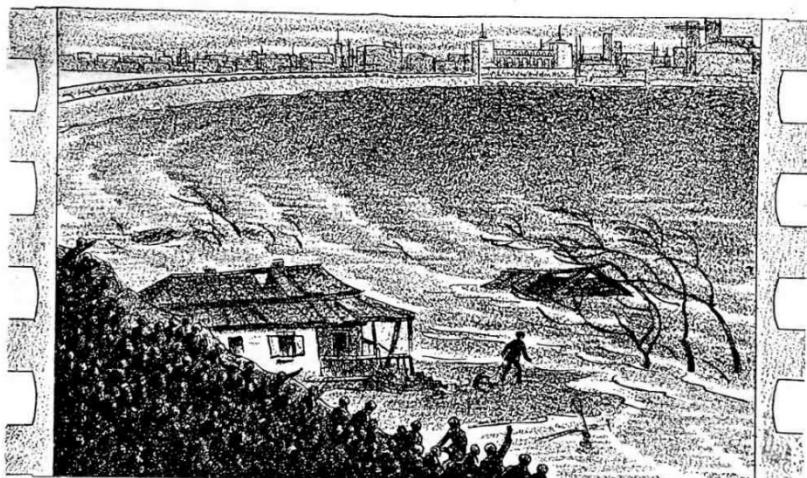
Толпа все дальше и дальше отступала от края воды. Небольшие домики, опустевшие, давно покинутые

хозяевами, полуразрушенные, заливались и поглощались водой.

Проходили часы, и местность становилась неузнаваемой.

Вода подбиралась к наиболее высоким скалам, у подножья которых приютился белый домик с широкой деревянной террасой.

Быстро вретел ручку аппарата механик...

Вода приблизилась к наиболее высоким скалам, у подножия которых приютился белый домик с деревянной террасой... О террасы спустился человек, к ногам которого было что-то привязано...

И все же Виддуп успел разглядеть: какой-то человек спустился с террасы, тяжело волоча за собой ноги, к которым было привязано что-то, похожее на большого паука... Поддерживая рукой груз, мешавший ему двигаться, он остановился в нескольких шагах от дерева, росшего возле дома, и в ту же минуту вода дошла до него. Ему кричали с берега, бросали спасательные круги, веревки. Но он, казалось, не замечал ничего, или, вернее, не хотел замечать.

Минута — и тело его скрылось под водой...

— Остановите ленту! — истерически закричал Виддуп и

потрясенный упал без чувств...

VII. На подступах к тайне.

- Вы серьезно уверены, что это он?
- Но если это не так, нам никогда не раскрыть загадки!
- У меня такое чувство, что мы все время вертимся около одного и того же. В конце концов, разве мы хоть на шаг подвинулись вперед?
- По-моему, да!
- По-моему, нет!

Разговор происходил в гостинице, в номере Виддупа. Американец, как всегда, бегал по комнате, заложив руки в карманы, а Зотов валялся на кровати, забросив ноги на ее спинку.

- Вы остановили ленту?
- Да. Я остановил. Я рассматривал тщательнейшим образом каждый кадр. Но ничего, что могло бы помочь нам, я не нашел. И все же я уверен, что этот человек был тем самым, чей скелет вы нашли возле дерева.

- Но тогда как же он попал на кинофильм?
- Видите ли, — ответил Виддуп, — когда вы, в свою очередь, просмотрите эту картину, вам, вероятно, как и мне, бросится в глаза случайность, с которой, по-видимому, был заснят этот момент. Человек, утонувший во время разлия реки, не иначе, как чисто случайно, попал в поле зрения объектива. Он появляется на экране всего лишь на одну минуту, вода мгновенно заливает его, и почти невозможно что-нибудь разглядеть детально. Я успел заметить лишь, что он стар. И кроме того, какой-то предмет, привязанный к его ноге, мешал ему двигаться. Больше ничего.

Так передавал Виддуп свои впечатления о необыкновенном киносеансе в Историческом музее своему компаньону по изысканиям, Зотову.

В свою очередь, Зотов проглядел внимательно весь кинофильм, так же изучил и рассмотрел кадры, на которые попал погибший во время разлиния Днепра человек, и точно так же должен был прийти к заключению, что кадры эти чисто случайны.

Итак, что они знали? Не на много больше того, что им было известно несколько дней назад. Правда, если допустить, что скелет, найденный Зотовым, принадлежал человеку, заснятому в кино, что было вероятно, то внешне определялась картина его гибели. Тем более, что даты их совпадали полностью. Часы-календарь, найденные рядом со скелетом, остановились ведь на той самой дате, которая связывалась с событием, показанным на экране: пятое мая тысяча девятьсот тридцать первого года. Но ведь вокруг этой смерти все было совершенно необъяснимо и загадочно. Почему остался этот человек в доме, который явно был обречен? Почему он вышел из дома только тогда, когда вода уже подходила к крыльцу? Почему он отказывался от предлагавшихся ему средств спасения? Почему, наконец, к его ногам был привязан этот странный якорь? И кто привязал его?

Так что же это все могло означать? Предположить, что этот самый Фридрих Эрнестович Марк покончил самоубийством? Но почему? Какие причины могли заставить его это сделать в таком глубоком старческом возрасте? И самое главное—почему он избрал такой удивительный способ самоубийства?

— Нет, надо заняться личностью этого Марка, — заявил Зотов и снова покинул Виддупа, исчезнув на несколько дней.

Для Виддупа дни, в течение которых отсутствовал Зотов, были какие-то смутные, странные и тревожные. В самом деле, что произошло? Как далеко в сторону отвлекся он? Разве не скифская проблема занимала его с самого начала? Разве он не собирался перевернуть науку открытием телефона у скифов? Почему он дал увлечь себя

разоблачением тайн какого-то старого Кичкаса, который ему вовсе не нужен!

В конце концов, в чем же во всей этой истории заслуги Виддупа? Опять невезение! И американец задумчиво перебирал забытые им было скифские наконечники, нанизанные на телефонный провод.

Дни и ночи в это время Зотов проводил в библиотеке.

Он рылся в комплектах старых газет, выходивших в дни, когда сооружался Днепрострой. Работа давалась трудно. Материала было так много, что важное и серьезное тонуло в хаосе второстепенного, и нужно было отделять важное от неважного.

Но однажды... Однажды он влетел в комнату Виддупа без головного убора, возбужденный, красный и радостный.

— Посмотри, что я нашел! — воскликнул он, бросаясь к американцу. И Зотов показал ему найденную в ворохе старых газет небольшую хроникерскую заметку о том, что 5 мая 1931 года в Кичкасе, во время искусственного затопления днепровских берегов, была одна человеческая жертва. Неизвестно по чьему недосмотру, в полуразрушенном доме, стоявшем у подножья взорванных скал, был забыт какой-то старик, неожиданно вышедший из помещения, когда уже вода подходила к нему. Заметка прибавляла, что спасти старика не удалось.

— Сомнений быть не может, — произнес Виддуп. — Это именно тот самый человек, которого успело случайно запечатлеть кино, и чей скелет вы нашли на дне Днепра. Его имя Фридрих Эрнестович Марк!

С этой минуты все усилия обоих журналистов были направлены к тому, чтобы возможно полнее выяснить личность Марка, с которой, по-видимому, связывалось все, что интересовало Зотова и Виддупа.

Оба они бегали по библиотекам, проглатывали глазами

кипу старых газет, десятки часов дышали пылью архивов, но нигде отыскать каких бы то ни было упоминаний о Марке не могли. Наконец, Зотову пришла мысль: если Марк заслужил благодарность от Запорожского земства, то наверно, в истории этого земства можно встретить его имя.

Он раздобыл старые земские издания в Запорожье, выходившие еще задолго до Октябрьской революции, и углубился в их чтение.

На этот раз его попытки оказались небезуспешны. В журнале «Вестник Запорожского земства за 1907 год» он действительно наткнулся на небольшую статью, специально посвященную деятельности некоего Фридриха Эрнестовича Марка.

— Ура! — закричал Зотов в восторге, поднося книгу Виддупу.

На этот раз они узнали, что Марк заведывал переправой через Днепр возле Кичкаса в течение сорока лет, арендя «переправу» у земства. В 1907 году переправа на паромах была уничтожена, ибо в Кичкасе закончился стройкой большой железный мост, соединивший оба берега Днепра.

— Мне кажется, — говорил Зотов, обращаясь к Виддупу, — мне кажется, что я уже начинаю понимать многое. Вы видите, что мост каким-то образом связан с этим Марком. Марк заведывал переправой большую часть своей жизни, и мост отнял у него его любимое дело. Поняли?

— Почти!

Зотов продолжал:

— У Марка могли быть все основания ненавидеть построенный в Кичкасе мост — это вы понимаете?

— Допустим. Но что из этого следует?

— Как что? А то, что автором надписи на каменной плите, которую вы нашли, был он, Фридрих Эрнестович Марк!

— Но почему вы думаете?

Зотов пожал плечами:

— А как же иначе? Кто еще мог называть мост проклятым? Ведь надпись дышит ненавистью к этой победе человеческой техники. Кто, кроме Марка, мог питать такую ненависть к мосту? Никто. Нет, нет, я уже очень хорошо представляю себе фигуру этого старого человека, всю свою жизнь прожившего в диком, живописном Кичкасе, с которым он должен был свыкнуться всей душой, всем телом. Сорок лет... Понимаете ли вы, что это значит? Конечно, он должен был сильнее всего на свете любить свое дело, эти смешные неуклюжие паромы, переправлявшие с одного берега на другой людей, грузы, телеги и животных. И вот, в один прекрасный день, то, с чем он сжился и чему посвятил большую часть своей жизни, у него отняли. И все это благодаря мосту, который изуродовал его любимые дикие скалы и, раз навсегда соединив оба берега, отстранил Марка от родного ему Днепра...

— Да, да. Все это очень возможно, очень похоже на правду, — повторял Виддуп. — Но все-таки, но все-таки далеко еще не все ясно.

— Как бы там ни было, — кивнул головой Зотов, — но мы медленно и верно приближаемся к раскрытию тайны. Мы уже знаем и автора надписи на вашей каменной плите.

— Да, но для нас все еще остается непонятным, почему вдруг якорь был привязан к ноге этого самого Марка. И почему его никак нельзя было спасти от воды?

Зотов был хладнокровнее американца.

— Потерпите. Все узнаем в свое время, — сказал он.

Дни проходили за днями, а шум вокруг открытых двух журналистов разрастался все больше и больше. Газеты помещали снимки находок. Скелеты, найденные на дне, давно уже были извлечены на свет. Ученые и краеведы строили

всевозможные догадки. Писались исследования. Радио ежедневно сообщало о новых результатах поисков. И, по крайней мере, в одном непоседливый Виддуп мог считать себя удовлетворенным: его имя стало известно повсюду.

С необычайной настойчивостью оба журналиста брали приступом одну за другой загадки, остававшиеся долгое время нераскрытыми.

Однажды к Зотову постучались. К нему вошел человек средних лет, держа какой-то сверток подмышкой.

— Вы журналист Зотов?

— Да.

— Тот самый, который занимается сейчас этой историей с находками в старом Кичкасе?

Зотов утвердительно кивнул головой.

Его гость огляделся вокруг себя, ни слова не говоря сел в кресло, положил ногу на ногу и указал Зотову на сверток, который он принес с собой.

— Я думаю, — произнес он, — что вот эта штука может оказаться не бесполезной для вас...

— В самом деле?

Посетитель принялся освобождать сверток от бумаги, в которую он был завернут, и Зотов увидел небольшую рукопись, пожелтевшую от времени и писанную мелким старинным почерком.

— Какое-нибудь сочинение?

Человек встал.

— Как вам сказать... Это не сочинение в том смысле, в каком обычно пишут сочинения профессионалы писатели. Эта тетрадь исписана рукой моего деда. Ей много лет. Я читал о вашем изыскании и вспомнил об этой рукописи, которую получил от отца. Я решил, что вам она пригодится...

Зотов принял из его рук исписанную тетрадку.

VIII. Раскрытие загадки.

Когда Виддуп ехал еще на пароходе «Эпоха», поднимаясь вверх по Днепру, и с горестью вспоминал о своих былых неудачах, ему, непоседе, и в голову не приходило, что он может так долго задержаться на берегах Днепра.

А между тем прошло почти три месяца с тех пор, когда, попрощавшись с Ларским и его женой, он впервые ступил ногой на набережную острова Хортицы. Совместная его работа с журналистом Зотовым как-то замерла, затихла, остановилась на одной точке. Им удалось подойти почти к основному в тайне, на которую натолкнулись они на днепровском дне, но окончательно раскрыть ее • они не сумели и под конец, утомившись, как-то оставили свои изыскания. Да и печать, все время сообщавшая о каждом шаге их работ, заметно охладела к истории, связанной со старым Кичкасом.

Так и осталось невыясненным, каким образом к ноге Фридриха Эрнестовича Марка оказался привязанным якорь, откуда взялись шесть скелетов, найденных Зотовым, и какая связь между этими скелетами и Фридрихом Марком.

— А ну его! — в конце концов заявил даже неугомонный Виддуп, окончательно потеряв надежду разобраться во всех этих вещах подробнее.

С Зотовым они встречались все реже и реже. Но Виддупу не раз казалось, что Зотов при встрече с ним, когда заходит речь о старом Кичкасе, как-то хитро улыбается и загадочно смотрит на американца. Сначала Виддупа это беспокоило, ему приходила в голову мысль, не знает ли чего Зотов, не собирается ли он обойти его, —потом он просто махнул рукой, перестал замечать и даже просто интересоваться.

Виддуп мечтал о возвращении на родину и несколько раз собирался уже сесть в дирижабль, совершивший рейсы между Запорожьем и Сан-Франциско, но приближавшиеся

празднества, на которых ему еще не удавалось присутствовать, заставили его задержаться, и он решил провести день восемьдесят второй годовщины в Запорожье.

7 ноября 1999 года он проснулся в номере гостиницы, разбуженный нестерпимо ярким лучом света, ворвавшимся через окно в его комнату.

Подбежав к окну, Виддуп увидел необычайное зрелище.

Над стеклянным городом поднималось утро. Навстречу восходившему солнцу из недр городских улиц поднимались сотни ярчайших ослепительно белых прожекторов, создававших какой-то световой ореол над блестевшими крышами городских зданий. Так начиналось утро праздничного дня. Свет здесь был необходимой эмблемой празднества, ибо Запорожье — город света. Здесь все связывалось с электрическим сердцем страны — Днепровской гидроэлектростанцией.

Центр празднеств — Виддуп знал это — находился не в городе, а за ним, в районе Днепра, у бывшего Кичкаса.

Виддуп оделся и вышел на улицу. Уличное движение почти отсутствовало. Нигде не было видно ни автомобилей, ни вагонов подвесной электрической дороги. Он почти не встретил ни одного пешехода. Судя по улицам, город точно вымер.

Но не было крыши небоскреба, с которой бы каждые десять-пятнадцать минут не срывались, напоминая больших птиц, легкие самолеты. Сегодня все были в воздухе.

Над городом стоял неумолчный шум тысяч пропеллеров. Небо пестрело самолетами, уносявшими большую часть населения города в сторону Кичкаса.

Виддуп вернулся в гостиницу, в лифте поднялся на крышу пятидесятиэтажного здания, на которой расположились гостиничные ангары, и справился о свободном самолете. Ему удалось достать последний, так как все остальные были уже

разобраны. Самолет был двухместный, но еще кого-нибудь, желающего лететь с Виддупом, не оказалось, и он сам сел за руль и, оторвавшись от крыши гостиницы, поднялся над городом.

Ему приходилось лавировать, чтобы избежать неминуемого столкновения с самолетами, реющими перед ним справа, слева, выше его и под ним.

Далеко слева он видел окруженный Днепром город острова Хортицы. По одетой гранитом реке медленно плыли тяжелые пароходы и сновали катера, казавшиеся сверху не больше простых -чернильниц. Узенькой полоской чернел мост, соединявший Хортицу с городом Запорожьем, а прямо перед глазами Виддупа расстипалось водное пространство, скованное плотиной, и белело внизу здание станции.

Над Кичкасом реяли тысячи самолетов, один за другим они спускались на громадный аэродром, развернутый в двух километрах от станции. Воздушная милиция наблюдала за порядком в воздухе, регулировала посадку самолетов, которые, снизив пассажиров, немедленно откатывались в далеко отстоящие ангары, либо отправлялись обратно в город. Подземная железная дорога ежеминутно выбрасывала толпы, спешащие на берега Днепра. Пароходы подвозили к пристаням десятки тысяч людей. Народу было так много, что непроницаемая стена его растянулась на несколько километров, начиная от здания электростанции по берегу реки в сторону бывших порогов.

Виддуп не спешил опускаться. Он решил посмотреть на зрелище сверху и, кружка над территорией старого Кичкаса, увидел вскоре дирижабль, плывший в сторону места торжеств. Дирижабль остановился над серединой реки. Виддуп внимательно разглядывал его. Перед ним была обыкновенная воздушная трибуна, употреблявшаяся в случаях, когда ораторам приходилось выступать перед таким

количеством людей, которое могло их слышать только говорящими с некоторой высоты.

Летая вокруг воздушной трибуны и рассматривая людей, стоявших на ней, Виддуп с удивлением заметил Зотова, стоявшего около перил и задумчиво смотревшего на старый Днепр.

— Что он тут делает? — подумал Виддуп и решил не терять Зотова из виду.

Он подумал, что слушать, летая на самолете, ему не удастся. Тогда он снизился, сдал самолет на хранение и, заняв удобное место в толпе на берегу, стал выжидать.

Празднства разделялись на две части. Первая, как это было установлено революционной традицией, состояла из коротких речей, приветствий и последних сообщений о только что произошедших событиях. Таким последним сообщением в день восемьдесят второй годовщины Октябрьской революции оказалось сообщение о провозглашении Соединенных Штатов Америки — социалистическими и о присоединении Америки к Всемирному союзу социалистических республик. Таким образом за год до наступления двадцать первого века знамя социализма было поднято в последней стране, остававшейся как бы островом капитализма.

Вторая часть празднеств должна была состоять из прогулок над Днепром по воздуху, над местом, где когда-то кипели пороги, из концертов в воздухе и различных увеселений.

Но перед началом второй части Виддуп неожиданно вздрогнул, услышав раздавшийся сверху и широко разносившийся радио-усилителями знакомый голос Зотова.

Виддуп насторожился. Он был весь внимание.

Стоя на воздушной трибуне, ухватившись за перила ее и обращаясь вниз к несметной толпе, приготовившейся его слушать, запорожский коллега Виддупа произносил речь:

— Товарищи! — кричал сверху Зотов. — Мы празднуем восемьдесят вторую годовщину Октябрьской революции в том самом месте, где в день первого десятилетия этого величайшего события была заложена Днепровская плотина, обуздавшая старый Днепр и преобразившая весь край. Если бы тогда, семьдесят два года назад, не случилось этого события, если бы там, где вы сейчас стоите, семьдесят два года тому назад на месте созданной уже тогда перемычки, впервые разделившей Днепр, соратники и ученики Ленина не заложили плотины, которую мы видим хотя и в несколько уже измененном виде, — не было бы заводов, раскинутых по берегам Днепра, не было бы нашего города. Океанские суда не входили бы в порт острова Хортицы, да и остров Хортица, на территории которого сейчас расположен один из замечательнейших городов мира, продолжал бы оставаться тем же пустынным зеленым островом. Если бы седьмого ноября тысяча девятьсот двадцать седьмого года не заложили бы первый камень будущей плотины, — мы никогда не видали бы этих проводов, которые от днепровской электростанции разносят далеко вокруг дешёвую энергию, вспоинвшую, обогатившую весь юг УССР.

Зотов на минуту перевел дух и продолжал:

— Вот почему, — говорил он, — сегодня будет уместно рассказать вам небольшую историю, связанную с прошлым старого Кичкаса, связанную с его последним днем.

У Виддупа захватило дух. О чем собирается рассказать сейчас Зотов? Что может он рассказать, кроме того, что уже известно? А Зотов, все больше и больше овладевая своим голосом, приступил к развертыванию рассказа:

Без малого сотню лет назад Днепр совсем не был похож на тот, каким мы видим его сейчас. Между высокими дикими скалами он несся здесь с ужасающей быстротой, однако

ширина его в редких местах достигала больше полукилометра. На тихих берегах существовала немецкая колония, расположившаяся главным образом на том берегу, где сейчас стоит наша электростанция. А на другом берегу, на левом, тесно прижатый к высоким скалам, стоял дом старого человека, обрусевшего немца, имя которого было Фридрих Эрнестович Марк. Вся жизнь тихой колонии. Кичкас была связана с именем этого человека. В течение многих лет Марк заведывал переправой через Днепр. Переправлялись в те далекие времена на медленных, неудобных, широких деревянных паромах. Марк был владельцем этих паромов и переправлял через Днепр людей. Но в тысяча девятьсот седьмом году был выстроен когда-то знаменитый Кичкасский мост, который оказался снесенным в период постройки Днепровской электростанции. Это был красивый, переброшенный с берега на берег железный арочный мост, в те времена удивлявший специалистов и считавшийся одним из лучших в старой России. Два года, в течение которых строился мост, старый Марк глухо и непрестанно враждовал с этим торжеством тогдашней техники. Вообразите себе фигуру этого человека, всю свою жизнь посвятившего днепровской переправе и вдруг оказавшегося ненужным, как и его паромы. Железный мост, радовавший всех жителей Кичкаса, не только не радовал Марка, но и внушал ему слепую ненависть!..

Вы слышали, как приходилось работать рабочим в дореволюционное время. Не могло быть и речи о какой бы то ни было охране труда. А между тем, постройка моста в условиях тогдашней техники была сопряжена с риском для жизни многих рабочих. Железные балки, соединявшие переплеты моста, приходилось клепать, стоя в специальных подвесках, висевших над серединой Днепра на большой высоте. Тогдашние строители моста, мало заботились о жизни рабочих и, вместо того, чтобы держать эти подвески на

безопасных и прочных цепях, подвешивали их на гнилых вевревках. И однажды произошло несчастье. Шесть рабочих свалились в Днепр и погибли. В те времена немного писалось об этой истории. Старались ее замять, не раздувать, не придавать широкой гласности. Это было не в интересах тогдашних властей. Шесть трупов несчастных рабочих тогда исчезли. В газетах тогда писалось, что все они утонули, и только недавно мы выяснили истинную их судьбу. Фанатичный Марк выловил тайно все трупы и сам их похоронил. В стороне от дома, в скалах, он зарыл их в могилу и поставил над ними памятник, на котором собственноручно написал: «Здесь похоронены люди, которых съел проклятый мост». Так, чем мог, мстил этот стариk ненавистному мосту. В тысяча девятьсот седьмом году мост был окончен, и Марк устранился от дел. Стали не нужны его допотопные паромы, их вытащили на берег, они рассохлись. Ими топили печи. Новый мост повис меж двух берегов. Но судьба строителей несколько облегчила страдания Марка. После постройки моста обнаружились крупные растраты, упущения, и строители были отданы под суд. Главный инженер застрелился, и Марк торжествовал.

Он поселился в старом доме, под высокими скалами, и доживал свой век. И все-таки Марку удалось пережить своего врага—кичкасский мост.

Глубоким стариком он дожил до дней Октябрьской революции, перенес весь период гражданской войны, видел, как махновцы взрывали ненавидимый им кичкасский мост, как затем Советская власть восстанавливалась его. Он дожил до дня, когда приступили к созданию Днепростроя и когда весь его старый Кичкас был обречен на гибель. Он видел, как разбирали кичкасский мост, потому что днепровская вода должна была подняться после постройки плотины выше него. Но погибал не только мост, который был ненавистен Марку, но погибал весь тот Кичкас, с которым Марк свыкся, связал всю свою жизнь. Днепровская вода должна была залить сорок четырех селения и в том числе дом старого Марка.

Но старый Марк не пожелал пережить гибель своего Кичкаса и решил погибнуть вместе с ним. Он один тайно остался в доме, когда первый раз закрыли щиты плотины и заставили днепровскую воду залить кичкасские берега.

Плотина заставила Днепр ринуться на селения и затопить их. Накануне были приняты все меры для предотвращения несчастий. В домах не оставалось ни одного человека. Пространства, подлежащие залитию, были освобождены от всего живого и отгорожены. Но стариk, не замеченный никем, остался в своем доме. И только в последний момент, когда вода стала подходить к крыльцу, он вышел в последний раз взглянуть на погибающий Кичкас, и в ту же минуту тело его скрылось под водой. Он погиб. Его появление было неожиданным. Спасти его не удалось, тело его даже не всплыло наверх, ибо старый Марк принял к этому меры. Он раздобыл один из тех якорей, которые были у него на паромах, и привязал его к ноге, отрезав себе путь к спасению.

То было семьдесят два года назад. С тех пор ничто уже не напоминает ни о старом Кичкасе, ни о его фанатике-старике Марке, не сумевшем заглянуть в будущее, понять, что гибель старого Кичкаса послужит началу новой жизни огромной страны.

Там, под водой, лишь остатки и следы жизни людей, о которых сейчас можно только вспоминать. Вот то, с чем я мог познакомить вас сегодня, в день восемьдесят второй годовщины Октябрьской революции и семьдесят второй годовщины Днепростроя.

Зотов кончил. Тысячи людей, выслушав его рассказ, подвигались ближе к берегу, как бы стараясь глубже заглянуть в воду, под которой еще находились остатки дома старого Марка и были найдены его кости...

***

Дни, последовавшие за празднованием восемьдесят второй годовщины, Виддуп провел в поисках Зотова. Последний куда-то исчез, и найти его американцу не удавалось.

Неожиданно он заявил сам, в час, когда Виддуп уже складывал свои чемоданы, собираясь лететь через несколько часов в Америку.

Виддуп встретил его возгласами изумления:

— Как вы узнали подробности? — был первый вопрос, с которым он обратился к вошедшему.

Я скрыл от вас, Виддуп, и должен в этом сознаться, один небольшой эпизод. Дело в том, что несколько времени тому назад мне принесли и оставили у меня рукопись. Она была помечена датами, близкими тем, выяснением которых мы занимались с вами. Рукопись принадлежала рабочему, работавшему еще при постройке кичкасского моста и близко знавшего старика Марка. Этот рабочий рассказывает о том, как однажды, в осеннюю непогоду, когда вздувшийся Днепр ходил волнами, а в скалах ревел ветер, не выдержали веревки, на которых были подвешены помосты для клепавших мостовые балки рабочих — и шесть рабочих свалились в воду. Марк, чей дом стоял неподалеку от основания строившегося моста, позвал однажды автора рукописи и предложил ему тайно выловить трупы. Автор рукописи передает о странном впечатлении, которое производил на него Марк. По его мнению, старик был тогда уже чуть тронут в уме. Тем не менее, он принял предложение Марка, скрепленное определенной суммой денег, и оба они выловили трупы, никому, не говоря ни слова, и зарыли их чуть повыше дома Марка, при чем Марк поставил на могилу плиту с надписью; которая вам хорошо известна. Вот и все.

— Одну минуту, — заметил Виддуп. — Но откуда же вы взяли, что Марк сам привязал к своей ноге якорь?

— Каюсь, — ответил Зотов, — на этот счет у меня не было никаких документов, но я сделал этот вывод на

основании простых логических умозаключений. Тем более, вот еще какая подробность. В рукописи, о которой я вам рассказал, описан вообще весь быт старого Марка. Там описаны его паромы и существует, между прочим, указание на то, что катер, возивший эти паромы, назывался «Марк», а на трех якорях, которые принадлежали владельцу перевозки, было выбито это же слово. Я еще раз без вашего ведома спускался на дно и извлек оттуда якорь вместе со скелетом. Скелет, признаться, рассыпался, но череп я сохранил. Что же касается якоря, то на нем действительно оказалось выбитым слово «Марк». Все, что мы знаем о Марке, вся обстановка говорит за то, что только он сам мог прекратить свою жизнь. А теперь, Виддуп, скажите — вы покидаете нас и летите в Америку?

— Да. Я возвращаюсь домой. Но я хотел вам задать еще один вопрос.

— Я слушаю.

Виддуп открыл один из своих чемоданов, порылся в нем и вытащил злополучное ожерелье — скифские наконечники, нанизанные на телефонный провод.

— А это? Чем же вы объясняете странную связь скифских наконечников с телефонной проволокой? Разве здесь нет никакой загадки?

Зотов пожал плечами.

— Вы говорите смешные вещи, Виддуп. Я могу вам разъяснить историю вашего ожерелья. Ничего не может быть проще. В то время, как я рылся в библиотеках и перечитывал комплекты старых газет, для меня выяснилось множество мелких моментов созидания Днепростроя. Вы знаете, что в районе старого Кичкаса существовало большое количество древних курганов, территория которых также подлежала залитию водой. Эти курганы стали предметом исследований Академии Наук. Но бывали случаи, когда рабочие, рывшие

землю, то тут, то там сами находили следы старины вроде вот этих наконечников. Разумеется, далеко не всегда они понимали ценность своих находок и либо выбрасывали их, либо отдавали детишкам для игр. Судьба наконечников, попавших вам в руки, очевидна. По незнанию, что это за вещи, дети, играя, нанизали эти забавные трехугольнички на подвернувшуюся под руки телефонную проволоку. Таких случаев было много...

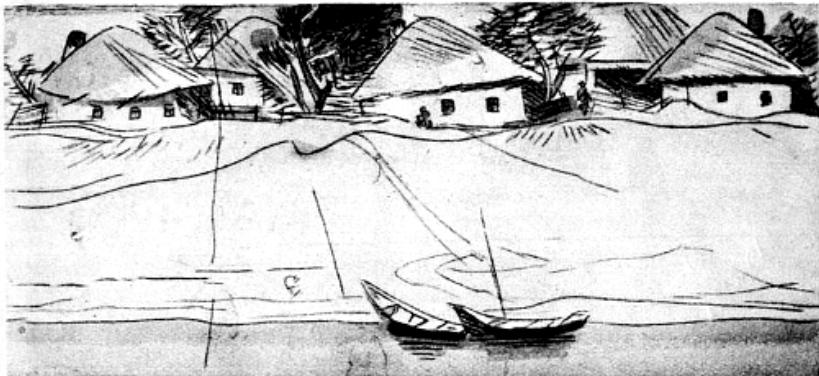
Виддуп задумчиво посмотрел на ожерелье, покачал головой и рассеянно произнес:

— Мне ведь всегда не везет!..

Не может быть.

Повесть-сказка

Жил дед над рекой...

Вот так упрямый старик Иван Кузьмич!

Наверно, не сыскать другого такого упрямого. Сколько ни убеждали его, сколько ни упрашивали — ни за что верить ничему не хотел.

— Быть этого, — говорит, — не может.

Даже когда собственными глазами увидел, тоже сказал:

— Не может этого быть.

Ну, а как же «не может» — когда уже есть?

Дело все вот в чем.

Больше полвека прожил Иван Кузьмич в Павловке. Большое село, много десятков лет стояло над рекою Днепром.

Днепр внизу течет, скалы обтачивает, а Павловка — наверху. Избы в воду глядятся. От реки тропинка к селу идет — в гору.

На горе, в избушке своей, и прожил долгую жизнь Иван Кузьмич.

Разным делом, занимались жители Павловки.

Одни — рыболовством: ловили в Днепре сомов, щук, карпов. Другие землю пахали, хлеб сеяли.

Иван Кузьмич огородами занимался.

Растял капусту, лук помидоры, салат. Редис выращивал. Любимое дело Ивана Кузьмича — огородничество. Известный стал огородник. Другие к нему за советом ходили.

Жена Ивана Кузьмича давно умерла. Был сын. Хотел и его Иван Кузьмич огородному делу обучить. Не стал сын этому обучаться. В город пошел на заводе работать.

Остался Иван Кузьмич один огородничать.

Много на своем веку видел Иван Кузьмич. И царя пережил, и от махновщины натерпелся. Опять огородами занялся.

И вдруг слух пошел: перегородят у Кичкаса Днепр реку и поднимется она высоко, разольется вширь, и где теперь Павловка — там река будет.

Махнул рукой Иван Кузьмич:

— Не может этого быть!

Так и отмахивался — врут люди. Не надуете Ивана Кузьмича. У него борода скоро, как снег, будет. Не маленький он, чтоб сказки ему рассказывать. Смеется.

Он смеется, и над ним смеются.

Так и живут.

А тут новое дело. Понавезли километров за пять от Павловки бревен, кирпича, рам оконных, новые дома сколачивают.

— Это еще зачем?

— Как зачем? Новое село строим. Старое скоро Днепром зальет. Где живете сейчас—подводное царство будет.

Вытаращил дед глаза: и эти спятили!

Не стал и слушать дальше. Все на свете не так, как раньше. Вот уж и Днепру приказывать вздумали.

Сидит Иван Кузьмич на камне высоко над рекой. Задумался.

Если от Павловки вверх по Днепру подняться, доплыешь до порогов. Перегородили реку пороги — высокие камни.

Пенится у порогов Днепр! Бьется вода о камни. Взлетают водяные столбы на воздух. Ревет река, пробирается между скал. Гул гудит над скалистыми берегами.

Проносит мимо Павловки то бревна от плотов, то разбитые лодки, а то и мертвое тело.

Не даром один порог — самый свирепый — Ненасытцем прозвали.

Ненасытен был. Много людей погубил.

Сидит на берегу Иван Кузьмич. Смотрит на реку. Думает думу.

О чем?

Да так просто. «Вот, — думает, — глупый народ. Днепром командовать вздумал».

Ухмыляется. Головой качает.

Такой уж он, дед, был.

Какая ему изба нравится

Приходят однажды к Ивану Кузьмичу люди.

— Здравствуйте, Иван Кузьмич!

— Мое почтенье, отвечает дед.

— Только зачем пожаловали?

— Да вот, Иван Кузьмич, хотим вам новую избу предложить.

— Мне и в старой моей хорошо.

Удивляются люди:

— Как же так хорошо, Иван Кузьмич? И окошко у вас покосилось. И набок изба стала. Да и тараканов у вас, Иван Кузьмич, больно много — изо всех щелей торчат. И порог развалился совсем. Неважно живете, Иван Кузьмич! Мы вам другую избу отстроим в новом селе. Электричество будет светить, потолок выше сделаем!

— Нет, — отвечает Иван Кузьмич. — Мне в моей избе хорошо. Что ж, что окошко косое? Мне и так любо. И что порог развалился — мне ничего. Я к такому привык. А без тараканов — какая же изба? Таракан — зверь тихий. Не надо мне новой избы.

Заупрямился.

Смеются над ним. А он свое:

— Не надо мне вашей избы. Моя и так хороша.

Развернули на столе карту большую — план.

— Да нельзя вам, Иван Кузьмич, оставаться в вашей избе. Зальет ее скоро Днепром. Переделываем мы нынче реку. Видите, тут Днепр пройдёт.

Махнул дед рукой:

— Полноте мне сказки рассказывать. Не дите я.

Ну что с ним поделаешь!

Ухмыляется дед в желтую бороду:

— Если, — говорит, — по моему вкусу выстроите, могу переехать!

— Как же вашему вкусу желательно?

— Да вот, будьте любезны построить мне избу в точности, как моя: и чтоб окошко вкось было, и чтоб порог кривой, и чтоб тараканы как были, так и остались. В точности, одним словом, — не хочу со старым углом расставаться.

Дурной старик.

Ну, можно ли с ним разговаривать?

— Как хотите, Иван Кузьмич. Только придет время — обязательно вам переселиться придется.

С тем и ушли.

А дед об огородах думает. Весна не за горами. Скора время рассаду добывать.

Где б нынешний год получше рассаду купить?

Надо бы ему в Кичкас отправиться. Большое там огородничество было. Должна там рассада быть.

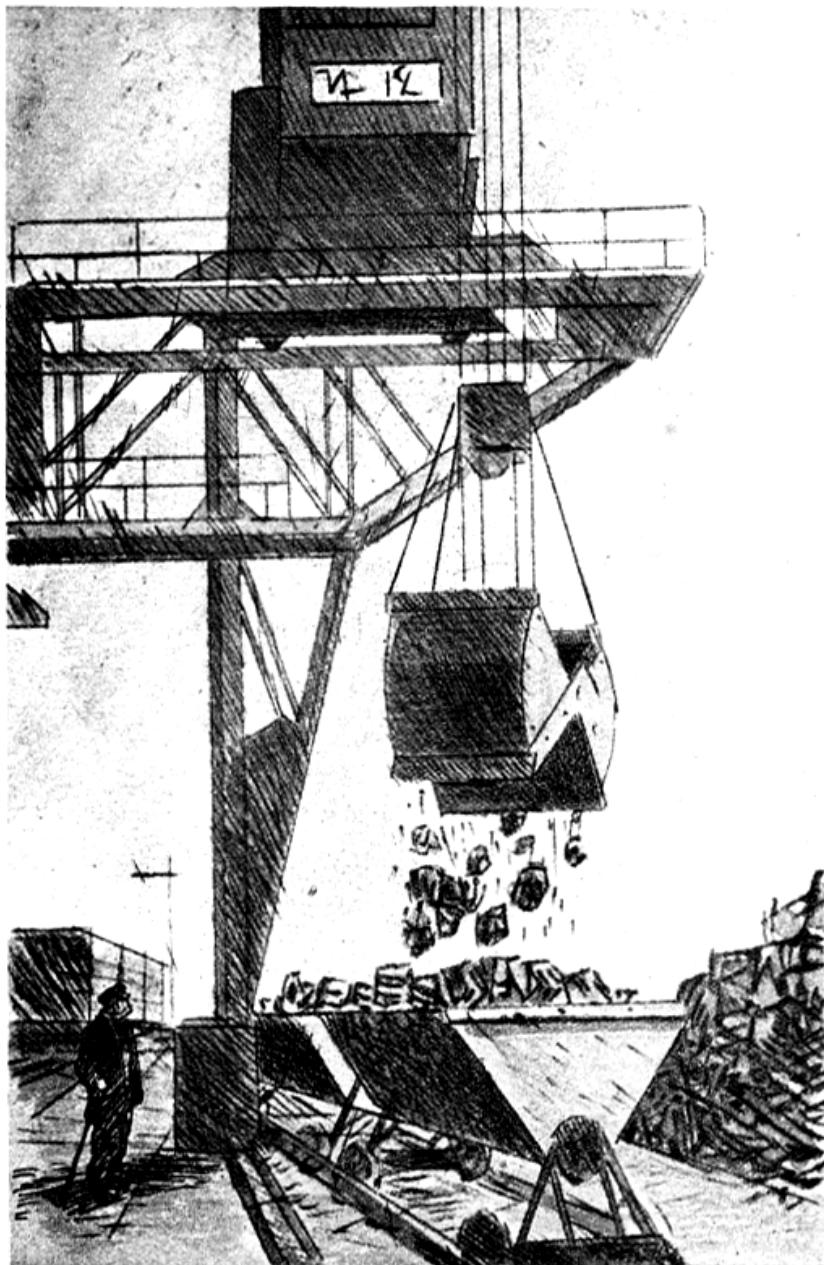
Первое путешествие Ивана Кузьмича

Запахло весной. Дед в Кичкас собрался. Сосед на телеге ехал. Он — с ним.

Давно не бывал в Кичкасе Иван Кузьмич. Хотя и близко от Павловки, да не собраться ему никак. Только и дела у Ивана Кузьмича, что ранней весной позаботиться ю рассаде для огородов.

Подъезжает дед к Кичкасу. Как будто знакомые места, а не узнать.

Машин — видимо-невидимо.

И чего только ни делают эти машины!

Одни стальными челюстями лязгают, клыками в землю врезываются, роют ее.

Другие, вроде обыкновенных вагонов, груженные землей, по рельсам катятся и вдруг сами с себя землю сбрасывают — насыпи громоздят.

Третья, — краны, — страшные тяжести поднимают.

Четвертые — от скал куски отрывают.

Пятые — камень дробят, с известью мешают, песок сыплют.

Шестые — бады развозят, перебрасывают, опрокидывают.

Седьмые — кирпич складывают.

Восьмые — дороги мостят.

Девятые — доски пилият.

И у каждой машины — начальник: командует.

А еще есть машины — людям кушанья готовят.

Насмотрелся дед.

Помнит он: на правом берегу было тихое селение, цветы в палисадниках цвели, петухи кур на грядки водили, а у воды утки плескались. На левом берегу и вовсе никто не жил. Зеленели скалы во мхах. Рыбачили рыбаки на камнях.

И вот ничего этого уже нет.

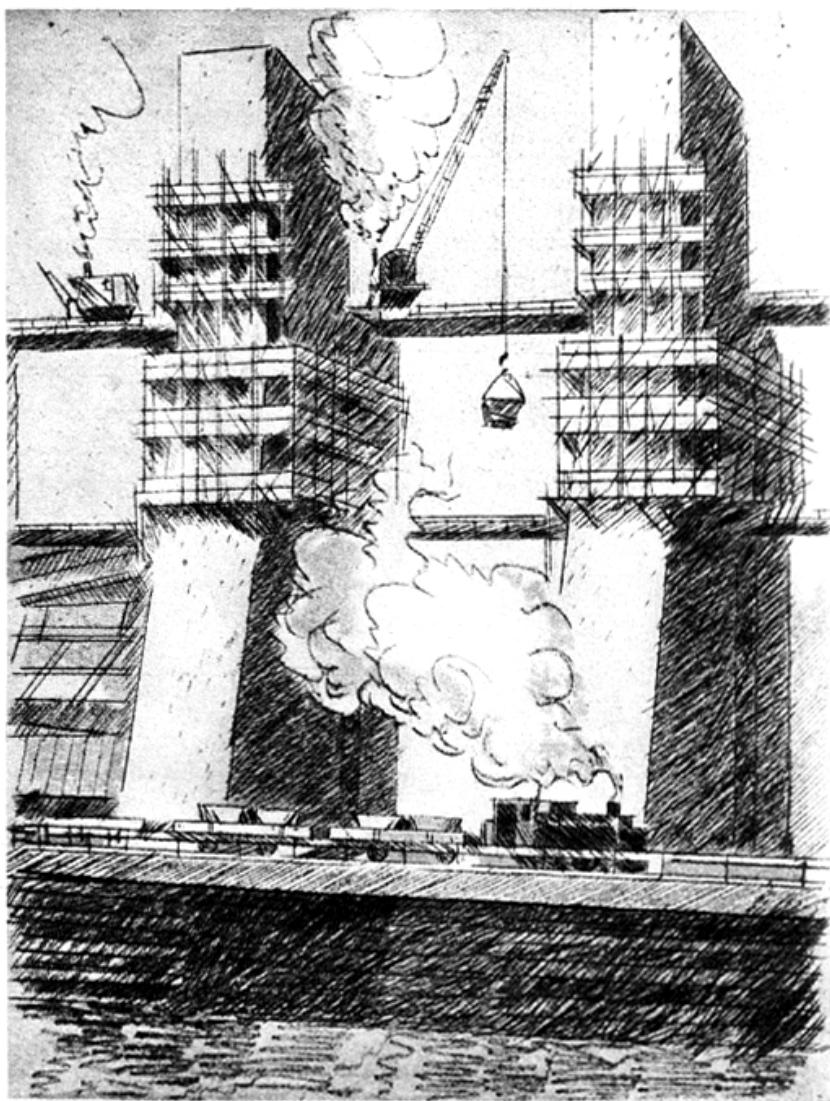
Оба берега, изрыли машины. Тут и там во много этажей здания высятся.

Улицы проложены. Город строится.

Но самое удивительное — не это. Самое удивительное — что сооружают через Днепр-реку великую стену, плотину, от левого берега к правому. До самого дна добрались рабочие.

Стал Иван Кузьмич в великой суматохе разыскивать старое огородничество. Да куда там! Разве найдешь теперь в Кичкасе старые места? Все вверх дном.

Огорчился старик. На счастье, знакомого встретил.

— Как быть? — спрашивает его Иван Кузьмич. — где мне рассаду для моих грядок заказать?

Знакомый надоумил его.

— Ты, Иван Кузьмич, отправляйся на остров Хортицу. Отсюда туда пароход ходит. А можно и лодкой. Большое там теперь огородничество. Там и рассаду для своего огорода достанешь.

Отправился Иван Кузьмич на остров.

Нашел правление огородничества. Познакомился, разговорился. Стал расспрашивать: очень интересовался огородами.

Видит Иван Кузьмич—хорошее хозяйство у артели. И весь остров—в распоряжении огородников. А земли свободной много еще.

Порассказал о себе. Поговорили об огородном деле. Увидели артельщики, что Иван Кузьмич не меньше их смыслит.

— Ты, —предлагают ему, — Иван Кузьмич, если хочешь, можешь в нашу артель вступить. Люди нам нужны, а земли еще хватит!

Развел руками Иван Кузьмич:

— Непрочь я. Очень у вас нравится. Неохота только Павловку старую бросать!

С тем и уехал.

Как ему быть —не знает

Неспокойно живется деду Ивану Кузьмичу в старой Павловке. Что ни день —разговоры о Кичкасе: как там плотину строят да как электрическая сила от Днепра пойдет. А самое главное — как затопит село Павловку.

Уйдет на дно реки прошлое,
уйдут избы кривые, кладбище с
могилами дедов. Не станет старой
Павловки.

Многие старики с молодыми
заодно: только и ждут, чтоб в
новое село переехать.

А некоторые ворчат:

— Нам и в старых избах
неплохо. Деды наши тут
помирали, и нам бы тут свою
жизнь дожить.

Так вот и Иван Кузьмич
думает. Ворчит день-деньской.

Никто только его не слушает.

И все смущает Ивана Кузьмича мысль о Хортице. Очень
понравилось ему там. Больше всего понравилось, что собственные
теплицы артель имеет: свою рассаду выращивает. Самое важное
это для огородника. Посеешь вовремя семена, окутаешь землю
теплым навозом, чтоб мороз не дошел, закроешь стеклом, — к
ранней весне взойдут ростки. Тут их и выкапывай да на огородные
грядки сади.

Любит огородное дело Иван Кузьмич. Сколько лет мечтал о
собственной теплице! Да где ему!

Может быть, в самом деле пойти Ивану Кузьмичу на остров?

Да нет, не может этого быть. Нельзя бросить избу. Родная
изба хоть и кривая, и с тараканами, а все ж родная! Жалко ее.

А что если в самом деле затопит Днепром старую Павловку?
Тогда ведь все равно старую избу покидать?

Да только затопит ли?

Не может этого быть!

Ох, и не знает Иван Кузьмич, что ему делать. И на Хортицу хочется, и старой избы жаль.

И хочется, и не можется. А можется — так боязно. Чего боязно — сам не знает.

И вот на острове

И вдруг — решился дед. Переехал.

Попрощался с односельчанами, поклонился старой Павловке, взглянул с высокого берега на Днепр, вздохнул и отправился.

И вот живет Иван Кузьмич на острове. Много дел у артели. Много дел у Ивана Кузьмича. Доволен он своей жизнью.

Больше всего доволен, что собственная рассада имеется.

Только вот горе: с навозом!

Рассаду выращивать в парниковых рамках надо под стеклом. Каждую раму на зиму навозом окутывают — теплом посев сберегать.

Очень много навоза требуется. Иначе тепла держать не будет.

Живет-поживает Иван Кузьмич. Вместе с ним в одной избе другой старик живет — Никита Федорович. Такой же, как и Иван Кузьмич.

Живут, работают.

По вечерам интересные беседы ведут.

— Та-ак. — скажет Никита Федорович.

— Так. Так. — ответит Иван Кузьмич.

— Да уж, действительно, — вздохнет Никита Федорович.

— Вот именно, — подтвердит Иван Кузьмич.

Так и поговорят по душам.

О чем им еще говорить? Обо всем другом за день наговорятся.

Вместе за парниковых рамами смотрят, о навозе хлопочут, семена добывают, молодых учат, как рассаду из грунта выкапывать, как на грядки пересаживать.

Что случилось, когда прошел год

Больше года прожил так Иван Кузьмич на острове.

И вдруг новая беда. Не думали, не гадали.

Приходится всей артели с острова съезжать. Что так? В чем дело?

Понадобился остров для ученых. Нужно ученым делать опыт с электричеством.

Иван Кузьмич больше всех рассердился.

— Зачем нам электрическая сила? Без нее век жили, без нее и проживем.

— Правильно, — поддакивает Ивану Кузьмичу друг его и сосед Никита Федорович. — Все теперь не так, как прежде. Все вверх дном пошло. Не слушаются нас, стариков. И зачем это крестьянской земле электрическая сила?

Удивляются старики.

— Ну-ну. — говорит Иван Кузьмич.

— Да уж именно, — отвечает Никита Федорович.

Так и проговорят вечер.

Однако, как же артели быть?

Созвали собрание. Председатель артели заявляет:

— Так и так. Вот какие дела. Отдан остров научной станции, а нам переезжать приходится. Дают нам землю за хутором

Безымянным. Земля хорошая — помещичья была. Убытки все нам оплачиваются. И машины дают. Так что мы еще с выгодой останемся.

Вскипело на сердце у Ивана Кузьмича:

— Не желаю, вашим правилам подчиняться! Не буду больше в вашей артели!

— И я, — вторит ему Никита Федорович, — не желаю больше в артели находиться:

— Мы — заявляет Иван Кузьмич, — оба из артели выходим. Поедем, Никита Федорович, в старую мою Павловку век наш доживать.

— Что же, — отвечает Никита Федорович, — поедем, Иван Кузьмич, в старую твою Павловку. Будем вдвоём поживать.

Товарищи из артели улыбаются:

— Мы вас не держим, хоть и полезные вы старики. Вольному воля. Но только куда вам от нас идти?

— В Павловку.

Махнули на них рукой.

— Ну и ищите вы вашу Павловку.

Распорядились наши старики своим достатком, какой в артели имели, и отправились на родину Ивана Кузьмича.

Переправились на другой берег. Повстречали телегу попутную — подвезли их крестьяне. Едут полями, разговаривают, какой жизнью жить теперь будут.

— У нас, — рассказывает Иван Кузьмич, — в Павловке карпы удивительные ловятся в Днепре. Будем мы с тобой, Никита Федорович, карпов ловить да огородиком заниматься. И никакой нам электрической силы не надо.

— Правильно, — соглашается Никита Федорович и почесывает указательным пальцем жиidenькую свою бороденку. —

И зачем это, Иван Кузьмич, для крестьянского дела электрическая сила? Все это люди зря выдумывают!

— Старков не слушаются.
— Все не так теперь, Иван Кузьмич.
— Не так, Никита Федорович.
— Да уж действительно.
— Вот именно.

Едут старички, вздыхают.

— Это что ж такое? — спрашивает Никита Федорович и пальцем другу показывает.

Смотрит и Иван Кузьмич.

Что ж это такое, в самом деле?

Похоже, что великаны через степь гуськом идут — высочайшие столбы, черные, стальные с перекладинами. Широкоплечие великаны!

Раз... два... три... четыре... пять... Нет, куда там! Разве их сосчитаешь! Через всю степь шагает стальное войско. И все в правильном порядке идут. Несут на плечах черные провода.

Что ж это значит, однако?

Не понимает Никита Федорович. Не может понять Иван Кузьмич. А крестьянин, который их везет, молчит. Неразговорчивый попался.

— Милый человек, — обращается к нему Иван Кузьмич, — ты, может, больше нашего знаешь. Объясни нам, что за чудища такие стальные по степи пошли?

— Это, — отвечает крестьянин, — все уже знают.

— А мы, — говорит Иван Кузьмич, — люди старые, мало что знаем. Объясни.

А крестьянин свое:

— Это всем известно.

Вот чудак! Иван Кузьмич даже рассердился:

— Ну, а нам, старикам, неизвестно. Говорят тебе русским языком!

— Нет, — качает головой крестьянин — этого быть не может. Это все уже знают.

Переглянулись Иван Кузьмич с Никитой Федоровичем. Ничего. Помолчали.

Приедем, мол, домой, там уж и поразмыслим.

А до дому недалеко. Вот за тем хуторком, налево поворотить, там и Павловка.

Доехали до хуторка.

Поворачивает крестьянин направо.

— Э-э! — кричит Иван Кузьмич. — Ты что ж направо едешь? В Павловку — надо налево.

— Направо, — отвечает крестьянин.

— А я тебе говорю — налево!

— Я за Павловкой живу. Мне лучше знать.

— А я, — говорит Иван Кузьмич, — в Павловке всю жизнь прожил. И дед мой там жил. И отец. Кому лучше знать?

— Нет, старик, мне направо ехать. Придется слезать с телеги. Не поеду налево, если нужно направо!

— Слезай Никита Федорович. Вот за той горкой и Павловка моя. Дойдем.

— Дойдем, — соглашается Никита Федорович,

Остановили крестьянскую телегу. Слезли наши старички и пошли от хутора налево.

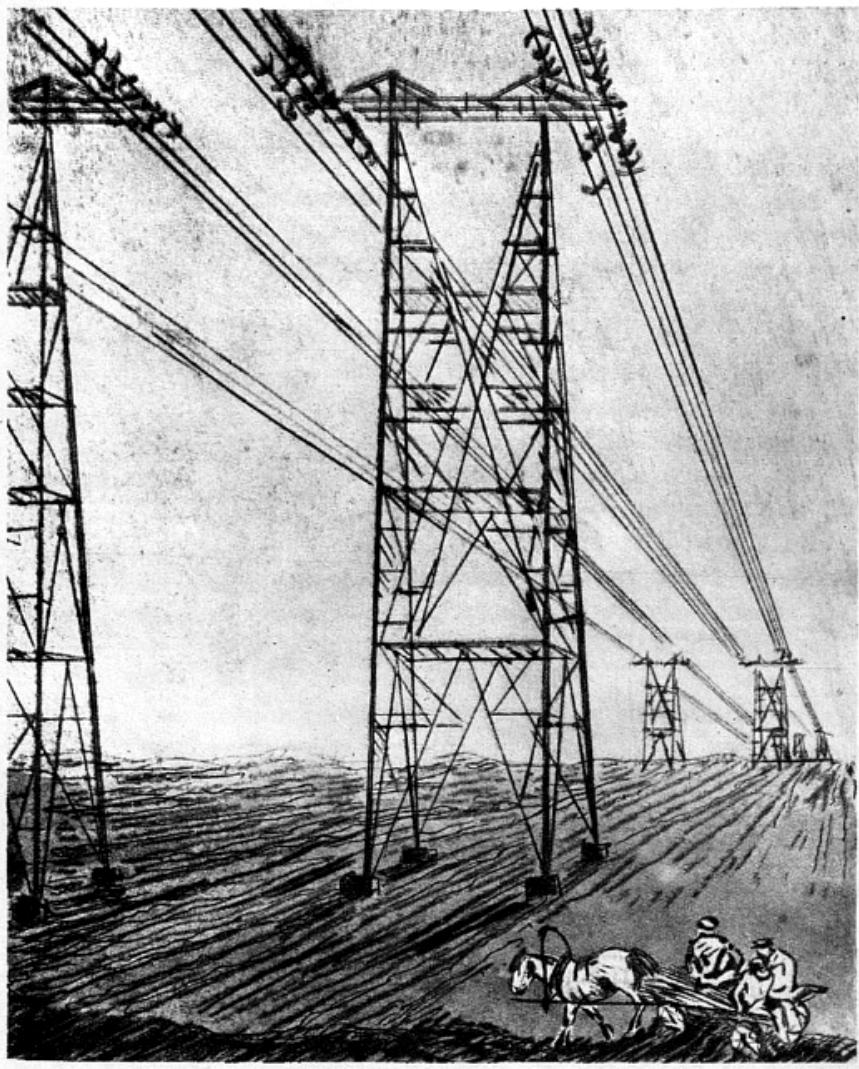
Небось, Иван Кузьмич хорошо дорогу знает. Легко сказать — жизнь на одном месте прожить!

Идут, бредут, разговор ведут. А разговор у них все тот же:

— Ох, ох-ох! — промолвит один.

— Да уж так, — ответит другой.

— Вот именно. — скажет первый.

— Да уж действительно, — вздохнет второй,
Любят друзья поговорить,
И идти легче.

Где Павловка? Нет ее!

Теперь только через горку перевалить, а там — и село.
Подходят к горке. Взбираются. Кряхтят.

— Хорошо бы отдохнуть!
— Ничего, Иван Кузьмич.
— Ничего, Никита Федорович.
— Спускаться с горы легче будет.
— Легче, — отвечает Иван Кузьмич.

Так и дотащились до самого высокого места. На горе и отдохнуть можно.

Как закричит вдруг Иван Кузьмич:
— Батюшки светы мои родные!

Да как присядет от страха на землю. Ноги сами собой подкосились. Язык высунул, рот раскрыл, выпучил глаза и сказать больше ничего не может.

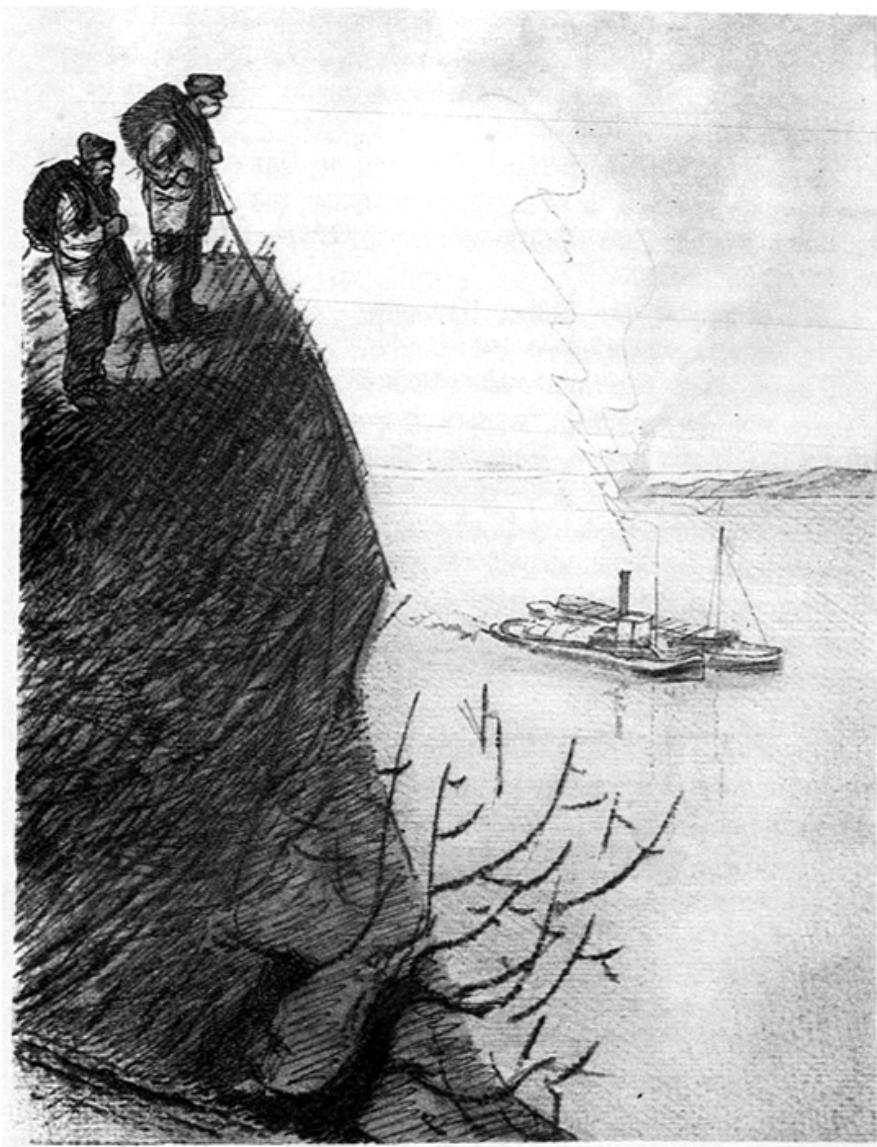
А Никита Федорович как столб стоит.
У самых ног их волны играют.

Вздулась река, развернулась в невиданную ширь — синее озеро перед глазами: еле-еле другой берег видно.

До самой верхушки горы поднялся Днепр. Дальше гора не пустила.

Бегут синие волны над старой Павловкой. Бегут — играют, белыми барашками курчавятся. И невиданно было прежде таких волн на Днепре.

Погубил Днепр старую Павловку!

Плавают днепровские щуки там, где дед Иван Кузьмич капусту садил. Заплывают усатые сомы в избу Ивана Кузьмича. Размывает ее водой днепровской. Стоит изба на дне реки. А тараканы все до одного утонули.

Нет старой Павловки!

Над ней теперь пароходы ходят.

Долго ли пробыли на той горе Никита Федорович и Иван Кузьмич, сказать нельзя. Никто там с ними не был, а сами они времени счет не вели. И часов у них нет, да и не до часов им было.

Повернули от горы Иван Кузьмич и Никита Федорович, прошли до хуторка, а от хуторка направо взяли.

Значит, прав был крестьянин, который не хотел от хутора влево сворачивать.

Там и нашли они Новую Павловку.

Непохожа на старую.

Улица — как улица, и даже в одном месте камнем мощеная.

Домики — на-подбор: черным толем крыты, чтоб в дождь не протекали. Стены белые. Окна большие. Заборы — плетеные.

Электричество так и светит.

Иван Кузьмич посмотрел, глазам своим не поверил, сказал:

— Быть этого не может.

Отдохнули Иван Кузьмич с Никитой Федоровичем в Новой Павловке у добрых людей, поговорили, повыспросили. Решили обратно на Хортицу идти — узнавать, где им теперь землю получить.

Пришлось похлопотать старикам.

Артель с острова съезжала уже. Отвели ей землю за хутором Безымянным.

Там и Ивану Кузьмичу с Никитой Федоровичем участок дали, говорят:

— Хотите — в артель вступайте. Хотите — так землей пользуйтесь. Дело ваше.

Упрямые были старики.

— Сами по себе теперь будем.

— Ну и будьте.

Так и поселились они за хутором Безымянным.

А неподалеку стала артель хозяйствовать. Поглядывают наши старички, как люди в артели живут, работают; в гости в артель ходят иной раз. Только присоединяться к ним не желают. Копаются на своих огородах,

Сами по себе стали.

Иван Кузьмич раздумывает

Отвели старикам половину избы. Бабка-соседка обед им варит. Они бабке натурой платят: капусткой, помидорами с собственного огорода.

Поглядывают старики, что в артели делается. Видят: вместо лошадей тракторы скупают, машинами обзаводятся.

Иван Кузьмич по этому поводу так рассуждает.

— Машина, — говорит, — машина! А только лошадь важнее машины. Лошадь навоз дает, а без навоза рассады нет.

А за рассадой Иван Кузьмич в артель ходил.

— Да, — говорят в артели, — без навоза совсем замучились. Вместо лошадей машины вводим. А навоз взять неоткуда!

— Значит, не будет больше у артели теплиц, не будет рассады?

— Как не будет! Побольше, чем сейчас, будет. Только без навозу.

— Этого быть не может!

— А не веришь, сам на остров ступай. Там и не то увидишь!
Там чудеса необыкновенные.

Пришел домой Иван Кузьмич, рассказывает Никите Федоровичу. Удивляются, поверить никак не могут.

«Что же это за чудеса?» думает все Иван Кузьмич,
Чудес на свете не бывает!

Упрямый стариk был и любопытный. Всю ночь не спал—
думал.

Наутро говорит Никите Федоровичу:

— Я, пожалуй, на остров отправлюсь. Через денек и дома буду. Очень мне интересно — что-то там делается.

— Что ж, — отвечает Никита Федорович, — посмотреть не грех. Не верю только я в чудеса.

И отправился Иван Кузьмич в путешествие на остров Хортицу, что ниже великой днепровской плотины лежит.

Снова отправляется он в путешествие

Рано утром, чуть свет, на крестьянских санях выехал. Мороз был не сильный, но за нос пощипывал.

Через несколько часов подъехал Иван Кузьмич к переправе через реку. Думал, по льду перейдет. Видит: мост выстроен. Наверху рельсы проложены — поезда проносятся, а внизу, словно по длиннейшему коридору, люди ходят, телеги ползут, автомобили летят. В два этажа мост.

Довезли Ивана Кузьмича до моста.

— Дальше, — говорят, — сам пройдешь.

Слез с саней. Пошел по мосту. Достиг острова.

Сошел дед с насыпи, зашагал по знакомой дороге. «Только бы, — думает, — нос не отморозить».

А мороз такой, как будто нарочно задумал отхватить у Ивана Кузьмича кусок носа. Холодно!

«Только бы, —думает, — ветра не было. Тогда ничего, дойду».

Не успел подумать, как взметнулся снег на дороге, взлетел; зашевелились снежные поля вокруг.

Прямо в лицо ветер дует,
Ничего. Шагает Иван

Кузьмич.

Деревья на острове давно вырублены. Открыт остров со всех сторон. Серединой острова идет Иван Кузьмич.

Село давно позади оставил—ни домика вокруг, ни забора. Гуляет ветер по свободным просторам, дует, свищет, плачет, хохочет, пищит, воет, гогочет, плюется, поля ворошит, в снежки сам с собой играет, в Ивана Кузьмича хлопья снега швыряет—дороги путает.

По всем правилам выюга.

Не повезло Ивану Кузьмичу. Назад поворачивать? Да куда? Дороги не видно, День, а в глазах темно. Стынут у Ивана Кузьмича ноги. Леденеют руки. Нос... того и гляди, отвалится. Вся борода стеклянной стала.

Куда он идет, сам понятия не имеет. Рад бы вернуться, да не знает—куда. Не иначе, как помирать здесь придется. Остановился старик. Куда шагать?

Чудеса в горе

И вдруг замечает Иван Кузьмич — гора совсем близко от него. Невысокая гора, небольшая. Вся снегом покрыта.

Подумал Иван Кузьмич: надо ему на гору взойти, взглянуть сверху — не видно ли где домов, огоньков в окнах, а может быть и телега поблизости едет.

Подошел поближе к горе.

Последние силы собрал.

С ветром в рукопашную борется.

Подошел.

Остановился.

Чудится ему: стукнуло что-то в горе. Раз и два. И еще словно стукнуло.

Прислушался—стучит в горе.

У Ивана Кузьмича дух захватило.

Ступил Иван Кузьмич еще несколько шагов — стук не пропадает.

Стучит и стучит что-то.

И показалось старику, что где-то меж снега в склоне горы мелькнул огонек.

В горе — светится.

Да ведь этого быть не может!

Иван Кузьмич вплотную к горе подошел, руку протянул, закрыл глаза, решил: будь что будет, и геройски в гору постучался: какой звук от горы пойдет?

И только он стукнул — отворяется вдруг дверь в горе, снег с неесыпается, и впускает дверь Ивана Кузьмича в гору.

Вошел Иван Кузьмич в гору.

Дверь за ним захлопнулась, а он стоит — снег на нем стаял, ручьем с бороды стекает.

Стоит Иван Кузьмич и глазами моргает.

Ну и жара! Лето, да какое!

Зелень, цветы вокруг.

На грядках тёмно-зелёные головы капусты. Редис растет.

Молодой лук из земли тянется.

Корзины со свежими помидорами перед глазами.

И цветы. Куда только не взглянешь.

Два человека, перед Иваном Кузьмичом стоят — в легких майках, загорели, тела вспотевшие.

Лето! Лето вокруг!

Иван Кузьмич на себя посмотрел: тулуп теплый на нем, на руках — варежки, на ногах — валенки, шапка с наушниками на голове.

Со всего течет.

А ведь только что выюга в ушах выла, снег глаза слепил, мело в степи, охало, за нос морозом щипало... И вдруг — лето...

«Сплю я?» думает Иван Кузьмич.

«Сплю!»

Сел у порога, сам себе говорит:

— Вот, пока не проснусь, сидеть буду. Проснусь — сам над собой посмеюсь.

Бывает же такое с человеком! Опустился у порога и сидит. А самому жарко так, что дышать трудно. Еще бы! Тут лето, а он в тулупе, в валенках, в шапке с наушниками.

Подходит к нему человек в летней майке, в очках, хлопает его по плечу;

— Жарко. Ты б, старик, тулуп снял.

А Иван Кузьмич совсем как во сне:

— Ничего, — говорит, — вот проснусь и не будет жарко.

Человек хохочет над ним.

И другой, помоложе и также в майке, подходит, смотрит на Ивана Кузьмича.

— Ты, — спрашивают его, — заблудился или по делу к нам?

Иван Кузьмич свое заладил:

— Я сплю. Погодите, проснусь — вот тогда поговорим.

Те на него напустились:

— Да ты что, с ума спятил, что ли?

Приходит в себя Иван Кузьмич, оглядывается, вспоминает, как шел, как из Павловки выехал, ощупывает себя.

Нет, не похоже, что спит.

Сам признался:

— Я решить не могу: во сне все это со мной происходит или действительно чудо?

А человек в очках отвечает:

— И чуда никакого нет, и спать ты не собираешься.

— Тогда, — произносит Иван Кузьмич, — не помутился ли у меня разум? Правда ли, что сейчас зима лютая и мороз носы отмораживает?

Человек в очках открыл дверь. Увидел Иван Кузьмич: степь в снегу, ветер в снежки играет, хлопьями снежными плюется, мороз по земле шагает.

Зима!

Повернул голову в обратную сторону — лето! Зелень на грядках.

Одно только и соображает Иван Кузьмич: была гора снегом покрыта, вошел он в гору, а в горе — лето.

Жарко ему.

— Ты бы, — говорит ему человеке очках, — разделся.

Стал Иван Кузьмич раздеваться. Тулуп скинул, шапку с головы стащил, варежки на пол бросил.

Ногам жарко.

Он и валенки снял.

Жарко!

Иван Кузьмич пиджак скинул.

И все-таки жарко ему!

Он и рубаху долой.

Ну, теперь ничего.

Лето — как лето.

Пришел он немного в себя, осматривается, куда попал.

Стоит на пороге огромной стеклянной залы. И стены и потолок—все из стекла. А за стеклами снег виден. Лежит снег на стеклянной крыше, облепил он стеклянные стены.

За стеклом — стужа, зима, ветер. А здесь — лето. Куда ни глянет — грядки и грядки.

Блестит стеклянная перегородка, а за перегородкой—другая зала, и там — грядки.

Капуста! Редис! Лук молодой зеленый! Салат кудрявый! Огурцы!..

Лучатся электрические лампы.

А вдоль стен, словно паутина, натянуты провода.

Деревянные столбы подпирают высокую стеклянную крышу.

Ползут провода и по столбам от грядок до самой крыши.

А иные провода в землю уходят — под грядки: ползут в красные глиняные трубы.

Трубы из-под грядок высовываются.

И такая жара, что хорошо бы. сейчас в студеную речку бултыхнуться, освежится.

Пот с него льется. Люди перед Иваном Кузьмичом в одних майках и трусах.

А за стеклянными стенами — снег, выюга снежная...

В-в в-в-в-в-в-в-в-в... — воет выюга, ворошит поля, метет сугробы. .

Что еще случилось с Иваном Кузьмичом и что он увидел

Смотрят на деда летние люди, улыбаются:

— Ты, может, дедушка, закусить хочешь?
Дед кивнул головой.

— Эй, — сказал старший, на носу которого важно сидели очки, — принести сюда свежие помидоры, лук, да салат, да красный редис — самый лучший!

И действительно, дед ахнуть не успел, как второй человек, помоложе очкастого, тащит ему свежие помидоры краснейшие, молодой лук. Сам не заметил, как в рот сунул, а уж молодая редиска хрустит под старыми его зубами.

И вдруг говорят ему:

— Мы, дедушка, сейчас свежих грибов нажарим.

Тут наконец дед заговорил.

Прежде всего сказал он вот что:

— Этого быть не может!
— Как не может? Сколько угодно!
— Да что ж это такое? — закричал дед. — Где ж это видано, чтоб свежие грибы в середине зимы росли? Да и лесов у вас нет!

— У нас, дедушку, все есть. Пойдем, что ли, по грибы?

— По грибы, — отвечает Иван Кузьмич, — и летом в степях не ходят, а в середине зимы тем более.

И все-таки пошел дед по грибы.

— Одевайся, — говорят ему.

Оделся Иван Кузьмич. Надел пиджак, валенки, тулуп, шапку. Видит, и новые знакомые его — человек в очках и помощник его, паренек — теплые пальто надевают.

Оделись, пошли. Прошли стеклянный зал с зелеными грядками, вышли наружу. Снег, Ветер. Вьюга. Мороз.

Так их ледяным ветром и обдало. Хорошо, что оделись.

Подходят к какому-то холму снежному, в нем дверь находят. Отпирают дверь, входят внутрь.

И очутился Иван Кузьмич на поливке. Вокруг грибов видимо-невидимо.

И полянка необыкновенная — в два этажа. Внизу грибы, а над ними — еще грибы.

Теплой сыростью пахнуло на деда, как в лесу, когда за грибами пойдешь летом.

Голова кружится от удивления. А ему говорят:

— Собирай грибы, жарить будем.

Дед — к полянке. Рванул гриб, другой, третий.

Хороши грибы. Один в один. И все — шампиньоны. Самые вкусные!

«Теперь, — рассуждает Иван Кузьмич, — одного чуда только и жду: чтобы грибы сами собой жариться стали».

Вернулись в стеклянный зал, разделись, сели в углу. Притащил паренек плитку, из металлических пластинок сложенную, и вся она не больше буквarya обыкновенного. От плитки шнур белый тянется, а на плитке сковорода. Грибы — на сковороду. Масла кусок — туда же. Заверещала плита. Зашипело масло. Заворчали грибы. И воздух стал таким, что еще больше есть захотелось.

Сидит Иван Кузьмич, слушает, как за спиной у него снежная вьюга воет. Ему — ничего.

Стал к людям приглядываться.

Их всего двое — высокий в очках и паренек, помощник его. Познакомились.

— Я, — говорит Иван Кузьмич, — понаслышался о чудесах на острове. Пришел посмотреть. Шел по острову — выюга, снег. Я с дороги сбился. Гору снежную увидел. Слыши — стучит в горе. Вот и попал к вам.

— Мы гостям рады, — улыбается паренек.

— Кто ж вы такие? — спрашивает Иван Кузьмич.

— Я — Михайлов, агроном.

— А я — Степан, техник по электрической части.

Михайлов видит, что трудно старику разобраться во всем.

Принимается объяснять.

— Ты на парниковых рамках работал?

— Работал.

— Рассаду выращивал?

— Ох, беда, голубчик, с рассадой. Немыслимо теперь. Совсем замучились. Столько навозу надо, а взять неоткуда. Нехватает. Лошадей мало стало. Да и возить его дорого.

— Ну вот, мы рассаду без навоза выращиваем.

— Не может быть!

— Может. Нашу рассаду не навоз согревает, — электричество! Какую погоду хотим, такую и делаем. За два месяца три урожая рассады снимаем. У нас и зимой овощи растут. Пускай себе за стеной выюга, снег, зима. Мы сами делаем лето. На нас Днепр работает. Он электричество нам дает!

Заволновался Иван Кузьмич:

— Да мне как быть? Как же мне рассаду-то получать?

— А вот слушай. Строим мы теперь на нашем острове много таких стеклянных сараев. Мы будем электричеством рассаду разводить. Всех можем нашей электрической рассадой, снабжать. Все колхозы, все совхозы, все артели!

— А грибы? — спрашивает дед. — Насчет грибов — совсем непонятно. Как это так, чтоб зимой грибы росли?

— Да так же. Мы для грибов темный сарай строим, сверху землей его закрываем, а внутри электрическую проводку натягиваем по стенам. Какое для грибов тепло нужно, то и делаем. Каждый день — новый урожай грибов!

Сидит Иван Кузьмич, жует свежий лучок с жареными грибами, потянулся и к помидору. Крупный помидор, сочный.

— Хороши помидоры у вас, друзья.

— Ты наших помидоров еще не видел. Может, посмотришь?

Пошли помидоры смотреть. Приходят в стеклянный зал, а там под самую крышу высокие деревья растут.

Оглядывается дед.

— Где же тут кустики помидоров?

— Кустиков нет, Иван Кузьмич. Ты наверх голову задирай.

Во где помидоры!

Посмотрел — непонятное растение перед ним, в три человеческих роста, вьется вокруг палки. Не дерево это высокое, а помидоры так вытянулось. И плоды облепили растение, которое он за высокое дерево принял.

Вот так помидоры!

Пригляделся дед — видит, над каждым «деревом помидорным» большая электрическая лампа висит.

Михайлов и спрашивает его:

— Лампу видишь?

— Вижу.

— Свет растению нужен. Дневного света не хватает ему. Мы ему день длиннее делаем, поэтому оно и вырастает у нас таким высоким. Понятно?

Кряхтит дед.

Побыл дед Иван Кузьмич в гостях у островитян, насмотрелся чудес и домой отправился.

Снова ему через мост идти, на плотину смотреть, на гидростанцию, где электрическая сила вырабатывается.

Через день он и дома был.

Додумались старики

Приезжает домой, встречает его Никита Федорович:

— Здравствуй.

— Здравствуй.

— Где был? Что видел?

— Ни далеко, ни близко. Был в жарких странах!

— Что ты чушь несешь, Иван Кузьмич?

— Верно говорю—в жарких странах был. Очень, тепло было вчера. Рубаху — и ту стащил с себя. А как стали свежие грибы поджаривать — вовсе вспотел.

Никита Федорович со страху попятился.

— Голубчик, Иван Кузьмич, да что твой язык мелет? Или болен ты? Или горячка у тебя? Зима на дворе, мороз лютый, а ты про свежие грибы толкуешь!

Полез Иван Кузьмич за пазуху, вытащил платочек, развернул, а в платочке свежие грибы лежат.

У Никиты Федоровича рот так и остался открытым.

— Я, — говорит Иван Кузьмич, — высокое дерево видел. Троим таким, как я, друг на дружку стать надо, чтоб верхушки достать. А на дереве том помидоры растут.

— Помидоры на дереве? Иван Кузьмич, не может этого быть!

— Ах может. Говорю — сам видел!

Тут он ему все и рассказал.

Сидят старики, судачат, руками разводят, диву даются.

— А что, — спохватывается вдруг Иван Кузьмич, — хорошо ведь, пожалуй, что нас с острова переселили.

— Хорошо.

— Ведь это, Никита Федорович, с навозом больше в артели мучаться не будут?

— Не будут.

— Ведь это и зимой овощи получать можно и в город возить — продавать, да и себе оставлять.

— А все — электричество!

— Да уж действительно!

— Вот именно!

И пошли:

— Ну-ну!

— Так-так!

А на другой день появились они в артели.

— Здравствуйте, друзья.

— Здравствуйте, старички «не может быть».

— Что делаете? — спрашивают Никита Федорович да Иван Кузьмич.

Им и отвечают в артели:

— На удивленье вам о разных вещах хлопочем.

Улыбается Иван Кузьмич, не выдает, что все понимает.

— Ты, Иван Кузьмич, не смейся. Наша артель электроангар строит. Электрическая сила по проводам до нашей артели уже дошла. Мы с этой силой чудеса делать будем: лето — зимой, да растения такие станем выращивать, что и в жизни ты не видал! А навозу больше не надо нам!

Видят старики — дело серьезное. Не говорят уже «не может быть».

А говорят они вот что.

— Мы — говорят, — раздумали. Мы теперь обратно в артель проситься хотим!

В артели ушам своим не верят. Как! своевольные, упрямые старики пришли обратно в артель проситься?

Не может быть!

Ну, как же не может, когда все это — правда!

Я сам у Ивана Кузьмича в артели его гостила. Зимой в гости к нему приехал. Холодно было, снег кругом, а мы с ним по грибы ходили да жарили.

Он меня свежей редиской угощал.

Зимой лето делает Иван Кузьмич.

Третье путешествие Ивана Кузьмича

Живут Иван Кузьмич и Никита Федорович по-новому. Живут, работают и смотрят, что па свете делается.

Куда ни взглянут, электрическая сила действует. И народ вокруг говорит: это Днепр-река электрическую силу дает. Ивану Кузьмичу до всего дела. А Никите Федоровичу все равно. Иван Кузьмич поработает, поработает и задумается: «Как же это Днепр-река электрическую силу дает?»

А Никита Федорович поработает, поработает и — спать завалится.

Попробует Иван Кузьмич с Никитой Федоровичем серьезный разговор завести. Скажет ему:

— Ну-ну, Никита Федорович.

А Никита Федорович ответит:

— Так-так, Иван Кузьмич.

И каждый при своем мнении останется.

Не вытерпел дед Иван Кузьмич и говорит деду Никите Федоровичу:

— Не интересно мне с тобой так разговаривать. Желаю узнать, как Днепр-река электрическую силу дает.

Попрощался с Никитой Федоровичем и двинулся в путь-дорогу. Идти ему ни далеко, ни близко, ни легко, ни трудно, ни долго, ни быстро.

Идет Иван Кузьмич по полю и видит — два человека руками размахивают.

— О чем спор ведете? — спрашивает у них Иван Кузьмич.

— Да вот; — отвечает один, — спорим о том, сколько сегодня земли вспахать. Я говорю: столько, сколько глаз видит. Больше нельзя. А он говорит — больше можно: сколько глаз видит, да еще полстолько.

Удивляется Иван Кузьмич:

— Столько и за месяц вспахать невозможно. А у вас и плуга не видно здесь.

— Наш плуг пашет. На нём Семен-плугатарь сидит. Очень далеко уехал. Вот там он. Сейчас обратно прибудет.

Смотрит Иван Кузьмич, куда человек рукой показывает. У самого края поля что-то похожее на плуг двигается. Далеко только. Не разглядеть.

Ничего не успел подумать Иван Кузьмич, как плуг ближе подъехал. Сам собой движется. Ни лошади у него, ни трактора.

Вот так плуг! Зверем быстрым несется по полю.

— Не может быть! — закричал Иван Кузьмич.

А плуг прямо на него идет, поворачивает и вновь вдаль летит, в землю врезается, пласти поднимает, ворочает, как кашу мешает.

— Что за чудо-плуг? — спрашивает Иван Кузьмич.

Спорщики отвечают ому:

— Плуг наш собственный. Его да мой, Степана да Ивана, Семена да Петра, — всех не сочтешь до утра. А действует в нем электрическая силища. Электрическую силищу нам Днепр-река по

проводам посыпает. Тут она к нам и попадает. Распалился Иван Кузьмич:

— Не могу больше терпеть! Желаю узнать, как это Днепр-река электрическую силу дает.

И дальше пошел.

Какие еще чудеса по дороге встретил

Не заметил дед, как до железной дороги дошел. Споткнулся о рельсы и упал. Хорошо — нос цел остался.

Только вскочил, но рельсам поезд несется. Вагонов в поезде сто. А паровоза нет.

Разинул рот Иван Кузьмич, а поезд «ж-ж-ж-ж-ж-ж» и пролетел мимо.

Постоял дед, почесал затылок и опять зашагал.

Шел, шел и дошел до места, где такие поезда останавливаются. Был в этом мосте железный мост. Поезд прямо на мост взошел, тут и остановился. Зашатались вагоны и стали набок клониться.

— Падают! —заорал Иван Кузьмич.

Но вагоны не падали. У этих вагонов не было крыши. Это были открытые вагоны, и в каждом из них лежало много руды железного камня. Привезли вагоны железный камень и сами стали с себя его сбрасывать.

Сбросили с моста красную руду — камень железный, выпрямились и сами собой с моста по рельсам назад покатились.

«Что же это такое? — думает Иван Кузьмич. — Сами вагоны по рельсам катятся! Сами с себя железный камень сбрасывают!»

Хотел сказать: «Не может быть», да некому было, а себе сказать — стыдно. Так и промолчал.

Пошел Иван Кузьмич под мост, где железный камень горой лежал.

Под мостом — другая железная дорога. Катится по рельсам большой вагон. Не вагон, а вагонище. Сам собой катится. К груде железного камня подкатывает. Где ему надо, там и останавливается.

Откуда ни возьмись, спускается сверху лопата. Не лопата лопатища. И никто ту лопату не держит, и никому ту лопатищу в руках не удержать. Подхватывает лопатища столько железного камня, сколько только в вагон поместиться может, и к самому вагону несет. Тут вагон сам собой раскрывается и с лопаты железный камень в себя тянет.

Как взял — закрылся и по рельсам ни далеко, ни близко покатился.

Бросился бежать дед, куда глаза глядят. Страшно стало. Сто шагов пробежал — на живого человека наткнулся.

— Стой, дед, куда бежишь?

— От страшных вещей бегу. — говорит дед.

И рассказывает ему, каких страстей насмотрелся.

— Ничего, — отвечает человек, — страшного нет.

Электрическая сила вагоны без паровоза катит. Электрическая сила вагоны от железного камня освобождает. Электрическая сила великую лопатищу работать заставляет. А зачем железный камень нужен, пойдем, покажу.

И подводит Ивана Кузьмича к дорожке. Па дорожке скамейка стоит. Садится на скамейку и Ивана Кузьмича приглашает.

— Идем, — говорит, — я покажу тебе.

— Да зачем же, — удивляется Иван Кузьмич, — садиться нам, когда нам идти надо?

— А мы так вот сидя и пойдем.

Взял деда за руку и усадил. И только усадил, дорожка сама собой с места двинулась и понесла с ними скамейку вперед. Так они сиднями сидя и шли.

Не успел Иван Кузьмич испугаться, как дорожка остановилась у высокой башни. Не башня это, а огромная печь. Внизу железные двери в ней закрыты, а с самого верха наклонный мост спускается. По мосту — рельсы, а по рельсам вагон катится. Над верхом сам собой останавливается, сам собой раскрывается и в великую печь железный камень валит.

Другой вагон поднимается черный уголь бросает. Сделают вагоны свое дело и назад поедут — черный уголь в себя принимать, красную руду на себе тащить.

Ни минуты покоя нет у вагонов. Хорошие работники.

Стоят у железных ворот люди и на ворота посматривают.

Вдруг раздается звон неслыханный. Распахиваются в великой башне ворота, и выливается через ворота огненная река. Синие пары над ней вьются, золотое сияние вокруг расходится.

Для огненной реки путь готов. По готовому пути катится река и в громадные чаши надает. Наполнится чаша огненной жидкостью и поднимется на воздух, понесется куда-то, а на ее месте другая стоит.

А люди только командуют всем: нажмут кнопку — подлетает пустая чаша, нажмут другую — поднимается чаша па воздух, нажмут третью — новая чаша из-под земли выскакивает.

А человек, который Ивана Кузьмича сюда на железной дорожке привез, смотрит да приговаривает:

— Славный чугун будет. Славный чугун из огненной жидкости выйдет. А мы из чугуна сталь сварим. А мы из стали машин настроим. Одним машинам в небе летать. Другим машинам по земле возить. Третьим машинам на морское дно опускаться. А

прочим всем на нас работать, — на меня, на тебя на него да на них — на всех хозяев своих.

Услышал эти слова другой человек и подсказывает:

— А кому за все — спасибо? Электрической силе. Днепр-реке спасибо, что электрическую силу дает нам.

Спохватился тут Иван Кузьмич.

— Прощайте, — говорит, — друзья. Мне спешить надо. Желаю узнать, как это Днепр-река электрическую силу дает.

И дальше пошел.

Как дед сто великанов встретил

Пришел дед в город.

Стоит город, и все дома в нем разными красками раскрашены.

Остановился дед — не знает, куда ему дальше идти.

Подходит к нему девочка и спрашивает:

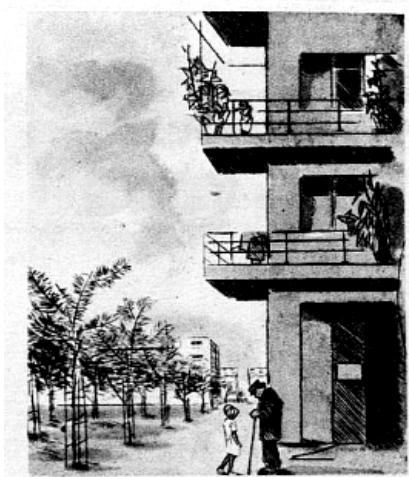
— О чем, старичок, задумался?

— О том думаю, — отвечает дед, — как мне туда пройти, где

Днепр-река электрическую силу дает.

— Заверни, дед, за угол — синий дом увидишь. За другой угол пойдешь — зеленый дом будет. Дальше пройдешь — красный дом найдешь. Оттуда и поведет тебя Прямая дорога.

Завернул дед за угол — синий дом увидел. За другой пошел — зеленый дом нашел. Дальше прошел — и до красного дома дошел.

Оттуда Прямая дорога сама повела его.

Шел он ни далеко, ни близко, ни легко, ни трудно, ни долго, ни быстро.

Дошел дед до знаменитой Днепр-реки.

Ревет перед ним Днепр-река. Посредине чудесная стена ее поперек перегораживает. От самого дна поднимается — реку собой подпирает. На стене сорок семь башен. На башнях — широкая дорога висит, а между башнями через чудесную стену вода сверху вниз валится — водопады сверкают. Ступил дед на висячую дорогу и смотрит. Идет пароход издалека — белый весь, а труба красная, и из трубы чернейший дым вылетает.

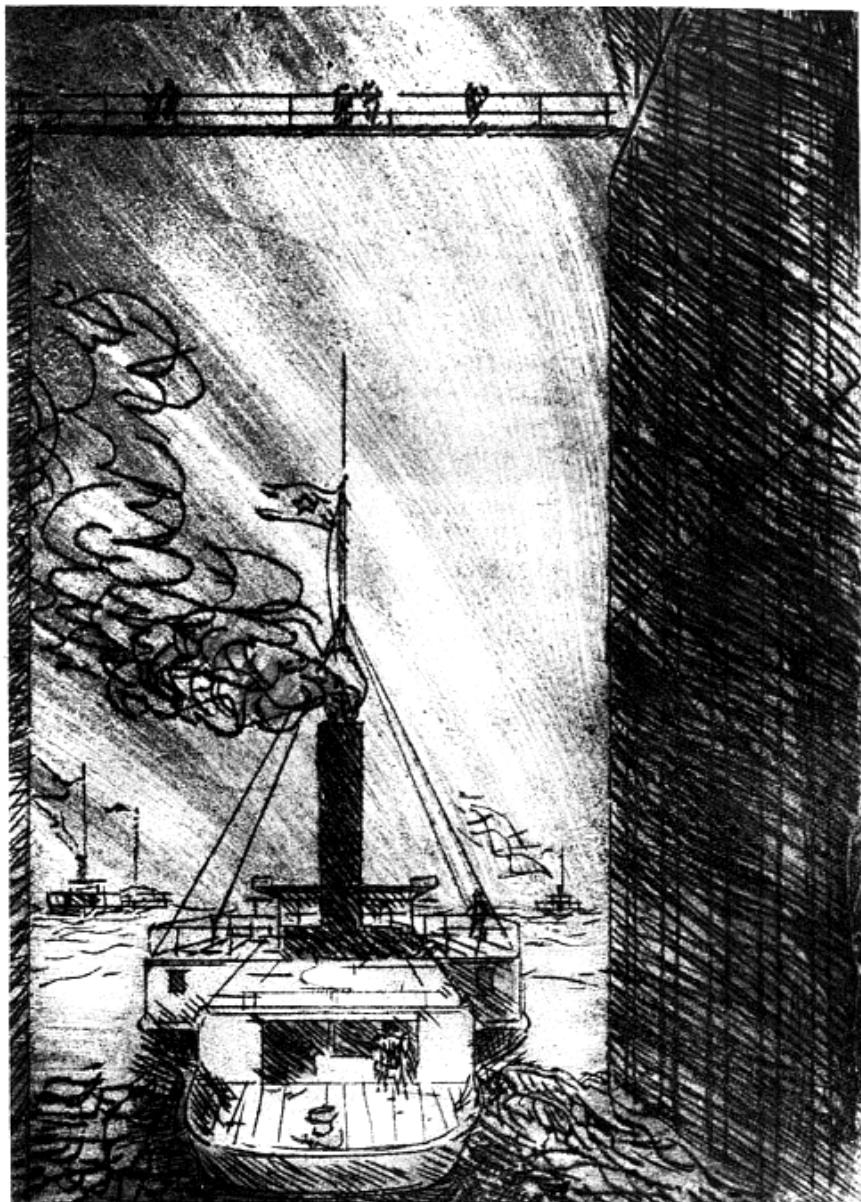
«Так, — думает Иван Кузьмич. — Куда тебя, глупый пароход, несет? Днепр-река стеной перегорожена. Не проплыть тебе, пароход!»

Видят дед — подходит пароход к самой стене. И вдруг открываются в степе ворота, и льется вода сверху вниз. Подождал пароход, пока стало вровень воды, и прошел через ворота. А ворота за ним сами собой закрылись. Стоит пароход меж четырех стен, и перед ним вторые ворота сами собой открываются. Опять льется вода сверху вниз. А как стало вровень воды, прошел пароход и через вторые ворота. Остановился перед третьими, а вторые сами собой закрылись. Открываются сами собой третьи ворота, и в третий раз сверху вниз вода льется.

Смотрит дед — прямо под ним стоит пароход. Опять стало вровень воды, и в третий ворога прошел пароход. Как по лестнице водяной, сверху вниз спустился. Загудел, засвистел, красными колесами по воде зашлепал и пошел, куда его капитан по Днепр-реке повел.

Подивился дед и побрел по висячей дороге па берег. По одну руку Днепр-река высоко-высоко, а по другую низко-низко.

А посредине великие водопады шумят.

Шел, шел дед и пришел на другой берег.

Ступил на землю, прошел немного, и выросли перед ним—
нимало, ни много — сто стальных великанов.

Плечами высокими провода несут.

У каждого на груди человеческий череп нарисован. Под
черепом человеческие кости крест-накрест сложены, и написано
страшное слово: «Смертельно».

У Ивана Кузьмича помутилось перед глазами. Тут подходит к

нему военный человек и задает
строгий вопрос:

— Что ты тут, дед,
делаешь? Чего ты тут, дед, стал?
Кто ты, дед, и откуда?

Рассказал ему дед, кто он да
как он до ста великанов дошел.
Выслушал его военный человек и
говорит:

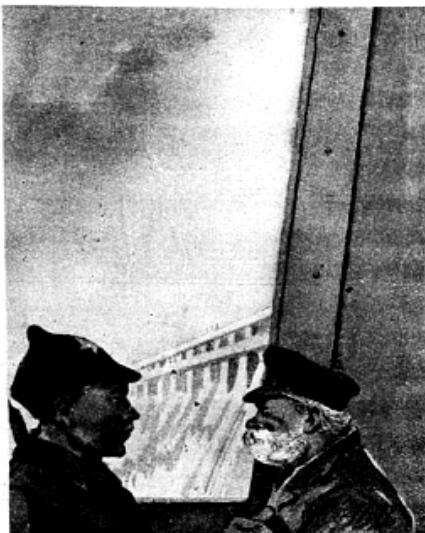
— Ничего тебе
великаны не сделают. Только не
дотрагивайся до них. А
дотронешься — смерть примешь.

Вынимает военный человек
из кармана железный знак,

надевает его на руку деду и говорит:

— Даю тебе этот знак. На него посмотрят — пропустят тебя.
А обратно пойдёшь — мне этот знак вернешь. Смотри, не потеряй
только. Где хочешь ходи, а как до девяти ступенек дойдешь, назад
поворачивай.

Поблагодарил дед военного человека и пошел смотреть, как
Днепр-река электрическую силу дает.

Как дед в подводное царство попал и на гигант-рыбе ездил

Видит в чудной стене девять решеток больших. В решетки Днепр-река падает. А внизу, под самой стеной, стеклянное здание высится. Мимо деда люди идут. Останавливает дед одного и спрашивает:

— Человек-человек, зачем Днепр-реку в девять решеток вгоняете?

— Затем, чтобы работал. — говорит человек. — Через решетки Днепр-река в трубу попадает. Идет труба сверху вниз, с большой высоты. Но ней вода надает. Со всей силой летит. На колеса наваливается. Глубоко там колеса вертятся, машины-турбины двигают. Машины-турбины трудятся — электрическую силу дают. Не будет Днепр-река сверху падать, — не будут колеса вертеться. А не будут колеса, вертеться, — не будут машины-

турбины трудиться. А не будут машины-турбины трудиться — не будет электрическая сила по проводам растекаться. Оттого и заставили Днепр-реку сверху вниз падать. В девять труб попадает. Девять колес вертят. Девять машин-турбин трудятся.

Стал дед по лестнице спускаться. Тысяча ступенек в ней или чуть-чуть только поменьше. Очень долго спускался Иван

Кузьмич. Опустился он в Главный Прозрачный зал. Пол под ногами блестит, стены блестят, потолка не видно. Вместо потолка — сияние разливается. Девять кругов в зале, и в каждом круге машина-турбина стоит — неприступной башней возвышается, тринадцатью лапами в пол упирается. А туловище машины-турбины в глубоких подземельях замуровано.

Над машинами-турбинами начальники начальствуют. Видят начальники железный знак у Ивана Кузьмича. Поздоровались с дедом:

— Здравствуй, товарищ дед. Смотри на наши машины-турбины. На всем свете таких не сыщешь. Что девяносто тысяч здоровых лошадей потянут, то одна наша машина возьмет.

Стал дед считать, сколько же это будет — девять на девяносто тысяч? Потел, потел, а сосчитать не сумел. Ужас, как трудно!

Вышел дед из Главного Прозрачного зала. Перед ним плотина вверх поднимается, Днепр-реку подпирает. Сорок семь водопадов через нее сверху вниз валятся. Не заметил Иван Кузьмич, как очутился у тайного входа: вниз девять ступенек ведут. Сошел по ступенькам вниз. Выскочил из его памяти запрет военного человека. Идет под низким сводом. Впереди ход длинный тянется. Вот он какой — дед Иван Кузьмич! Шаг ступил, два ступил, сто шагов прошагал — и не видно стало, откуда пришел он. Идет и идет. Стены темные, и холодом от них веет. А над головой шум великий.

Устал дед. Нет у него сил ноги тащить. И в голове звон звонит. И уж не помнит Иван Кузьмич, давно или нет он в ход этот темный попал. Нашел у стены камень, присел отдохнуть.

Отдыхает и думает: сколько будет девять на девяносто тысяч помножить? И вдруг чувствует — шевелится под ним камень. Оказывается, не на камень сел, а на гигант-рыбу.

Гигант-рыба воздухом дышит, плавниками ворочает и подводным голосом спрашивает у деда:

— Ты как в мой дом, дед, попал?

У Ивана Кузьмича язык от страха отнялся. Ничего гигант-рыбе ответить не может. Чувствует — несет его гигант-рыба по темному ходу в неведомое пространство. Выносит его гигант-рыба в подводное царство, в донное государство. Въезжает Иван Кузьмич верхом на гигант-рыбе на самое дно Днепр-реки. Стоят на речном дне избы. Стоит село безлюдное. Рыбы через окна в дома вплывают. А перед домами деревья растут. Листья на них опали. И меж черных ветвей стайки рыбешек играют.

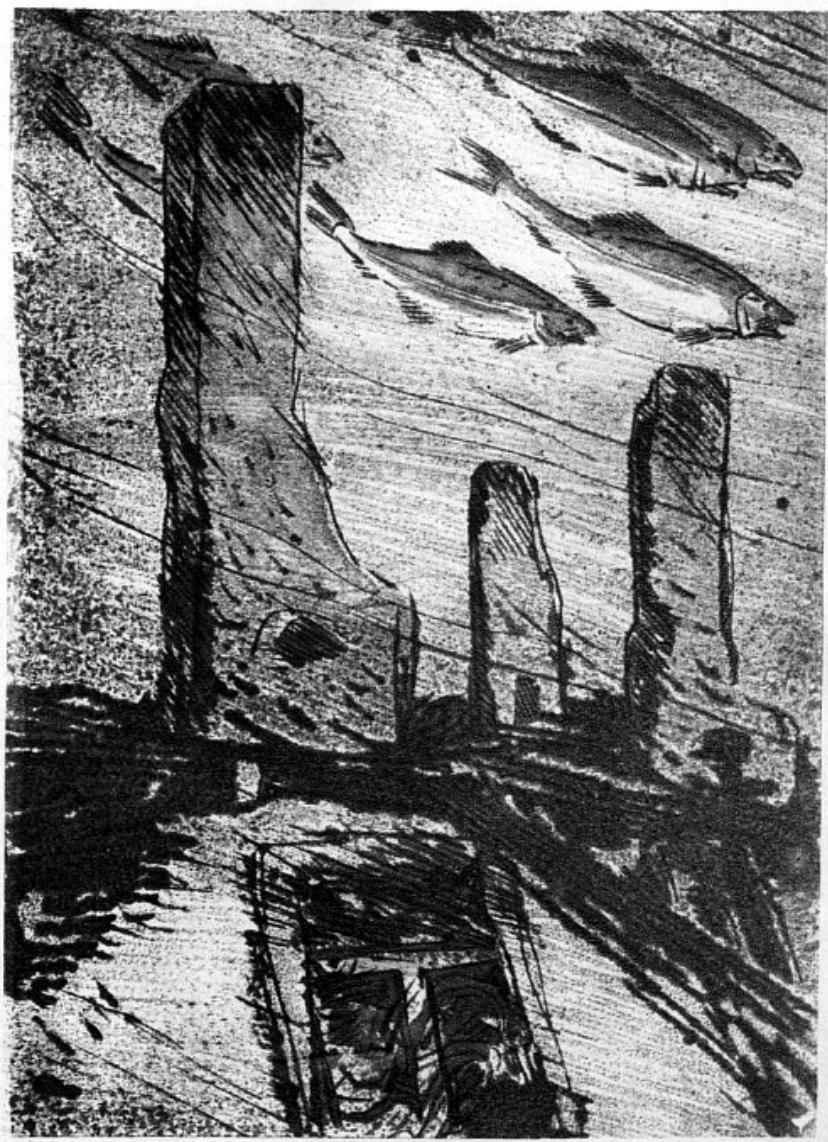
Узнал дед старую Павловку. Вот и Ивана Кузьмича избушка —покосилась вся, крышу водой размыло. Рядом лопата валяется, которой Иван Кузьмич на огороде грядки копал.

Зашемило на сердце у Ивана Кузьмича. Захотелось в родную избу войти. И только захотелось ему, высунулся вдруг из окошка усатый сом, зашевелил усищами, разинул пасть и деда проглотить собрался. Закричал Иван Кузьмич, что было сил, и ... проснулся.

Гигант-рыбы никакой нет. Сидит он на камне в неведомом ходе, и над головой его низкие своды темнеют. Наверху, у самого потолка, махонькое окошко виднеется, и к нему лестничка по стоне идет.

Полез дед по лестничке в окошко смотреть. Что увидел — сказать невозможно: водопад над самой своей головой. Все понял Иван Кузьмич: попал он под самую Днепр-реку. Вспомнил запрет военного человека, да поздно. Как выбраться, не знает. Откуда шел, припомнить не может: в обе стороны конца-ходу не видно. А в какую сторону идти, не известно.

Заплакал Иван Кузьмич. Стоит и плачет — борода мокрой сделалась. Плачет, плачет и слышит—шаги людские. Идут по

холодному ходу три человека. Видят, стоит дед и плачет. Подходят к нему и удивляются:

— Что ты тут, дед, делаешь?

— Люди добрые! — закричал Иван Кузьмич. — Не знаю я, как отсюда на свет дневной выбраться. Заблудился я в страшном ходе. Забыл запрет военного человека.

Взяли его за руки и пошли с ним по холодному ходу. Шли, шли и подошли, наконец, к выходу. Очутился дед на том берегу, где раскрашенный город стоит. А Стеклянное Здание с Главным Прозрачным залом, в котором машины-турбины трудятся, на другом берегу виднеется.

Себе самому не поверил дед, как это он под рекой с берега на берег прошел.

Стал он прощаться со спасителями своими, хочет от выхода прочь идти.

А тут часовой стоит и железный знак спрашивает.

— Где твой знак, гражданин, что разрешалось тебе ходить по здешним местам?

Хватился дед — нет железного знака. Часовой — строгий человек.

— Я тебя, гражданин, должен арестовать, — говорит. — Может, ты тайно в подземный ход залез. Может, ты портить нам вздумал.

«Ох, — думает Иван Кузьмич, — одну беду минуешь, а в другую попадешь».

Чем вся эта история кончается

Повели деда опять на тот берег, где ему военный человек железный знак дал. Приводят к военному человеку и рассказывают:

— Так и так. Нашли в подводном ходе этого деда. Знака при нем нет. Зачем ходил, не известно.

Посмотрел на него военный человек, узнал, рассмеялся.

— Где же твой знак? — спрашивает.

Нет знака!

Потерял его дед.

А военный из своего кармана знак вытаскивает:

— Вот он. Нашли знак, который ты потерял. Мы без знака пускать не можем. Нам охранять надо. Самая большая на свете гидроэлектрическая станция —наша Днепровская, и имя ей присвоено самого большого человека на свете. Это—говорит, — имени Владимира Ильича Ленина станция. Понял, дед?

— Все понял, — кивает головой Иван Кузьмич. — Одного не пойму: сколько это девять на девяносто тысяч будет?

— Это, — отвечает военный человек, — давно сосчитали.

Восемьсот десять тысяч!

Отпустил он деда Ивана Кузьмича.

Отправился дед домой.

Идти ему ни далеко, ни близко, ни легко, ни трудно, ни долго, ни быстро.

Шел, шел и пришел.

Встречает его Никита Федорович.

— Здравствуй, Никита Федорович.

— Здравствуй, Иван Кузьмич. Где был, что видел?

— Ох, — говорит Иван Кузьмич, — все видел. У меня под ногами пароход по лестнице шел. А ступеньки у лестницы — из воды.

— Врешь, Иван Кузьмич, этого быть не может.

— У меня, Никита Федорович, Днепр-река над головой была.

— Во второй раз скажу тебе, Иван Кузьмич, неправду ты говоришь.

- Я, Никита Федорович, на скамье сиднем сидя ходил.
- У тебя, Иван Кузьмич, ум за разум зашел. Не пойму я тебя.
- Я, Никита Федорович, знаю, сколько девять раз по девяносто тысяч будет.
- Этого, — отвечает Никита Федорович, — и знать невозможно.
- Рассердился Иван Кузьмич.
- Ты, — говорит, — если не веришь мне, спроси у тех, кто эту сказку прочел.

Очерки

1. ГЛАЗАМИ КИРГИЗА

Несколько раз Тарфуто-Гаин окликала своего мужа, главу коша — Ильтабана. Ильтабан не слышал обращенных к нему слов. Щуря узкие, косо поставленные глаза, окруженные путаной сетью мельчайших морщин, он напряженно вглядывался в даль — туда, куда медленно, поскрипывая, тащились его арбы. За арбами, которых было всего три, останавливаясь и пощипывая сухой прошлогодний ковыль, шли коротконогие лошади, крошечный табунок.

В годы, когда «русы» затеяли эту войну между собой, много скота погибло. Часть пала. На беду засуха лишила скот корма, множество лошадей заколото было на мясо, а еще больше военные позабирали. Военные пришли с востока, из Сибири. Ильтабан не раз видел их генералов с золотыми штучками на плечах. Вот в те годы и не стало у Ильтабана его табуна. Только и осталось, что десяток голов. Ильтабан с весны покидает зимний кош — продымяленную землянку в ложбине, собирает свой табунок,

грузит хозяйское добро на арбы, усаживает на одну из них жену Тарфуто-Гайн с сыновьями Мендром, Гыдыбом, Тунгатаром и дочерью Маулидой и отправляется в привычное кочевье.

Ильтабан хорошо знает эти места.

Там, к западу, ближе к Урал-Тау, в Троицком крае еще при дедах самого Ильтабана пришли «русы» — казаки, захватили киргизские земли, стали теснить киргизов к востоку. Особенно в годы войны казаки обижали киргизов. Но вот несколько лет уже воцарилось спокойствие. Никто киргизов не трогает, можно и на базары ездить спокойно. Два года назад Ильтабан доходил почти до горы Магнитной, три недели стоял там кошом и в станицу ходил — торговал, выменивал у казачек что надо, остался доволен. Решил и теперь побывать в станице и у Магнитной постоять кошом. Корм там сочный, хороший: рядом река Урал, а если к востоку идти — сушь, безводье.

Зоркий глаз Ильтабана уже заприметил горбатый хребет Магнитной. Хорошо знакомы были ему очертанья горы, и не она заставляла его взволнованно вглядываться вдаль. Так загляделся Ильтабан, что не слышал оклика жены Тарфуто-Гайн. Старая киргизка, удивленная молчанием мужа, испуганно тронула его за локоть. С трудом оторвав глаза от занимавших его точек на горизонте, Ильтабан указал на них Тарфуто-Гайн. Посмотрев туда, куда указывала рука мужа, она разглядела странные, едва приметные на горизонте предметы, ни па что не похожие. Ильтабан протер рукавом запыленные глаза. Он хорошо знал, что здесь, в этих местах, степь голая, человеческого жилья быть не должно. Но разве ему не могло показаться? Воздух в степи обманчив. Или это шутки шайтана? Так Ильтабан скажет молитву против этих затей!

Киргиз Ильтабан

И сухие тонкие губы кочевника скороговоркой зашептали молитву против наважденья.

Он снова протер глаза. Нет, шайтан тут ни при чем. Вот и Тарфуто-Гайн уже видит то же, что и Ильтабан. Какие-то черные штуки там, вдали, тянутся кверху и даже передвигаются. Один, два, три, четыре — Ильтабану не сосчитать — много, много дымков вьется у подножия горы Магнитной. Однако что это?

Дымки бегают, переносятся с места на место...

Но дальше, дальше... Он уже различает крыши никогда не виданных здесь домов. Он с изумлением рассматривает воткнутые в землю, в ряд выстроенные телеграфные столбы, он вздрагивает, заслышив незнакомый гудок автомобиля.

Мендиар, Туагатар, Маулида подняли на арбе невообразимую возню, кричали, перебивали друг друга, протягивали руки туда, откуда росла и как бы надвигалась на них поразительная картина. Все загляделись на открывшуюся перед ними панораму, которую они увидели впервые в жизни.

2. ТАК НАЧИНАЕТСЯ ГОРОД

Оставим на некоторое время Ильтабана и его семейство. Оставим их разглядывать то, что выросло перед их глазами. Попробуем представить себе то, что увидел бы Ильтабан, не бывавший в этих местах два года, если бы он не пропустил минувшего лета и приковывал со своим кошом к горе Магнитной

приблизительно к концу июня, даже точно — тридцатого июня прошлого года.

Конечно, если бы Ильтабан не ушел на кочевые в противоположную сторону в прошлом году, то и до него дошли бы слухи, вззволновавшие весь край и на восток, и на запад.

На запад шел слух — к башкирским аулам, в глухие деревеньки в ущельях

Уральских гор, доходил до деревянных гнилых хижин, над которыми неизменно господствует восьмигранная, из досок сбитая башенка минарета. На восток шел слух — к киргизским кошам, в тысячекилометровую степь. А вблизи горы волновались станицы — гнезда потомков яицкого казачества, до сих пор жившие вне общей жизни страны на тихих берегах реки Урала, или, как называлась она в старину, при Пугачеве — Яик.

Рассказывали о великих переменах на яицких берегах, о невиданном нашествии людей «из России» в ковыльную степь Троицкого края. Шел, наконец, слух, что проведут через степь «машинную дорогу» и что будто бы 30 июня дорогу эту откроют.

И вот необычайное зрелище представлял собой пространный кусок степи у подножия горы Магнитной, прозванной киргизами Таш-Темиром — железным камнем.

В ковыльную степь упиралось железнодорожное полотно. Здесь оканчивался только что проложенный путь. Вокруг не было ни одного жилища. Лишь в одной наспех разбитой палатке ожидали поезда несколько человек, с улыбкой посматривая на все прибывающую толпу.

На скрипучих телегах тащились башкиры с семьями, с самоварами, с кобылами, привязанными к задкам телег. Не решаясь подъехать к самому железнодорожному полотну, они останавливались поодаль, выпрягали коней, пускали пастьись кобыл, а женщины, в своих красных и зеленых «камзулах» —

бархатных безрукавках, украшенных гроздьями мелких серебряных монет царской чеканки — принимались за самовар. Башкиры медлительно пили чай и ждали событий.

Из станиц верхами прискакали подсмеивавшиеся казаки. Им поезд был не в диковину. Их интересовало другое. Неужто и впрямь затеяется под носом у них стройка, про которую еще и деды их слыхали? Давно идут разговоры про руду в горе Магнитной, про то, что будут здесь когда-нибудь строить завод, а может быть, и город. Проходили часы.

Истомленные жарой люди нетерпеливо смотрели вдаль — туда, откуда ожидалось невиданное чудо в этих местах. Наконец из-за Магнитной показался быстро приближавшийся дымок. Толпа всколыхнулась. Линию железнодорожного полотна наспех перетянули красной лентой для торжественного обряда открытия. И вот показался поезд. Рабочие закричали «ура», часть толпы бросилась навстречу паровозу вдоль полотна. Еще несколько минут — и красная лента, как бы преграждавшая поезду путь, была перерезана человеком в белой рубашке.

Кочевники с нескрываемым страхом издали разглядывали паровоз. Подойти ближе они не решались.

Из одних вагонов вышли люди, а из других начали спешно выгружать ящики, бочки, штабеля, фанеры, проволоку, кое-какие машины. Через несколько часов подошел другой поезд и к голому участку ковыльной степи у подножия горы Магнитной подвез бревна, гвозди, пилы, толь...

На следующее утро кочевники покинули свои места. Киргизы погнали коротконогих кобыл на восток, в степь, башкиры вернулись на запад, в аулы затесавшиеся среди ущелий гор.

А на голом куске земли, в степи, среди необозримого моря ковыля, остались люди. Приходили и уходили поезда. Подвозили бревна, машины, железо. Подвозили и людей. Один за другим

вырастали дома, правда, — небольшие, временные, из деревянных досок, из бревен.

В одно лето изменилась вся степь.

И когда не видавший ее два года кряду Ильтабан вновь посетил эти места — что удивительного в том, что в полу-дикарском мозгу кочевника прежде всего мелькнула мысль о шутках шайтана.

3. ТАШ-ТЕМИР-ЖЕЛЕЗНЫЙ КАМЕНЬ

Расставив стропила, обтянув их кошмой, выгнав кобыл пастьись, Ильтабан пошел посмотреть на чудеса, в стороне от которых он поставил свой кош.

«Чудеса» собственно начинались в нескольких сотнях шагов. Вскоре Ильтабан очутился посреди широкой улицы, образованной двумя рядами двухэтажных рубленых домов. За улицей через полотно железной дороги виднелись десятки таких-же улиц. Только дома были там иными — длинными, вытянутыми и одноэтажными. За линией стояли бараки. Всюду, куда достигал глаз Ильтабана, виднелись горы бревен, кирпича, по узкоколейке легко бежали вагонетки, переполненные рудой — таш-темиром — железным камнем. В отдалении высилось громадное каменное здание. За проволочными заграждениями громоздились ящики, машины, бочки. Возчики гужом из одного конца площадки в другой тащили песок, глину, кирпичи, лес, ящики, известь. Поднимая чудовищные смерчи пыли, проносились, пугая Ильтабана, грузовики. Медленно тащился трактор, увлекая за собой длинный хвост прицепных площадок. Более всего поразили Ильтабана колоссальные машины, похожие на животных с невероятно вытянутыми шеями и разъятыми пастьями. Эти машины животные вытягивали свои шеи, открывали стальные пасти,

громадными зубами вгрызались в землю, захватывали горы ее и перебрасывали их с одного места на другое одним махом.

Ильтабан видел экскаваторы, вскрывавшие тысячелетнюю целину степей...

Ильтабан бродил уже много часов, тщетно пытаясь сообразить, что же, собственно говоря, происходит здесь, где только два лета назад он мирно пас своих кобыл и где были тишина да ковыль?

В конце концов он решил порасспросить людей. Потолкавшись в толпе, встретив здесь своего знакомого Муса Гумера, киргиза, осевшего в этом месте с прошлого лета, Ильтабан разузнал все, что ему надо.

К концу дня он возвратился в свой кош и, поглядывая на северо-восток, где полого горбилась гора, он улыбался, прищелкивал языком и шептал:

— Таш-темир! Таш-темир!

Он прикидывал, медленно высчитывал, еле справляясь с наукой арифметического счета, и уснул под конец, с твердо принятым, решением.

Наутро в только что отстроенном здании завоудования начальнику строительства доложили, что его настойчиво спрашивает какой-то киргиз, что киргиз этот отказывается уходить, не повидав начальника.

Начальник принял настойчивого Ильтабана. Поклонившись, Ильтабан сказал:

Наутрō киргиз Ильтабан
пришел в завоудование

— Ми не хотелъ уходить, больше. Ми хотелъ оставалься тута. Ми даваль кобыли, лошадь даваль возить Ми вода возить будем, ми песок возить будем, что твоя сказаль возить будем...

Что ж! Пригодились и Ильтабановы лошади! Работают на строительство в гужевом транспорте. В аренду сдал их Ильтабан. И сам на одной кобылке возит песок. Деньги зарабатывает, в степь уходить не хочет...

Понимает теперь Ильтабан: вырастет в степи город. И будет он больше Троицка или Кустаная, в которых бывал Ильтабан. И еще понял, что будет завод, что для завода будут рыть «таш-темир» — железный камень и станут из него железо делать. Вот и все, что узнал Ильтабан о строительстве.

Железный камень — металл.

Металл — основа промышленности. Металл необходим быстро индустриализирующейся стране — СССР.

Нужны машины, машины, машины... Их требует и промышленность, и сельское хозяйство, переходящее на новые пути, вводящие в небывалых масштабах употребление тракторов, комбайнов, сложных сельскохозяйственных машин и орудий.

В довоенное время по выплавке чугуна из расчета на душу населения Россия стояла на одном из последних мест. Впрочем, то же еще и теперь. Только 28 килограммов в среднем на человека выплавляется в СССР чугуна. В то же время в Германии — 180, во Франции. — 240, в Америке — 340 килограммов.

Нужен металл для машин, для строек. Для металла нужна руда — таш-темир, железный камень.

Думал ли когда-нибудь старый Ильтабан, что такие сокровища скрыты и той самой Магнитной, которую знал он уже много десятков лет. 275 миллионов тонн — это было так непонятно много, что сколько ни объясняли Ильтабану, не могли объяснить, сколько же это все-таки — 275 миллионов тонн руды,

того самого камня, из которого делают «русы» металл. Он только понял, что хитрые и ученые люди умудрились подсчитать, сколько именно этого таш-темира лежит в Магнитной, Ильтабан знал, что такое пуд, про пуд он слышал. Тогда ему сказали, что если взять шестьдесят раз — шесть раз десять по одному пуду, то получится одна тонна А таких тонн 275 миллионов.

Что такое 275 миллионов?..

Тогда ему объяснили так. «Скорая» машина — поезд, самый быстрый поезд, идет от Москвы до Свердловска два дня, две тысячи верст Это Ильтабан представил себе. Дальше!

У горы Магнитной построят завод. Этот завод будет делать металл, чугун из «железного камня». За год выплавит столько этого металла, что если нагрузить всем этим металлом поезд, то длина поезда окажется — две тысячи километров, как от Москвы до Свердловска.

— Понял. Ильтабан?

Киргиз только щелкнул языком. Он понял.

— Слушай дальше, Ильтабан. Столько чугуна произведет завод за один только год. Но железного камня в горе Магнитной так много, что если каждый год выплавлять из него по одному такому поезду в две тысячи километров длиной, наполненному чугуном, то запасов таш-темира хватает по крайней мере на шестьдесят лет. А потом? Потом... Но разве не знает Ильтабан, что таш-темир встречается и в горе Куйбас, по соседству с Магнитной? Разве не знает старый киргиз, что таш-темир попадается всюду, куда пи ступишь в Троицком округе?

Хватит таш-темира на сотни, на много сотен лет!..

4. ПОБЕЖДЕННЫЙ КОВЫЛЬ

Несколько десятков квадратных километров отнято человеком у ковыльной степи Троицкого края, в Азии, за Уралом, по берегам казачьей реки Урал.

Пространство, занятное человеком, здесь скромно именуется «строительной площадкой Магнитостроя».

Магнитострой!

Это имеет двоякое значение. И стройка города, и стройка завода. Огражденный зелеными насаждениями, строится день за днем величайший в мире металлургический завод. Он будет выплавлять до 3 миллионов тонн чугуна в год. Его оборудование будет самым совершенным в мире. Рядом с ним покажется жалким оборудование существующих уральских заводов. Еще бы, ведь сейчас чтобы выплавлять 650 тысяч тонн чугуна, должны быть заняты не менее 50 тысяч рабочих.

А на магнитогорском заводе, на котором будут выплавлять 3 миллиона тонн — будет занято лишь 12 тысяч рабочих. Вместо остальных буду!

Этот завод выплавит около 3 000 000 тонн чугуна в год.

работать заменяющие труд человека машины — механические установки. Они превзойдут даже американские. А в Америке на каждого рабочего-металлурга приходится по 16 лошадиных сил механических установок, в Магнитогорске же их будет 20!

Величайшие на свете доменные печи мощностью более тысячи тонн каждая — восемь таких печей — полностью будут работать у подножья горы Магнитной в 1933 году...

А вокруг металлургического гиганта вырастет Магнитогорск, город социалистический, обобществленный, город близкого будущего.

ПЯТЬ НЕОБЫКНОВЕННЫХ СЕКУНД

Часы показывали без двадцати минут час. До Судака — цели моего путешествия — оставалось километров десять по разбитому шоссе, то стремительно опускавшемуся вниз, то круто поднимавшемуся вверх. Нечего было и думать попасть в Судак раньше трех часов пополудни. Но в три — это слишком поздно. Серьезная причина требовала моего присутствия в Судаке не позднее чем в два часа дня, и я о досадой оглядывал пустынnyй залив Нового Света.

Залив замыкался на западе далеко вдающимся в море, голым, малоприветливым мысом. Издали виднелась огромная, обветренная скала, нависшая над входом в живописную бухту. В скале черными пятнами темнели глубокие гроты. Подъехав на лодке к одному из них, легко разглядеть высеченный в камне просторный зал, открытый с одной стороны. В глубине его — каменная эстрада с остатками мраморных украшений. А по стенам — гранитные полочки, на одной из которых я отыскал горлышко винной бутылки. К гротам вела искусственно выбитая по краю скалы тропа, огражденная со стороны моря стеной, сложенной из акмонайского камня. От грота каменная тропа приводила на песчаный берег залива. Отсюда кверху поднималась запущенная кипарисовая аллея, местами прерывавшаяся и открывавшая то

направо, то налево подземные ходы, отделанные гранитом и мрамором. В конце аллеи — сожженная солнцем, желтела большая поляна, обсаженная тополями.

Посредине поляны возвышалось причудливой формы, непохожее на человеческое жилье здание. Четыре башни по краям правильного четырехугольника соединялись между со бой длинной стеной с готическими окнами.

Здание строилось когда-то с претензией на средневековый замок, хотя едва ли было приспособлено для жилья. Внутри оно образовывало просторный двор, окаймленный высокой стеной и башнями по углам. Тяжелые железные ворота были полуоткрыты, и издали виднелся в старом дворе кучей сваленный хлам, какие-то бочки, оглобли полусломанных повозок, колеса и многое другое, былое назначение чего разобрать я не мог.

Все вокруг было напоено мертвенною тишиной. Ничто не напоминало о возможном присутствии людей на берегу теперь уже дикого и заброшенного залива. Шагах в двухстах от «замка», на высоком зеленом холме, белело другое здание — двухэтажное, густо облепленное балкончиками, террасками, лесенками, висевшими над запущенным, поросшим сорной травой парком. Вывороченные рамы, разбитые стекла, трава и мох, покрывающие подоконники, показывали, что в доме давно никто не живет.

С любопытством оглядывал я мертвый, покинутый хутор — некогда имение одного из крупнейших магнатов царских времен. Когда-то пышная жизнь богатейшего дворянского гнезда текла на этом, цветущем тогда берегу. Лодка случайных экскурсантов не приближалась к таинственным гrotам, высеченным в прибрежной скале. Нога пешехода не смела ступить на подстриженные дорожки кипарисовой аллеи, А на мягком отлогом пляже с двух сторон высились на белых щестах надписи: «купаться воспрещено». Постоянная стража охраняла тогда залив.

Подземные ходы, открывавшиеся по сторонам кипарисовой аллеи, вели в знаменитые княжеские подвалы. В мраморных подземных залах пировали во время наездов царя к его любимцу князю. Той же цели служили и гроты, высеченные в скале, с мраморными эстрадами и узкими тропками над самым морем.

Я проходил мимо «средневекового» замка, прежде княжеской конюшни, с твердым намерением выйти из этого мертвого царства к шоссе и, — нечего делать, — пешком двинуться к Судаку. В то время, как в представлении моем возникали картины давнишней жизни дворца на берегу морского залива, неожиданно распахнулись готические ворота и, к чрезмерному моему изумлению, отличная лошадь вынесла из конюшни желтый блестящий кабриолет...

Пораженный, я остановился. Кабриолет весь был покрыт как будто бы свежим лаком и блестел и сиял позолотой. Шелковые его подушки отливали матовым золотом, а на спинке красовался зеленый княжеский герб. На козлах сидел человек в бархатном жилете о большими медными пуговицами, потускневшими от времени.

Преодолев изумление, я подошел к человеку. Через минуту мне уже стало известно, что кабриолет направляется в Судак, то есть к цели и моего путешествия. Мне не стоило большого труда убедить возницу в бархатном жилете позволить мне сесть на шелковые подушки кабриолета. Человек тронул лошадь кнутом, и мы медленно покатили по шоссе, проложенному над самым обрывом, у подножья которого застыло недвижное, эмалевое море.

Историю кабриолета ломаным языком рассказал возница Меджид, старый княжеский конюх, знавший каждый камень в этих местах, каждый кустик и, уж конечно, каждую тропку.

Что означало таинственное появление кабриолета среди разрушенного дворца? Таинственного не много. Чудом уцелел этот почти драгоценный экипаж в княжеских конюшнях. Санаторий в Судаке выхлопотал право привезти кабриолет для прогулок больных.

Но когда-то, когда-то... в этом кабриолете ездил сам царь! Да, да, Меджид — бывший княжеский конюх — помнит то время. Первый раз, когда ждали царя — князь выписал кабриолет из-за моря, из Англии, специально для прогулок «хозяина русской земли». Из ломаной речи Меджида я понял, что только два раза пришлось Николаю Кровавому ездить в кабриолете, купленном для него старым князем. Больше никому, никому не позволял владелец Нового Света пользоваться кабриолетом. Он не ездил в нем даже сам. Мы с Меджидом первые — кто, по воле случая, оказались пассажирами драгоценного экипажа...

Далеко позади остались живописный залив и развалины замка, окруженные вышками тополей и сплошной стеной кипарисов. Обнаженные, рыжие скалы торчали по одну сторону шоссе, нависали над нами, как бы угрожая свалиться на кабриолет и его седоков.

Шоссе проходило по краю ущелья, у подножья которого распласталось недвижное и бесцветное море. Черные пятна выскакивавших из воды дельфинов нарушили однообразие и гладь залива, и на тонкой линии горизонта вился дымок парохода... Лошадь шла медленно и понуро, изнемогая от жажды.

— Вода нет, — жаловался Меджид. — Князь был — колодец делал. Теперь пропал колодец... Никто нет в Новый Свет... Где вода взять?

Десять километров в томительную жару среди местности, где не достать капли воды, кажутся двадцатью, тридцатью, даже сотней километров... Мы проезжали по краю ущелья, на дне

которого словно застывший каменный поток спускался к самому морю...

— Шайтан-дере! — сказал Меджид, оборачиваясь ко мне и указывая пальцем на дно ущелья.

«Чёртова пропасть», — перевел я мысленно сказанное Меджидом.

Огромный камень, узкий, вытянутый кверху, напоминавший форму человеческого пальца, торчал на краю дороги, над самым ущельем. В Крыму много подобной формы камней и повсюду их почему-то именуют «пальцами чорта».

Тому, что случилось в следующее мгновение, не предшествовало ничто, могущее хоть как-нибудь подготовить к необыкновенному случаю. Глаза тщетно искали на небе следы облачности. Унылая неподвижность моря скорее раздражала, чем радовала взор. Знойную тишину нарушало только жужжанье пчел, возившихся в чашечках цветов шиповника по краю шоссе.

Человеческому вниманию мудрено зафиксировать ничтожную долю секунды. Однако, события, которые произошли у места, где Меджид указал мне на Шайтан-дере, развертывались в неизмеримые доли мгновенья.

Звук оказался первым, что приковало внимание. Он был похож на гром, только много сильнее, чем самый сильный гром. Но прежде, чем факт его появления вошел в наше сознание, в следующую тысячную долю секунды возникла мысль о том, что гром этот не сверху, а снизу... Он как бы рвался откуда-то из-под земли, клокотал где-то под ногами.

В микроскопическую долю мгновенья я успел заметить начавшую поворачиваться ко мне голову Меджида. Но все произошло о такой молниеносной быстротой, что возница даже не успел совершить поворот шеи в мою сторону. Почти сейчас же я увидел, как смешно и беспомощно он привскочил на козлах, точно

подпрыгнул, и с силой брякнулся на кожаное сиденье, но брякнулся боком. Одновременно подняло и меня самого, словно кто-то схватил меня под руки и подбросил кверху над кабриолетом. В какую-то следующую долю секунды я уже валялся на дне экипажа, тщетно стараясь ухватиться за что-нибудь, что могло бы меня удержать...

Самое любопытное, что в такую минуту человек теряет способность элементарно соображать. Просто потому, что все совершается быстрее, чем может родиться самая быстрая мысль. Все, что делаешь, делаешь как бы вслепую. Действует только инстинкт. Время исчезает в такие минуты. Не знаешь, секунда ли прошла, или час...

Итак, я лежал на дне кабриолета, не только не понимая, но даже не пытаясь понять, что собственно происходит... Я тянул руки к сиденью, чтобы подняться и сесть на прежнее место.

Прошла еще безмерно малая доля секунды — и, чувствуя сильную боль в спине и ногах, я о изумлением обнаружил себя самого уже на шоссе. Что-то дернуло кабриолет, он стремительно пронесся куда-то прочь от меня, и я вылетел из него, даже не замечая процесса «полета»...

...Через малую долю секунды я о изумлением обнаружил себя самого уже на шоссе...

Грохотало у самого, уха... Я лежал на земле, ухом припадая к шоссейной пыли. Было похоже, что под тонким покровом земли с ужасающей быстротой катится камерная лавина, огромные глыбы гранита сталкиваются будто бы с землей, перекатываются одна через другую и, сотрясая землю, несутся неизвестно куда...

Грохот стих. Я приподнялся и оглянулся вокруг. «Чортов палец» на краю ущелья валялся где-то внизу, словно его выдернули с необычайной легкостью и вывернули. Высокую пихту, секунду назад висевшую на скале над дорогой, придавил громадный камень, согнувшиий ее до земли...

Внизу, у подножья ущелья, море ходило волнами... Казалось, ведь только-что его бесцветная мертвая гладь раздражала взор скучным однообразием. Сейчас огромные волны налетали на прибрежные камни, разбивались о них, рассыпались на мельчайшие брызги, выбрасывали на берег груды мелких камней и песку.

Море теперь потемнело, вздулось... Мутные клочья пены плавали на его поверхности, устремляясь на гребнях волн к берегу. Но небо оставалось таким же безоблачным, ненарушенно чистым, и так же был мучительно тих и зноен воздух. Волнение без малейшего ветерка — необычайное, удивительное явление!..

Я взглянул в сторону кабриолета. Меджид сидел на козлах, раскачиваясь, как пьяный. Его лицо было мертвенно бледно и руки беспомощно размахивали в воздухе. Лошадь несла кабриолет над самой пропастью... Было похоже, что тончайшая ниточка отделяет подскакивавшие на камнях колеса от падения в ущелье Шайтан-дере.

Я бросился нагонять Меджида с надеждой вовремя удержать лошадь. Несчастный, обернувшись ко мне, что-то кричал... Я слышал только звук его голоса, но слов разобрать не мог из-за сильного шума моря, доносящегося снизу.

Именно в эту секунду раздался второй подземный удар... Опять, как и в первый раз, сначала под ногами прокатился гром. Опять казалось, что под землей ворочаются, со стремительной быстротой несутся исполинские камни, сотрясая почву... Существует у иных представление, что в подобные минуты земля «раскачивается» из стороны в сторону. Ничего подобного! Ощущение таково, словно человека на мгновение приподнимают от земли. Он перестает чувствовать под своими ногами почву, — и ото самое непривычное, самое волнующее явление, более всего заставляющее чувствовать величайшую растерянность.

Так было и со мной. Меня приподняло. Каюю-то долю секунды я висел в воздухе и затем опустился в прежнюю точку... Я не упал на этот раз. Позже, вспоминая все произшедшее, я пришел к выводу, что землетрясение было не такой силы, чтобы человек не мог устоять на ногах. Если я вылетел из кабриолета, то это, конечно, потому, что испуганная лошадь дернула и понесла.

Лучше было бы и для Меджида, если бы и его бросило с козел. Увы, положение татарина казалось угрожавшим его собственной жизни. Второй подземный удар довел и без того обезумевшую лошадь до предела бешенства. Прежде, чем я успел добежать до кабриолета, — лошадь взвилась на дыбы, сломала лакированные нарядные оглобли кабриолета и ринулась вниз, в пропасть, в усеянное острыми камнями глубокое дно Шайтан-дере...

В эту минуту в воздухе промелькнул бархатный с блестящими пуговицами жилет моего Меджида, и на пыльное

шоссе грузно шлепнулось, словно мешок, наполненный тяжким грузом и брошенный с верхнего этажа, — тело татарина...

Я подскочил к нему. Меджид отдался незначительными ушибами. Быстро придя в себя, он приподнялся и, сидя в пыли, стал растирать расшибленный локоть.

Его побледневшие губы беспрестанно шептали какие-то слова. Нагнувшись к нему, я успел разобрать:

— Шайтан... Шайтан...

В суеверной голове Меджиды, несомненно, возникла мысль, что все произшедшее — дело рук чорта — «шайтана». И мне было трудно разубедить татарина, упорно связывавшего разразившиеся над нами беды с чёртовым ущельем, возле которого землетрясение застигло наш злополучный кабриолет.

Несколько минут мы о Меджидом не двигались с места, инстинктивно готовясь к новым подземным толчкам. Однако, было похоже, что толчки прекратились. Они успели в кратчайший срок достаточно сильно изменить местность, которой я любовался за минуту до всего произшедшего. Разительнее всего была перемена на море, которое вздулось и покрылось теперь огромными, разбивавшимися о берег волнами. Несколько больших камней скатилось с шоссе в глубину Шайтан-дере. «Чёртов палец» лежал на дне ущелья, как повалившаяся, подрубленная башня...

Там же, рядом с «Чёртовым пальцем», в кустах шиповника, пробивавшегося между камней, билась с жалобным ржаньем лошадь. Запутавшись в упряжи, она дробила копытами то немногое, что осталось от блестящего кабриолета. У последнего был жалкий вид. Колеса его обратились в букет щепок. В клочья были изодраны шелковые подушки с княжескими гербами, а высокая желтая спинка треснула пополам. То, что недоделали камни, добивали копыта страдавшей в конвульсиях лошади.

Я растерянно взглянул на Меджид... Что делать? Не произнося ни слова, татарин сбросил с себя жилет, затем снял ботинки и, кивнув мне головой, начал быстро спускаться вниз, осторожно цепляясь за гранитные выступы. Через минуту он был возле остатков кабриолета и раненого животного. Я напряженно следил за тем, что он делает. Меджид осмотрел лошадь, поднял голову кверху, как бы отыскивая мои глаза, и покачал головой. Жест его должен был означать, что с лошадью — кончено. В самом деле, из уха разбившегося животного текла струйка крови. Меджид освободил животное от опутывавшей его сбруи, зачем-то положил голову лошади на камень и стал карабкаться наверх.

Растерянные, мы продолжали наш путь пешком. Меджид шел, тяжело ступая и сосредоточено думая о чем-то...

— Шайтан! — сказал он еще раз, поднимая голову и глядя на меня.

И снова я сделал попытку прочесть суеверному татарину короткую лекцию о том, что значит землетрясение и отчего оно происходит. Но упрямый Меджид стоял на своем.

До Судака оставалось два-три километра. Тут и там по дороге Меджид, знавший каждый сантиметр этой земли, находил странные изменения, переместившиеся камни, а кое-где — неглубокие трещины, морщинившие шоссе.

Мы подходили уже к окрестностям живописного местечка, некогда знаменитой генуэзской колонии. Издали на безоблачном небе вырисовывались контуры древней Судакской крепости, песочно желтая крепостная стена и высокие с зубьями, живописные генуэзские башни.

Неожиданно Меджид остановился и пальцем указал мне направо. Зрелище, открывшееся перед нашими глазами, было из необычных. Татарская хижина, прилепившаяся к скале, была расколота надвое. Стена и деревянный балкончик, разрушенные,

вались рядом, засыпав крохотный виноградник татарина... Вся внутренность дома была видна, как это бывает на сцене, где отсутствует четвертая стена. Кофейного цвета ребяташки бегали вокруг и выкрикивали что-то на незнакомом языке. Хозяин дома растерянно смотрел на разрушенное жилище... Его жена, маленькая морщинистая татарка, уткнув лицо в шарф, горько всхлипывала...

Останавливаться не стоило. Нас гнало вперед нетерпение узнать — что же дальше, что там, где нас не было? Что означает все пережитое нами в какие-нибудь пять необыкновенных секунд? И мы с Меджидом быстро шагали по шоссе, оставив далеко позади себя, на дне ущелья Шайтан-дере, умирающее животное и разбитый желтый кабриолет...

У ПОДНОЖЬЯ ВУЛКАНА КАРАДАГ

Вид на потухший вулкан Карадаг (на фото — гора слева) с побережья у Коктебеля.

— Он приедет, стоит ли волноваться!

— Голубчик, да вы не знаете! Без воды у нас стоит половина работы!

— Но ведь Халиль ваш знает, что сегодня нужна вода?

— Мало ли что! Он так медлителен, этот Халиль!

— Как все-таки странно! Неужели вокруг нет ни одного источника, ни одного родника?

— Вы шутите?! Шестнадцать лет я живу среди этих гор! Я знаю здесь каждый камень, каждый квадратный вершок — лучше чем собственную ладонь! Отсутствие воды всегда было больным местом нашего Карадага!

— Ну, а колодцы?

— Колодцы? Мы рыли их в десятках мест. Безнадежно! Карадаг безводен. Нас могли бы спасти дожди. Но дождь в этих местах, вы знаете сами, такая редкость, такая редкость! Построили бассейны, водохранилища на случай дождя — да толку немногого: дождя не дождешься.

— Но ведь в долине, внизу, где-то есть какой-то источник? Возит же оттуда воду на Карадаг ваш ужасный Халиль!

Один из собеседников сидел на скамье, а другой расхаживал по площадке...

— Так что же?

— Как что же?
Водопровод!

— Голубчик, да вы смеетесь! Мы спим и во сне видим водопровод. Да деньги, деньги где взять? На водопровод тысяч десять единовременно надо, а станция наша бедна, нища. Если бы водопровод! Сами судите: пятьсот в лето на одну только пресную воду тратим...

На минуту оба собеседника замолчали. Разговор происходил на площадке, осыпанной желтым песком, у большого белого здания. Площадка была обсажена кустами испанского дрока, цветы

которого сверкали желто-лимонной окраской. Тут же, словно обрызганный кровью, цвел огромный гранатовый куст. Между

кустами — скамья и стол. Один из собеседников сидел на, скамье, упираясь локтями о край стола, а другой расхаживал взад и вперед по площадке, нервно поглядывая на тропинку, спускавшуюся с площадки вниз, снявшуюся в котловине и уходившую далеко в цветущую у подножья горы Карадаг — долину Отузы. Перед глазами сидевшего на скамье человека глубоко внизу открывалось необозримое морское пространство.

По дну Отузской долины, казалось, несся кипящий свежезеленый поток виноградников и срывалялся в море, в синий залив, очерченный на западе мысом Меганон. Меганон сполз в море с края долины. Огненно-красный, голый, — он походит на пирамиду с усеченной вершиной.

На востоке, в соседстве с площадкой у белого здания, высился древний, потухший вулкан Карадаг. От площадки до Карадага, казалось — рукой подать. Коричневая вершина, покрытая черным лесом, господствовала над четностью. На склонах горы гигантскими иглами застыла лава, громоздились вулканические «бомбы», темнели выходы угольно-черного базальта. Все вокруг было сожжено здесь, на высоте, поднятой над морем и над цветущей внизу Отузской долиной. Сухая трава и щебень. Ни капли воды. Ни кустика зелени. И только цветы, бережно взращенные рукой затерянных в горах людей перед одиноким белым зданием, нарушили величественную унылость пейзажа.

Сидевший на белой садовой скамье человек жадно рассматривал и виноградники в Отузской долине, и далекий мыс Меганон, и синий морской залив. И всего внимательнее — причудливые формы древнего вулкана, возвышавшегося рядом. Он, видимо, только что прибыл в эти места. Все ему было незнакомо и все непривычно после далекого и серого Ленинграда.

Второй — среднего роста, блондин со светлой эспаньолкой, свисавшей с подбородка, весь в белом, беспокойно ходил взад и

вперед, пожимая плечами и вслух ругая Халиля. Из белого двухэтажного здания, с просторной стеклянной верандой, вышел молодой человек в трусиках с расстроенным и огорченным лицом. В руках он держал скомканные и окровавленные перья какой-то птицы. Он подошел к блондину.

Один из собеседников сидел на скамье, а другой расхаживал по площадке...

— Ах, Александр Федорович, — жалобно произнес молодой человек. — Этот злодей съел моего каменного дрозда!

— Опять!..

Александр Федорович, блондин, в ужасе поднял руки к небу.

— Этот злодей скоро съест всю нашу станцию, все препараты. Дмитрий Васильевич, вы бы хоть запирали его! Ведь немыслимо!..

— Запирал, да мало толку. Не выбросить же злодея!

— Нет, нет! Конечно, не выбросить!

С прискорбием рассматривая все, что осталось от каменного дрозда — перья в крови — молодой человек в трусиках возвратился в белое здание. Обратившись к сидевшему на скамье новичку, Александр Федорович объяснил разговор о «злодее»:

— «Злодей» — это наш кот. Балуем. Нужен, мыши, знаете ли. А кроме того — и скучно. Завели кота. Да вот последнее время проказит в кабинете Дмитрия Васильевича. Это — молодой ученый. Он у нас зоологическим кабинетом заведует. Сам охотится, сам и чучела набивает, а «злодей» его птиц да зверей пожирает, прежде чем тот сделает из них чучела.

Собеседник его посмотрел в сторону Карадага и, вздохнув, произнес:

— Хорошо тут у вас!

— Хорошо? Чудесно! — просиял Александр Федорович. —
Лучше не сыщете. Карадаг — жемчужина Крыма. А кто знает о Карадаге? Где известно о нем? Как я свыкся, как я свыкся с этой горой. За шестнадцать лет я, может быть, только раза три уезжал отсюда. Да- и вы вот поработаете у нас на практике месяца два или три, и в ваш Ленинград не захотите. Карадаг хорош, однако, красоты его обречены, обречены, дорогой товарищ!

— Как так?

— Вы слышали что-нибудь о пущолане?

— Никогда!

— Видите ли, пущолана — это продукт вулканической деятельности. Вместе с известью она дает крепко связующее вещество. В деле строительства вещество это крайне ценно. Кстати сказать, оно было известно еще древнему Риму. Между прочим, знаменитый римский «Колизей» построен на этой вот самой пущолане.

— А Карадаг тут при чем?

— Карадаг? Помилуйте, да Карадаг — это исполинский сундук, наполненный драгоценной пущоланой. Будет время, придут сюда люди с машинами и кирками, разроют, разрушат чудесный наш Карадаг. Вывезут пущолану.

— Но ведь, кроме того, у вас, кажется, и аномалия здесь какая-то открыта?

Блондин обиделся:

— И вовсе не какая-то, а имеющая очень большое научное значение, дорогой мой. Магнитная аномалия на Карадаге изменяет все представление о свойствах горных пород. Ведь обыкновенно считают, что магнитная аномалия связана с магнитным

железняком. На этом, кстати, и основано открытие в Курске. А вот Карадаг показал, что магнитные явления возможны и при полном отсутствии магнитного железняка. Нет, нет, удивительная эта гора таит в себе много еще не открытых научных явлений. Не даром Карадаг — это один из самых сложнейших геологических районов. Ведь именно здесь, в этом мало известном углу восточного берега Крыма, — перелом двух тектонических линий строения земной коры — Кавказской и Крымско-Балканской. Наконец, Карадаг — это единственный вулкан на побережье Черного моря!

— Позвольте, Александр Федорович, а как же Кастель, Фиолент, Аю-Даг?

— Голубчик, да ведь это все только выходы вулканической массы, так называемые «внутренние извержения» — лакколиты. Карадаг же — вулкан единственный, древний потухший вулкан!

Говоривший вдруг остановился, беспокойно еще раз посмотрел в сторону Отузской долины и, не заметив по дороге ничего, взъерошил руками.

— Не едет? — спросил его собеседник.

— Да нет, он сумасшедший, этот Халиль!

Собеседник пожал плечами:

— Как, все-таки, это странно. Вам приходится отрываться от ваших научных работ и массу энергии уделять на хозяйство. А вы ведь заведующий станцией, вы ведь профессор, известный ученый! Имя геолога Слуцкого всем хорошо известно.

Профессор усмехнулся:

— Голубчик, да нет ведь людей. Работать некому. Надо все создавать самому! Шестнадцать лет я уже здесь. Да четырнадцать лет со дня смерти Вяземского заведую станцией.

— Ах, Вяземский! Ведь он, кажется, основатель?

— Ну, еще бы! Он мой учитель. Его, к сожалению, знают немногие. А ведь это один из выдающихся наших ученых. Я мог бы вам рассказать его историю. Замечательная история.

И прежде, чем собеседник обрадованно кивнул головой, известный ученый, взволнованный воспоминаниями о своем учителе, сел на скамью и начал рассказывать.

— Вяземский — необыкновенная личность. Личность, о которой следовало бы написать увлекательную книгу. Ибо все в жизни этого человека, каждый его шаг полон значительности и способен привлечь внимание даже самых нелюбопытных людей. Кто он был? Он родился в семье псаломщика Рязанской губернии. Несмотря на крайне неблагоприятные условия, окружавшие его с детства, на некультурную обстановку, в которой он рос и воспитывался, среди которой складывались его вкусы, его мышление, симпатии и характер, — Вяземский твердо решил сделаться Ученым. Пожалуй, в этом юноше было что-то от Ломоносова. Он рано ушел из семьи. С невероятным трудом добывал себе средства к существованию. Учился, что называется, на медные гроши и, в конце концов, отлично кончил Московский Университет.

— Вяземский, кажется, был врач?

— Да, он был и не был врачом. Он был больше, чем врач. Не в характере Вяземского было замыкаться в какую-нибудь одну, отдельную научную дисциплину. Круг его знаний был чрезвычайно обширен, необъятен. Вот, к примеру... Достаточно сказать, что, окончив медицинский факультет, он избрал неожиданно для всех темой для дипломной работы такую: «Явления электричества у растений». Врач по специальности, он

много работал по биологии, изучал специально явления электричества в животном и растительном мире и, в то же время, много работал в области социальной гигиены. И в то же время Вяземский не переставал практиковать, как медик. Но все ему было мало. Однажды, этот замечательный человек обратил внимание на огромное количество пропадающих для государства научных сил. Царское правительство высыпало передовые элементы тогдашней интеллигенции, революционно настроенных профессоров и ученых. И Вяземский решил так: если невозможно сразу освободить всех этих людей, то нельзя ли хоть предоставить этим ученым возможность заниматься по специальности? И вот, Вяземский отправляется в Петербург. Он — в министерских передних. Он подает заявления, хлопочет. Выступает с проектом, который обходится ему слишком дорого. Энтузиаст по натуре, он осмелился подать царским министрам проект, в котором предлагал создание научных лабораторий и всяких научных обществ в местах ссылки ученых. «Ведь вы растратываете научные силы страны!» — кричал Вяземский, обращаясь к царским министрам. Дело кончилось тем, что самого автора проекта едва не сослали в Сибирь. Вяземский еле успел восвояси убраться из Петербурга. Несколько лет он провел в скитаниях, в научной работе. Его никогда не переставала заботить судьба ученых, не имеющих возможности работать в надлежащих условиях. Через короткий срок он носился уже с новым проектом. Он так рассуждал на этот раз. Ученые живут в больших городах, столицах, где — вечный шум, теснота, нервная напряженная атмосфера, постоянно отвлекающая их от научной работы. Надо создать какой-то «научный остров» для ученых. Надо вырвать их из больших городов, предоставить им более благодарные условия для работы, тишину, здоровый климат и удобную обстановку для лабораторных опытов. Эта мысль преследовала Вяземского, и он

долгие годы носился с ней. Он много скитался. Вы, может быть, знаете, что еще четверть века назад восточный берег Крымского полуострова был мало известен? Экскурсанты почти никогда не посещали его, и дач, которых столь много на южном побережье Крыма, на восточном побережье тогда не было. Вяземского привлекала суровая красота этих пустынных мест, дикая нетронутость древних заливов Коктебеля, Отуз, Карадага и Судака. Он долго блуждал в этих местах, днем и ночью совершая прогулки один. Однажды Вяземский заблудился в горах. Он попал в незнакомую ему местность и принял ее исследовать. Он вскарабкался на вершину потухшего вулкана, нашел здесь бомбы базальта, остатки выходов древней лавы. Он увидел жерло вулкана, сдвинутое на бок и теперь видимое хорошо с моря. Он видел богатейшую флору и фауну, доставлявшую неисчислимый материал для научных опытов. Судьба Карадага была решена. Да, да! Где можно найти лучшее место для создания того научного очага, о котором мечтал мой учитель? Какие возможности предоставляет Карадаг ученым? Потухший вулкан дает обширное поле для работы геолога. Ведь нигде не найти такой ясной картины древнего вулкана, ведь нигде не обнажено так строение продуктов вулканической деятельности. Вместе с тем, море разрешало вопрос о постановке биологических изысканий, горная высота — о метеорологических наблюдениях, флора и фауна — о работе по зоологии, ботанике и энтомологии. Ничто не нарушало бы здесь работу ученых! Где разыскать более счастливое стечеие обстоятельств! И Вяземский твердо решил: здесь будет построена первая научная станция, приют для ученых, лаборатория для всех, кто желает заниматься наукой. По мысли Вяземского, станция должна быть доступной даже для тех, кто не имеет специальных ученых степеней. «Пусть отсюда, — любил говорить он, —

выходят новые Ломоносовы». На месте нынешней станции стоял когда-то заброшенный хутор. Вяземский откупил его и на деньги, скопленные собственным трудом, принялся воздвигать здание Карадагской станции. Это было ровно двадцать лет назад. Вяземский умер в 1914 году, задолго до того, как станция, которой он посвятил всю свою жизнь, была достроена. Он был мой учитель. Я начал работать здесь еще до смерти Вяземского, а после его смерти — четырнадцать лет назад — я был назначен заведующим станцией на горе Карадаг. Все эти годы, трудные годы войны и революций, когда даже к нам, на наш горный, так сказать, остров производились налеты, мы день за днем достраивали эту первую и единственную в Советском Союзе научную станцию, носящую теперь имя ее основателя!

Професор кончил рассказ, взглянул на часы и снова всплеснул руками;

— Четыре часа, а Халиля все нет!

Оставив молодого, только что прибывшего для работ на научной станции практиканта, он отправился хлопотать по хозяйству, разыскивая свободного человека, чтобы послать за Халилем, оставлявшим горных островитян без воды.

А новичок с удивлением присматривался и прислушивался к жизни научных отшельников, нескольких человек, отрезанных от всего остального мира на горных высотах, у подножия древнего вулкана, проводивших здесь, в большой незаметной работе все свои дни...

ЭМИЛИЙ МИНДЛИН
(1900—1981)

Эмилий Львович Миндлин (12(25) мая 1900 года, Александровск Екатеринославской губ., ныне Запорожье — между 25 мая и 5 августа 1981 года, Москва) — русский советский писатель.

Учился в гимназии в Александровске. Печатался с 1914 года. Был знаком с поэтом Вадимом Баяном, который с 1917 года тоже жил в Александровске.

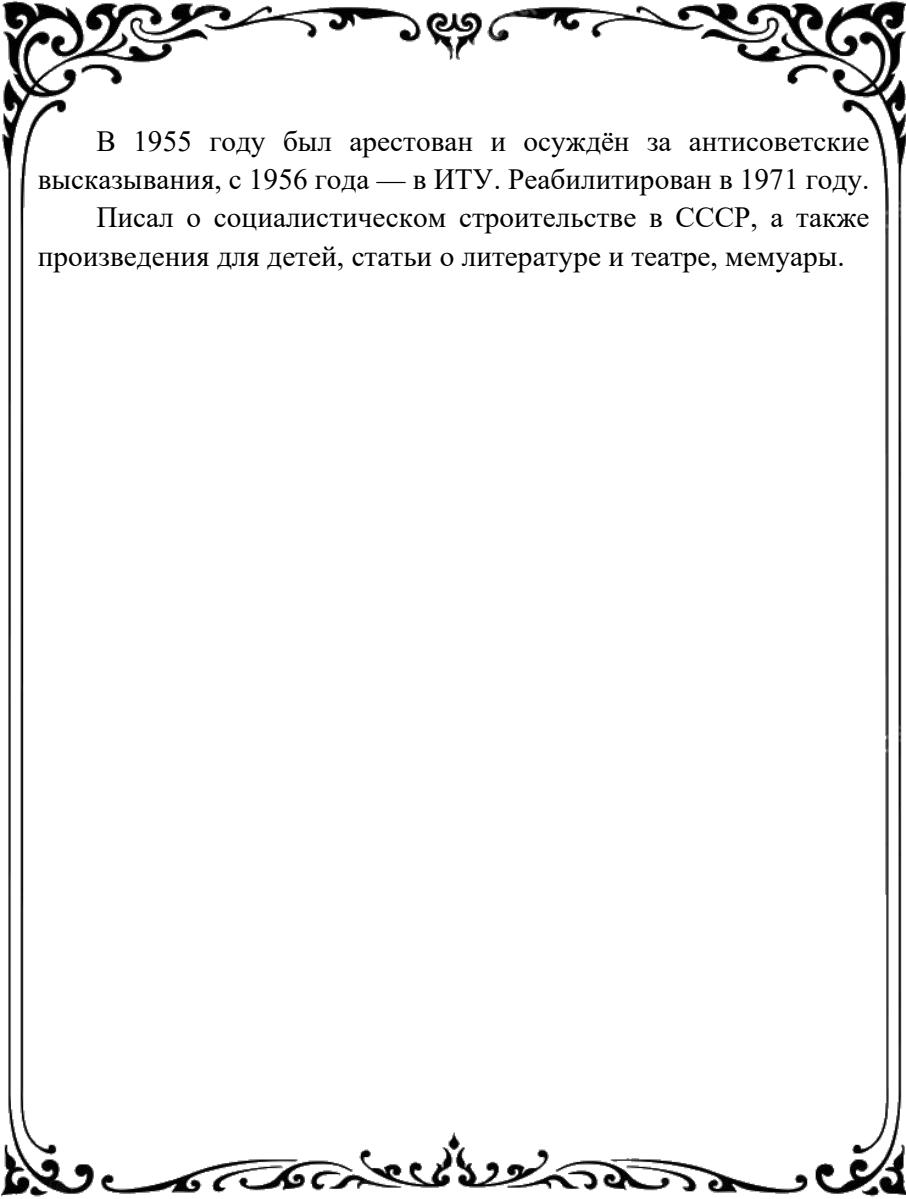
С 1919 по 1921 год жил в Феодосии, участвовал в Феодосийском литературно-артистическом кружке (ФЛАК). Называл своим учителем в литературе М. Волошина. К Миндлину обращено стихотворение М. Цветаевой.

После изгнания из Крыма белогвардейцев уехал в Москву (1921).

Сотрудничал в периодических изданиях, газетах «Накануне», «Вечерняя Москва» (с первого её номера, то есть с 6 декабря 1923 года), «Ленинградская правда», журнале «Огонёк» (со времени его воссоздания в 1923 году). Ездил в командировку по заданиям редакции, пережил наводнение в Ленинграде 23 сентября 1924 года. В 1925 году получил квартиру в Москве и перевёз из Ленинграда семью.

Участник спасательной экспедиции на ледоколе «Красин» потерпевших катастрофу на дирижабле «Италия» членов арктической экспедиции Умберто Нобиле (1928).

С началом Великой Отечественной войны вместе с другими писателями был мобилизован на радиопропаганду. С возвращением в Москву Центрального детского театра работал в нём, заведовал литературной частью.

В 1955 году был арестован и осуждён за антисоветские высказывания, с 1956 года — в ИТУ. Реабилитирован в 1971 году.

Писал о социалистическом строительстве в СССР, а также произведения для детей, статьи о литературе и театре, мемуары.

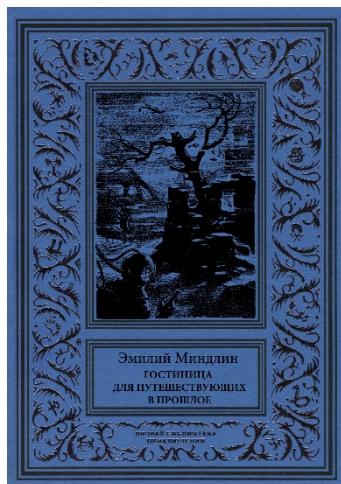
СОДЕРЖАНИЕ

Рассказы	4
Возвращение доктора	75
Фауста	
Днепровская Атлантида	101
Не может быть	168
Очерки	222
Биография	255

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

LEO